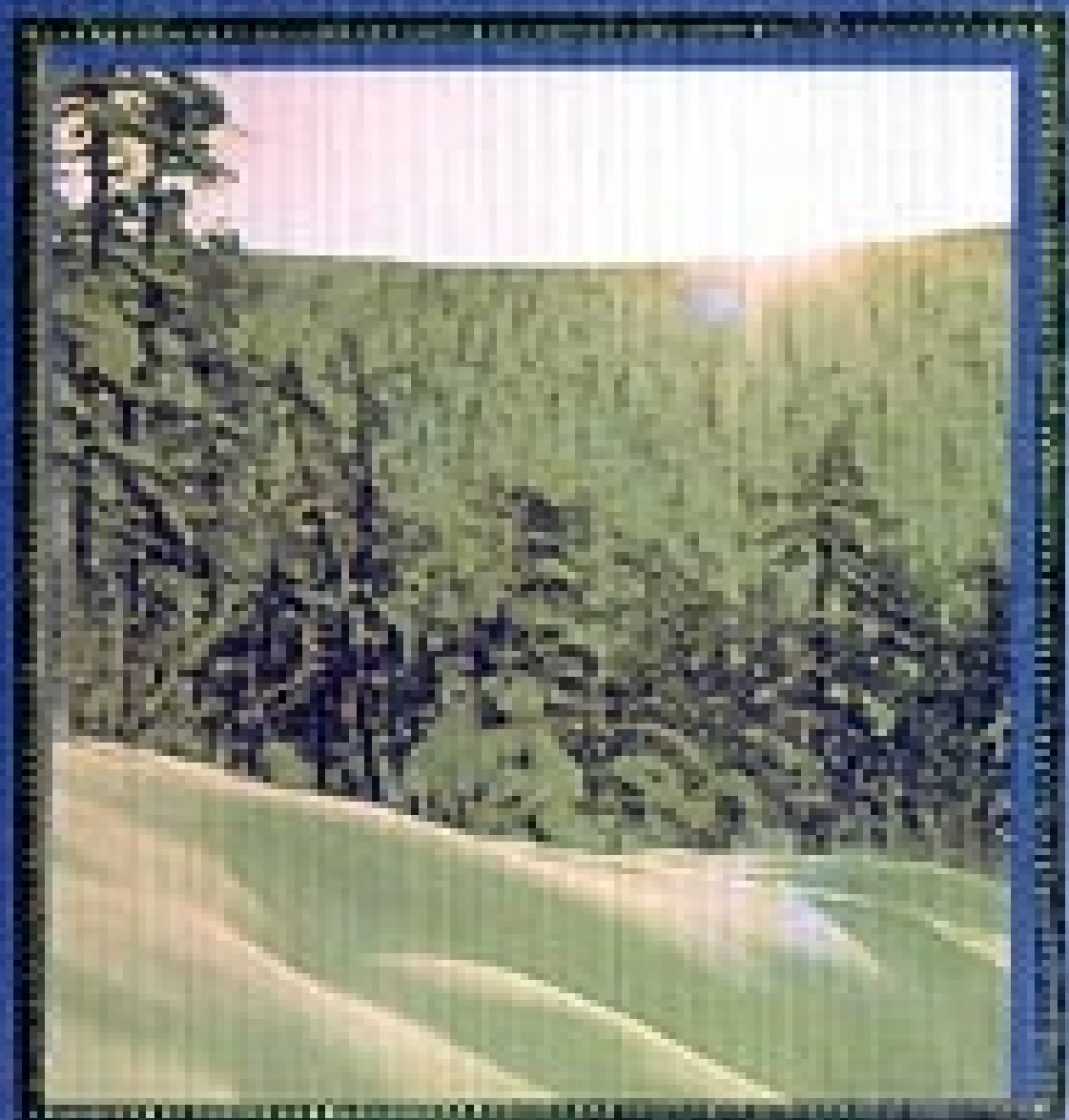

АДЖЕК ОНДОН

Д. КРАУЧЕН
ОТНОСИТЕЛНО

- [Джек Лондон. Дочь снегов](#)
  - [ГЛАВА I](#)
  - [ГЛАВА II](#)
  - [ГЛАВА III](#)
  - [ГЛАВА IV](#)
  - [ГЛАВА V](#)
  - [ГЛАВА VI](#)
  - [ГЛАВА VII](#)
  - [ГЛАВА VIII](#)
  - [ГЛАВА IX](#)
  - [ГЛАВА X](#)
  - [ГЛАВА XI](#)
  - [ГЛАВА XII](#)
  - [ГЛАВА XIII](#)
  - [ГЛАВА XIV](#)
  - [ГЛАВА XV](#)
  - [ГЛАВА XVI](#)
  - [ГЛАВА XVII](#)
  - [ГЛАВА XVIII](#)
  - [ГЛАВА XIX](#)
  - [ГЛАВА XX](#)
  - [ГЛАВА XXI](#)
  - [ГЛАВА XXII](#)
  - [ГЛАВА XXIII](#)
  - [ГЛАВА XXIV](#)
  - [ГЛАВА XXV](#)
  - [ГЛАВА XXVI](#)
  - [ГЛАВА XXVII](#)
  - [ГЛАВА XXVIII](#)
  - [ГЛАВА XXIX](#)
  - [ГЛАВА XXX](#)
-

Джек Лондон. Дочь снегов

Д.Лондон. Собрание сочинений в 13 томах.
Библиотека «Огонек». Из-во «Правда», М.1976г.
Отсканировал и проверил В.Лоер (loer@mail.ru)

ГЛАВА I

— Все готово, мисс Уэлз. Но, к сожалению, у меня нет возможности дать вам пароходную шлюпку.

Фрона Уэлз поспешно встала и подошла к старшему офицеру.

— Мы очень заняты, — пояснил он, — а золотоискатели — чрезвычайно ненадежный груз, по крайней мере...

— Я понимаю, — прервала она, — что веду себя назойливо. Мне очень неловко доставлять вам столько хлопот, но... но... — Она быстро повернулась и указала на берег. — Видите тот большой бревенчатый дом? Вон между соснами и рекой? Я родилась в этом доме.

— В таком случае я, пожалуй, и сам бы очень торопился, — сочувственно пробормотал офицер, проводя ее через толпу, теснившуюся на палубе.

Все мешали друг другу, и притом не было ни одного человека, который не объявил бы об этом во всеуслышание. Тысячи золотоискателей требовали немедленной выгрузки на берег своей поклажи. Из глубины зияющих люков пронзительно свистящие паровые подъемные краны беспрерывно выхватывали груз и сбрасывали на большие плоскодонные лодки, со всех сторон окружавшие пароход. На каждой из этих лодок толпа вспотевших людей судорожно хваталась за свешивающиеся стропы и разбрасывала кругом тюки и ящики в лихорадочных поисках своего добра. Иные, перегнувшись через поручни палубы, крича, размахивали багажными квитанциями. Иногда два или три человека сразу предъявляли права на один и тот же предмет, и тогда поднимался отчаянный спор. Вещи с клеймом «два круга» и «круг и точка» вызывали бесконечные пререкания, а на каждую ручную пилу находилась дюжина претендентов.

— Ревизор говорит, что он сойдет с ума, — сказал старший офицер, помогая Фроне Уэлз спуститься к трапу, — портовые чиновники вернули груз пассажирам и бросили работу. Но все-таки нам повезло больше, чем «Вифлеемской Звезде», — заверил он Фрону, указывая на пароход, бросивший якорь в четверти мили от них. — У половины его пассажиров есть выючные лошади, чтобы добраться до Скагуэя и Белого Ущелья, а остальные направляются через Чилкут. Портовые чиновники подняли бунт, и теперь там абсолютное бездействие.

— Эй вы! — закричал он, подавая знак белому баркасу «Уайтхолл», который скромно качался на волнах за линией скучившихся лодок.

Пытаясь проскочить, крошечный баркас храбро поплыл к огромной барже. Но лодочник неудачно бросил бечеву и попал в ворот. Баркас повернулся на месте и остановился.

— Берегись! — крикнул старший офицер. Два семидесятифутовых каноэ, переполненных людьми и грузом, отчалили от кормы и понеслись на всех парусах. Одно из них сразу же направилось к пристани, а другое притиснуло баркас к барже. Лодочник успел вовремя поднять весла, но его маленькое суденышко затрещало и, казалось, вот-вот будет раздавлено. Вскочив на ноги, он в коротких, но сильных выражениях послал проклятие всем находившимся в каноэ и на барже. Какой-то человек свесился через борт баржи и ответил ему не менее красноречиво, между тем как находящиеся в каноэ белые и индейцы залились насмешливым хохотом.

— Эй ты, маргаритка! — закричал один из них. — Отчего ты не научился грести?

Кулак лодочника попал насмешнику прямо в подбородок и, оглушив, отбросил его на кучу сваленных товаров. Не довольствуясь столь кратким ответом, лодочник собрался было действовать и дальше. Однако ближайший к нему старатель схватился за револьвер, который, к счастью, застрял в новой кожаной кобуре. Его товарищи-золотоискатели, смеясь, ожидали исхода стычки. Но каноэ двинулось вперед, и индеец-рулевой, ударив лодочника концом своего весла в грудь, опрокинул его на дно баркаса.

Когда разразившаяся буря проклятий и богохульств, казалось, неминуемо приведет к жестокой драке или даже к убийству, старший офицер украдкой взглянул на девушку, стоявшую с ним рядом. Он ожидал увидеть на ее лице испуг и смятение и совсем не был подготовлен к тому, что представилось его глазам. Девушка была, по-видимому, возбуждена и глубоко заинтересована. — Прошу прощения, — начал он.

Но она прервала его, как будто недовольная его вмешательством:

— Нет, нет. Не за что. Мне очень весело. Все же я довольна, что револьвер этого человека застрял в кобуре. Если бы этого не произошло...

— Наша высадка задержалась бы. — Старший офицер засмеялся, обнаруживая свою тактичность.

— Этот человек — просто грабитель, — продолжал он, указывая на лодочника, направлявшегося в это время к ним. — Он взял двадцать долларов за то, чтобы доставить вас на берег. И сказал при этом, что, будь вы мужчиной, он взял бы двадцать пять. Он пират, поверьте мне, и когда-нибудь ему не миновать виселицы. Двадцать долларов за получасовую работу! Подумайте только!

— Эй, вы! Полегче на поворотах! — угрожающе крикнул тот, о ком шла речь, неуклюже причаливая и опуская в воду одно весло. — По какому праву вы ругаетесь? — добавил он вызывающе, выжимая мокрый рукав своей рубашки.

— У вас недурной слух... — начал старший офицер. — И крепкий кулак, — перебил тот. — И язык у вас тоже хорошо подвешен. — В моем деле без этого не обойдешься. С вами, акулами, иначе пропадешь. Так это я, стало быть, пират? Кто же тогда вы с вашей гурьбой пассажиров, стиснутых как селедки в бочке? Берете с них двойную цену первого класса, кормите той же пищей, что и палубных пассажиров, и сваливаете их в кучу, хуже чем свиней! Это я-то пират?!

Какой-то краснолицый человек, свесив голову через перила верхней палубы, дико завопил:

— Я требую, чтобы мой багаж был доставлен на берег! Поднимитесь сюда, мистер Терстон! Сейчас же! Немедленно! Пятьдесят моих пони перегрызут друг другу горло в этой вашей грязной конуре, и вам плохо придется, если вы моментально не переправите их на берег! Каждый день задержки обходится мне в тысячу долларов, и я не хочу больше терпеть это! Слышите? Не хочу! С тех пор, как мы вышли из Сиэтла, вы обобрали меня как липку. Клянусь адом, с меня довольно. Не будь я Тэд Фергюсон, если я не разнесу эту пароходную компанию! Слышите, что я говорю? Я — Тэд Фергюсон, и вам не поздоровится, если вы немедленно не явитесь сюда! Слышите?

— Это я-то пират? — продолжал бормотать лодочник. — Кто пират? Я?

Мистер Терстон успокаивающе помахал рукой краснолицему человеку и обернулся к девушке:

— Мне бы очень хотелось самому доставить вас на берег и проводить до склада, но вы сами видите, сколько у нас хлопот. До свидания, счастливого пути. Я отряжу сейчас двух человек, чтобы отвезти ваш багаж. Вы получите его на складе завтра рано утром.

Фрона легко оперлась на его руку и спустилась в лодку. Под тяжестью ее тела утлое суденышко неожиданно накренилось и зачерпнуло воды, которая доверху залила ее ботинки; но она отнеслась к этому довольно спокойно и, усевшись на корме, подобрала под себя ноги.

— Подождите! — крикнул офицер. — Так не годится, мисс Уэлз. Вернитесь обратно, и я постараюсь раздобыть для вас одну из наших шлюпок.

— Сперва я увижу вас на небесах, — возразил лодочник, отчаливая...

— Пустите! — крикнул он угрожающе.

Мистер Терстон крепко ухватился за руль и в награду за свое рыцарство получил сильный удар веслом по пальцам. Забыв все правила приличия, а заодно и мисс Уэлз, он злобно выругался.

— По-моему, мы могли бы проститься иначе! — крикнула Фрона и звонко расхохоталась.

— О господи! — пробормотал он, вежливо снимая фуражку. — Вот это женщина! — И совершенно неожиданно его охватило неодолимое желание всегда смотреть в серые глаза Фроны Уэлз. Он не был способен к анализу и не понимал причины своего желания, но он знал, что мог бы пойти за ней на край света. Он почувствовал отвращение к своей профессии, и искушение бросить все и отправиться вслед за ней в Клондайк охватило его. Взглянув на борт парохода и увидев красную физиономию Тэда Фергюсона, он забыл о своей мимолетной мечте.

«Фюйть!» — Брызги воды от весла лодочника, с усилием рассекавшего волны, попали на лицо Фроны.

— Надеюсь, вы не сердитесь, мисс, — извинился он, — я стараюсь изо всех сил, а это очень немного. — Похоже, что так, — ответила она добродушно. — Не могу сказать, чтобы я любил море, — огорченно заметил он, — но мне нужно каким-то честным путем сколотить немного денег, и мне кажется, что я выбрал наилучший способ. Я бы уже давно был в Клондайке, если бы мне хоть капельку везло. Я вам скажу, в чем тут дело. На полпути, у Пустого Рукава, я потерял свое снаряжение, когда уже было перетащил его через Ущелье...

«Фюйть! Фюйть!» — Фрона вытерла лицо, дрожа от холодной струи, катившейся по ее спине.

— Вы молодчина, — подбодрил он ее, — вполне подходите для жизни здесь. Направляетесь дальше? Она весело кивнула.

— Ну что ж? Вам можно. Так вот, когда я потерял свое снаряжение, мне пришлось вернуться на берег; надо было торопиться приобрести новое. Потому-то я и запрашиваю так много. Надеюсь, что вас это не огорчит. Уверяю вас, мисс, я не хуже других. Мне пришлось отдать сотню за эту старую лохань, которой в Штатах красная цена десять долларов. Тут на все такие цены. Дальше, к Скагуэю, гвозди для подков стоят четверть доллара за штуку. Идешь в бар, заказываешь себе виски — тоже полдоллара. Ничего не поделаешь. Пьешь свое виски, бросаешь на стойку пару гвоздей для подков — и все в порядке. Никто не возражает. Гвозди для подков заменяют там разменную монету.

— Вы смелый человек, если после такого урока снова решается

отправиться в путь. Как вас зовут? Мы можем встретиться в Клондайке.

— Кого? Меня? О, мое имя— Дэл Бишоп, я — старатель! И если мы когда-нибудь встретимся, помните, что я поделюсь с вами последней рубашкой, то есть я хочу сказать, что отдам вам мой последний кусок хлеба.

— Благодарю вас, — ответила она, ласково улыбаясь. Эта девушка ценила все, что шло от чистого сердца.

Перестав грести, он нашел на дне лодки старый роговой черпак.

— Не мешало бы вам немного вычерпать воду, — заметил он, перебрасывая ей черпак. — Лодка стала течь еще больше после того, как ее так сдавили.

Улыбнувшись про себя, Фрона подоткнула юбки и принялась за работу. Каждый раз, как лодка ныряла в воду, на горизонте, подобно огромным волнам, поднимались и опускались покрытые ледниками горы. Время от времени давая отдых своей спине, она смотрела на кишаший людьми берег, к которому они приближались, и на врезающийся в землю морской канал, где стояло на якоре около двадцати больших пароходов. Между ними и берегом беспрестанно сновали большие плоскодонные лодки, баркасы, каноэ и еще множество других более мелких суденышек. Человек — неустанный труженик, вечный борец с враждебной средой, думала Фрона, вспоминая учителей, к чьей мудрости она приобщилась на лекциях и в часы ночных занятий. Она была дитя своего века и отлично понимала, что такое материальный мир и его проявления. И она любила этот мир и глубоко почитала его.

Некоторое время их молчание нарушалось только плеском воды под веслами Дэла Бишоп; вдруг он что-то вспомнил.

— Вы не сказали мне вашего имени, — заметил он со снисходительной деликатностью.

— Мое имя — Уэлза — ответила она. — Фрона Уэлз.

Его лицо отразило глубочайшее благоговение. — Вы Фрона Уэлз? — медленно произнес он. — Ваш отец Джекоб Уэлз?

— Да, я дочь Джекоба Уэлза, к вашим услугам. Он понимающе свистнул и перестал грести. — Ну, тогда отправляйтесь обратно на корму и подберите ноги, а то они у вас совсем промокнули, — распорядился он. — И бросьте мне этот черпак.

— Разве я недостаточно хорошо черпаю воду? — возмущенно спросила она.

— Что вы! Вы работаете превосходно! Но, но вы... вы...

— Я ничуть не изменилась с того момента, как вы узнали, кто я.

Продолжайте грести, это— ваше дело. А я позабочусь о своем.

— Нет, вы определенно молодчина! — восхищенно пробормотал Бишоп и снова налег на весла. — Так Джекоб Уэлз— ваш отец? Мне бы следовало об этом догадаться.

Как только они причалили к песчаной отмели, где лежали кипы самых разнообразных товаров и было полно людей, Фрона задержалась, чтобы пожать руку своему перевозчику. И хотя рукопожатие женщины, нанявшей лодочника на работу, было необычным явлением, все же этот поступок соответствовал тому факту, что она дочь Джекоба Уэлза.

— Помните, что мой последний кусок хлеба принадлежит вам, — снова сказал он, не выпуская ее руки из своей.

— И ваша последняя рубашка тоже! Не забудьте этого!

— Однако, вы молодец! — вырвалось у него с последним пожатием руки. — Будьте уверены!

Ее короткая юбка не стесняла движений, и она с неожиданным удовольствием заметила, что мелкие шажки, столь обычные для городских улиц, уже сменились у нее широким, размашистым шагом ходака на дальние расстояния, шагом человека, привыкшего к труду и лишениям. Не один золотоискатель, окинув взглядом ее щиколотки и икры в серых гетрах, мысленно подтвердил мнение Дэла Бишоп. Взглянув же на ее лицо, многие взглядывали еще и еще раз; это было лицо прямодушного человека и доброго товарища; глаза ее чуть-чуть светились улыбкой, всегда готовой вспыхнуть, если ей навстречу улыбнутся другие глаза. И улыбка эта в зависимости от чувств, ее вызвавших, была то веселой, то грустной, то насмешливой. А иногда свет этой улыбки озарял все ее лицо, придавая ему выражение искренней заинтересованности и дружелюбия.

У Фроны было много причин улыбаться, пока она, пересекая песчаную отмель, пробиралась сквозь толпу по направлению к бревенчатому зданию, о котором говорила мистеру Терстону. Казалось, время отступило здесь назад и транспорт вернулся в первобытное состояние. Люди, которые никогда в жизни не носили ничего, кроме маленьких свертков, превратились в носильщиков тяжестей. Никто из них не шел выпрямившись, с поднятой головой — все двигались, согнувшись в три погибели. Спины этих людей превратились во вьючные седла, и на них уже начинали появляться ссадины от ремней. Одни спотыкались под непривычным грузом, ноги их скользили, как у пьяных, и разъезжались во все стороны, пока у несчастных не темнело в глазах и они вместе с грузом не сваливались на краю дороги. Другие с плохо скрываемой радостью грузили свое добро на двухколесные тележки и весело тащили их, но

застревали на первом же повороте, где дорогу загромождали огромные круглые валуны. Тогда они начинали постигать законы путешествий по Аляске: бросали тележку или катили ее обратно на берег и продавали там за баснословную цену последнему сошедшему на берег приезжему. Новички, обвешанные кольтами, патронами и охотничьими ножами (все вместе не менее десяти фунтов веса), бодро шагали вперед по дороге, а потом медленно тащились обратно, с отчаянием бросая всю эту амуницию. Так, задыхаясь и обливаясь потом, искупали сыны Адама грех своего праотца.

Фрона чувствовала какое-то неясное беспокойство среди этого бурного потока людей, обезумевших от жажды золота, и даже хорошо знакомая ей местность, где каждый шаг был связан для нее с воспоминаниями, показалась ей чужой из-за этих мечущихся, взбудораженных чужеземцев. Даже старые межевые столбы выглядели совсем незнакомыми. Все было, как прежде, и все было иным. Здесь, на этом зеленом берегу, где она играла ребенком, где эхо ее голоса, перекатывавшееся от глетчера к глетчеру, пугало ее, тысячи людей безостановочно шныряли взад и вперед, вытаптывая нежную траву и нарушая безмолвие скал. А там дальше, на дороге, были еще тысячи таких же, как они, и дальше за Чилкутом — еще тысячи. Вдоль всего побережья Аляски и до самого мыса Горн еще десятки тысяч властителей ветра и пара спешили сюда со всех концов земли. Дайя по-прежнему с шумом и грохотом катила в море свои воды; но ее древние берега были исхожены бесчисленным множеством ног, и люди, непрерывно шедшие друг за другом, тянули мокрую бечеву, а перегруженные лодки медленно плыли за ними вверх по реке. Воля людей боролась с волей реки, и люди смеялись над старой Дайей, все глубже вытаптывая на ее берегах дорогу для тех, кто придет вслед за ними.

Дверь склада, некогда так хорошо знакомая Фроне, с порога которой она прежде со страхом наблюдала за необычным для нее зрелищем — заблудившимся охотником или торговцем мехами, — теперь была осаждена галдящей толпой. Где письмо «до востребования» было когда-то предметом удивления, там, заглянув в окошко, она увидела груды наваленных до потолка писем. Их-то и требовала с криками и воплями толпа. Перед складом, у весов, стояло множество людей. Индеец-носильщик бросал тюк на весы, владелец — белый что-то отмечал у себя в записной книжке, и наступала очередь следующего. Каждый тюк был обвязан ремнями и ждал носильщика для тяжелого перехода через Чилкут. Фрона пробралась вперед. Ее интересовал груз. Она вспомнила те дни, когда каждый тюк обходился старателю или торговцу в шесть центов, то есть сто двадцать

долларов за тонну.

Какой-то новичок, взвешивавший свою кладь, справился в своем путеводителе. «Восемь центов», — сказал он, обращаясь к индейцам. Индейцы презрительно расхохотались и хором ответили: «Сорок центов!» Лицо новичка вытянулось, и он с беспокойством посмотрел вокруг. Уловив сочувствие в глазах Фроны, он, казалось, смущенно уставился на нее. В действительности он вычислял, во что обойдется кладь в три тонны при оплате по сорок долларов за сто фунтов.

— Две тысячи четыреста долларов за тридцать миль! — воскликнул он. — Что мне делать?

Фрона пожала плечами.

— Лучше платите по сорок центов, — посоветовала она, — а то они сейчас снимут ремни.

Человек поблагодарил ее, но вместо того, чтобы послушаться совета, продолжал торговаться. Один из индейцев вышел вперед и начал снимать ремни. Новичок заколебался, и в тот момент, когда он уже готов был уступить, носильщики подняли цену до сорока пяти центов. Слабо улыбнувшись, он кивнул головой в знак согласия. В это время к ним подошел еще один индеец и стал что-то взволнованно шептать. Раздался радостный возглас, и, раньше чем новичок успел сообразить, в чем дело, индейцы отвязали свои ремни и ушли, распространяя радостную весть, что цена за доставку груза на озеро Линдерман стала пятьдесят центов.

Толпа, стоявшая у склада, вдруг заволновалась. Люди возбужденно перешептывались, глаза всех обратились на трех человек, приближавшихся к складу. Все трое ничем не отличались от прочих золотоискателей. Они были плохо одеты, даже обтрепаны. Где-нибудь в другом месте они немедленно были бы задержаны полицейским и арестованы за бродяжничество.

— Француз Луи, — стало передаваться из уст в уста. — Имеет три заявки на Эльдorado, — сообщил Фроне ее ближайший сосед. — Они стоят по крайней мере десять миллионов.

Вид француза Луи, шагавшего несколько впереди своих товарищей, совершенно не соответствовал этим словам. Где-то в дороге он потерял свою шапку и небрежно обвязал голову потертым шелковым платком. Несмотря на свои десять миллионов, он сам нес на широких плечах свой багаж.

— А тот с бородой — Билл Свифтуотер, тоже король Эльдorado.

— Откуда вы это знаете? — недоверчиво спросила Фрона.

— Откуда я знаю?! — воскликнул ее собеседник. — Да его портрет

был помещен во всех газетах, вышедших за последние шесть недель. Смотрите! — Он развернул газету. — Очень похожий портрет. Я так часто смотрел на него, что узнаю его рожу из тысячи.

— А третий кто? — спросила она, безмолвно подчиняясь его авторитету.

Ее собеседник поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть.

— Не знаю, — сознался он грустно и хлопнул по плечу своего соседа. — Кто этот худощавый, бритый, в синей рубашке и с заплатой на колене?

В то же мгновение Фрона радостно вскрикнула и бросилась вперед.

— Мэт! — позвала она. — Мэт Маккарти! Человек с заплатой сердечно пожал ей руку, хотя не узнал ее, и посмотрел на нее недоверчиво.

— О, вы не узнаете меня! — растерялась она. — Нет, нет, не смейте говорить, что узнали. Если бы здесь не было столько зрителей, я обняла бы вас, старый медведь!

— И вот Большой Медведь пошел домой к Маленьким Медвежатам, — размеренно начала она. — И Маленькие Медвежата были очень голодны! И Большой Медведь сказал: «Угадайте, что я вам принес, детки?» И один Маленький Медвежонок сказал, что это ягоды, а другой сказал, что это лосось, а третий сказал, что это дикобраз. Тогда Большой Медведь рассмеялся: «Уф! Уф! — и сказал: — Нет, это замечательный, большой, жирный человек!»

По мере того как он слушал, его взгляд прояснялся. А когда Фрона кончила, лицо его сморщилось, и он засмеялся каким-то особенным тихим смехом.

— Я вас определенно знаю, — сказал он, — но никак не могу вспомнить, кто вы такая.

Она указала на склад и робко посмотрела на него. — Вспомнил! — Отступив на шаг, он осмотрел ее с головы до ног, и неожиданно на лице его отразилось разочарование. — Не может быть! Я ошибся. Вы никогда не могли бы жить в этой лачуге. И он ткнул пальцем в направлении склада. Фрона энергично закивала головой. — Так это все-таки вы? Маленькая сиротка с золотыми волосами, которые я так часто расчесывал? Маленькая чародейка, бегавшая босиком по этим самым камням? — Да, да! — радостно подтвердила она.

— Маленький дьяволенок, стащивший упряжку и отправившийся в самый разгар зимы через Ущелье, чтобы посмотреть, где конец света. И всему виной были волшебные сказки старого Мэта Маккарти!

— О, Мэт, милый старый Мэт! Помните, как я отправилась плавать с

сивашскими девочками из индейского лагеря?

— Я вытащил вас за волосы из воды? — И потерял новенький болотный сапог! — Ну, конечно, помню. Это был возмутительный, бесстыдный поступок! Д сапоги стоили десять долларов в лавке вашего же отца!

— А потом вы отправились через Ущелье в глубь страны, и мы больше ничего о вас не слышали. Все думали, что вы умерли.

— Да, я помню этот день. И вы плакали на моих руках и не хотели поцеловать на прощание вашего старого Мэта. Но в конце концов вы все-таки

поцеловали, — торжествующе добавил он. — Когда вы поняли, что я действительно ухожу. Какая вы были тогда крошка!

— Мне было только восемь лет.

— Двенадцать лет прошло. Двенадцать лет я провел в глубине страны, ни разу оттуда не выбравшись. Вам теперь должно быть двадцать лет? — И я почти с вас ростом, — прибавила Фрона. — Славная из вас получилась женщина — высокая, стройная... — Он критически осмотрел ее. — Не мешало бы вам только быть немного полнее, по-моему.

— Ни в коем случае, — запротестовала она. — Не в двадцать лет, Мэт! Пощупайте мою руку и вы увидите... — Она согнула руку и показала ему, как вздулся ее бицепс.

— Мускулы ничего себе, — с довольным видом согласился он, осмотрев. — Можно подумать, что вы зарабатывали себе кусок хлеба тяжелым трудом.

— О, я умею метать копье, боксировать и фехтовать! — воскликнула она, встав в соответствующую позицию. — И плавать, и нырять, и прыгать через веревку двадцать раз подряд, и ходить на руках. Вот!

— Это то, чему вас научили? А я-то думал, что вы уехали заниматься науками, — сухо заметил он.

— Теперь существуют новые методы обучения, Мэт. И вас уже не отправляют домой, когда вы нахватаетесь одних лишь знаний.

— И с такими слабыми ногами, что они не в состоянии поддержать вашу голову! Ладно, прощаю вам ваши мускулы.

— А как ваши дела, Мэт? — спросила Фрона. — Что вам дали эти двенадцать лет?

— Посмотрите на меня. — Он широко расставил ноги, закинул голову и выпятил грудь. — Перед вами стоит мистер Мэт Маккарти, один из королей благородной династии Эльдорадо. И всем этим он обязан своим собственным рукам. Мои богатства неисчислимы. У меня добывается в

одну минуту больше золотого песка, чем я видел за всю свою жизнь прежде. Теперь я еду в Штаты, чтобы поискать своих наследников. Я твердо верю, что у меня таковые имеются. В Клондайке можно найти любое количество самородков, но хорошего виски вы тут не найдете. И я решил во что бы то ни стало выпить хоть раз настоящего виски до того, как я умру. А потом я вернусь в Клондайк, чтобы управлять своими владениями. Честное слово, я один из королей Эльдорадо; и если вам когда-нибудь понадобится что-нибудь этакое, то я дам вам займы.

— Все тот же старый Мэт! Никакой перемены! — рассмеялась Фрона.

— А вы все та же настоящая Уэлз, хотя у вас мускулы призового борца и мозги философа. Ну, давайте догоним Луи и Свифтуотера. Говорят, Энди все еще заведует складом. Посмотрим, не забыл ли он меня.

— И меня тоже. — Фрона схватила его за руку. У нее была дурная привычка хватать за руку тех, кто ей нравился. — Уже десять лет прошло с тех пор, как я уехала.

Ирландец прокладывал себе дорогу сквозь толпу, точно машина для забивки свай, и Фрона легко пробиралась вслед за ним. Новички почтительно наблюдали за этими божествами Севера. В толпе снова поднялся гул.

— Кто эта девушка? — спросил кто-то. И Фрона, переступая порог склада, услышала первую часть фразы:

— Это дочь Джекоба Уэлза. Ничего не знаете о Джекобе Уэлзе? Где же вы были все эти, годы?..

ГЛАВА II

Она вышла из березовой рощи, сверкающей своей белизной, и с первыми лучами солнца, позолотившими ее распущенные волосы, легко побежала по покрытому росой лугу. Земля, жирная от избытка влаги, казалась ей мягким ковром, а росистые травы били ее по коленям, рассыпая вокруг сверкающие брызги, похожие на жидкие бриллианты. На щеках ее играл утренний румянец, глаза сияли молодостью и любовью. Рано оставшись без матери, она выросла на лоне природы и любила страстную любовью старые деревья и ползучие зеленые растения. Глухой ропот пробуждающейся жизни радовал ее слух, и влажные запахи земли были для нее сладостны и желанны.

В конце луга, где начиналась темная роща, среди одуванчиков с голыми стеблями и ярких лютиков она нашла пучок крупных аляскинских фиалок. Бросившись на землю, она зарылась лицом в пахучие прохладные цветы и руками прижала пурпурные венчики к своей голове. Ей не было стыдно. Она долго блуждала среди трудностей, грязи и лихорадочных страстей большого мира, а вернувшись обратно, осталась все такой же простой, чистой и здоровой. И она была рада этому, лежа здесь и вспоминая те дни, когда весь мир для нее ограничивался линией горизонта и когда, перебравшись через Ущелье, она надеялась увидеть «край света».

Простая жизнь, окружавшая Фрону в детстве, зиждилась на немногих, но весьма суровых обычаях. Они заключались в словах, которые она где-то вычитала позже: «вера в пищу и кров». То была вера ее отца, думала она, вспоминая, с каким уважением произносилось его имя окружающими. Этой верой она прониклась, эту веру она унесла с собой в мир по ту сторону «края света», где люди отделились от старых истин и создали себе эгоистические догмы, призвав на помощь казуистику. С этой верой она возвратилась обратно, по-прежнему чистая, молодая и радостная. «И все это так просто, — думала она. — Почему же эти люди, живущие в большом мире, не верят в то же, во что верит она, — в пищу и кров? Почему же им не дано обладать верой в долгие скитания и в охотничьи стоянки, той верой, с которой сильные, честные люди смотрели прямо в лицо внезапной опасности и смерти на море и на суше? Почему? Верой Джекоба Уэлза, Мэта Маккарти, индейских мальчиков, с которыми она играла, индейских девочек, с которыми она устраивала сражения, и верой волкодавов, тянувших сани и бегавших с ней по снегу. Это была здоровая вера,

жизненная, хорошая вера», — думала она, чувствуя себя счастливой.

Звонкое пение малиновки, раздавшееся из березовой рощи, вернуло Фрону к действительности. Где-то далеко в лесу кричала куропатка; белка, вереща, перепрыгивала с ветки на ветку и с дерева на дерево над ее головой. С реки доносились возгласы с трудом тащившихся искателей счастья, которые уже проснулись и прокладывали путь на Север.

Фрона поднялась, откинула волосы и инстинктивно пошла по старой дороге между деревьями, по направлению к лагерю вождя племени Дайя— Джорджа. Она встретила голого, как бронзовый бог, мальчика, с куском материи на бедрах. Он собирал сучья и пристально окинул ее взглядом через плечо. Она весело пожелала ему доброго утра на языке Дайя. Но он замотал головой, оскорбительно рассмеялся и, прекратив свое занятие, бросил ей вслед непристойные слова. Она не поняла его поступка — в прежнее время этого не бывало, — и, проходя мимо рослого, мрачного парня из племени Ситха, она уже ничего не сказала.

Поселок был расположен на опушке. Увидев его, она остановилась пораженная. Это был не прежний поселок с дюжиной хижин, как бы за компанию сбившихся в кучу на открытом месте. Это был внушительный городок, Он начинался у самого леса, растекался между разбросанными по равнине группами деревьев и тянулся вдоль берега реки, где в десять и двенадцать рядов были причалены длинные каноэ. Это было невиданное в прежние времена сборище племен. Берег был занят ими на протяжении тысячи миль. Тут были индейцы из незнакомых ей племен, с женами, имуществом и собаками. Ей попадались люди с островов у Джуно и Врангеля, индейцы племени Стикс, жившие на той стороне Ущелья и глядевшие на нее недоумевающе, свирепые чилкеты и пришельцы с островов Королевы Шарлотты. Одни окидывали ее мрачными, угрожающими взглядами, другие— что было еще хуже — глядели на нее с веселым, вызывающим и покровительственным видом, смеялись и говорили гнусности.

Их наглость не испугала, а раздосадовала, огорчила ее и отравила радость возвращения домой. Фрона быстро осознала положение вещей: старые, патриархальные нравы времен ее отца отошли в вечность, уступив место уничтожающему и пагубному влиянию цивилизации.

Заглянув под поднятое полотнище одной из палаток, она увидела несколько молодцов свирепого вида, сидящих полукругом на корточках. У входа в палатку гора бутылок свидетельствовала о том, что они не спали всю ночь. Какой-то белый, с лицом, отмеченным печатью порока и хитрости, сдавал карты, а на одеяле, заменявшем стол, были навалены

кучами золотые и серебряные монеты. Пройдя еще несколько шагов, она услышала шум вращающегося лотерейного колеса и увидела индейцев, мужчин и женщин, с увлечением рискующих своими в поте лица заработанными деньгами ради разноцветных безделушек. Из некоторых хижин раздавались надтреснутые и слабые звуки шарманки.

Старуха, обдиравшая кору с ивового прута у входа в палатку, подняла голову и вскрикнула.

— Хи-хи! Тенас Хи-Хи! — бормотала она взволнованно, шамкая беззубыми деснами.

Фрона вздрогнула от ее возгласа. Тенас Хи-Хи! Крошка-Смех! Ее собственное индейское прозвище былых времен! Она повернулась и подошла к старухе.

— Неужели ты забыла меня, Тенас Хи-Хи? — пробормотала та. — А ведь у тебя молодые и быстрые глаза! Нипоза не забывает так скоро.

— Так это ты, Нипоза? — воскликнула Фрона, с трудом подыскивая слова. Она так давно не говорила по-индейски!

— Да, я — Нипоза, — ответила старуха, уводя ее внутрь палатки и отсылая быстрого мальчика с каким-то поручением. Обе женщины уселись на землю, и старуха любовно погладила руку Фроны, заглядывая ей в лицо тусклым, затуманенным взором.

— Да, я — Нипоза. Я рано состарилась, как все наши женщины. Та самая Нипоза, которая нянчила тебя на своих руках, когда ты была маленьким ребенком. Та Нипоза, которая прозвала тебя Тенас Хи-Хи. Та Нипоза, которая боролась за твою жизнь, когда ты бывала больна, собирала в лесу растения и травы, заваривала их и давала тебе пить. Ты мало изменилась, и я сразу узнала тебя. Я подняла голову, как только увидела на земле твою тень. Хотя, может быть, кое-какая небольшая перемена в тебе и произошла. Ты выросла большая и стройная, как ива, и солнце меньше целует твои щеки, чем раньше; но волосы у тебя все такие же непокорные, и цвет у них тот же — как у морской травы, несущейся по течению, — и тот же рот, всегда готовый улыбнуться и никогда не плачущий. И глаза твои такие же ясные, правдивые, как в те дни, когда Нипоза бранила тебя за шалости, а твой язык не хотел произносить лживых слов. Ай! Ай! Другие женщины, которые теперь приезжают сюда, не такие, как ты.

— Почему вы больше не уважаете белых женщин? — спросила Фрона. — Когда я шла по поселку, ваши мужчины говорили мне гадости, то же самое говорили и мальчики в лесу. Этого не было раньше, — в те давно прошедшие дни, когда я играла с ними.

— Ай, ай! — ответила Нипоза. — Теперь это так. Но не осуждай их.

Не сердись на них. Говорю тебе, в этом виноваты ваши женщины, которые приезжают сюда. Они не могут указать ни на одного мужчину и сказать: «Это мой муж». Это нехорошо, что женщины стали такими. Они смотрят на всех мужчин наглыми и бесстыдными глазами и произносят непристойные слова, и сердца у них нехорошие. Вот почему у нас не уважают ваших женщин. Что же до мальчиков, так ведь на то они и мальчики. А мужчины? Откуда же им знать?

Полотнище палатки откинулось, и вошел старик. Он заворчал при виде Фроны и уселся на землю. Только какая-то нетерпеливая живость его движений указывала на радость, которую ему доставляло ее присутствие. — Так, значит, Тенас Хи-Хи вернулась к нам в эти скверные дни? — произнес он наконец резким, срывающимся голосом.

— Почему скверные, Муским? — спросила Фрона. — Разве ваши женщины не лучше одеты теперь? Разве в желудках ваших теперь не больше муки, копченой грудинки и другой пищи белого человека? Разве ваша молодежь не богатеет от переноски клади и гребли? Разве прекратились жертвоприношения мясом, рыбой и шерстяными одеялами? Почему же ты говоришь, что настали плохие времена, Муским?

— Все это верно, — ответил он торжественным тоном жреца, и в глазах его вспыхнуло пламя старых воспоминаний. — Все это совершенно верно. Наши женщины носят более яркую одежду. Но они обратили на себя внимание белых мужчин и уже не хотят смотреть на юношей из своего племени. И поэтому племя не увеличивается, а маленькие дети не бегают больше за нами по пятам. Вот как обстоит дело. Желудки наполнены пищей белого человека, но они также наполнены еще скверным виски. Конечно, юноши богатеют, но они проводят ночи за картами, и богатство уходит от них, и они говорят друг другу грубые слова, и в гневе осыпают друг друга ударами, и между ними случаются кровавые драки. А у старого Мускима теперь мало жертвоприношений мясом, рыбой и шерстяными одеялами, потому что молодые женщины избрали себе новые пути, и юноши больше не чтят старые обычаи и старых богов. Настали плохие времена, Тенас Хи-Хи, и старый Муским в тоске приближается к могиле.

— Ай, ай! Это так! — всхлипывая, подтвердила Нипоза.

— Безумие твоего народа заразило мой народ, — продолжал Муским: — Люди твоего племени идут из-за соленого моря, точно морские волны, и кто знает, куда они идут?

— Ай! Кто знает, куда они идут? — причитала Нипоза, раскачиваясь взад и вперед.

— Они идут все вперед, навстречу морозу и голоду; и они идут

непрерывно, волна за волной!

— Ай-ай! Навстречу морозу и голоду. Это длинный путь, во мраке и холоде. — Нипоза задрожала и неожиданно схватила Фрону за руку. — И ты идешь туда же? Фрона кивнула головой. — И Тенас Хи-Хи идет туда же! Ай-ай-ай! Полотнище палатки заколебалось, и Мэт Маккарти заглянул внутрь.

— Так вот вы где, Фрона? А завтрак уже полчаса ждет вас. Энди, эта старая баба, весь кипит от негодования. Доброе утро, Нипоза. Доброе утро, Муским, — обратился он к собеседникам Фроны. — Впрочем, я не думаю, что вы запомнили мое лицо.

Старики ответили на приветствие, но хранили тупое молчание.

— Поспешите, девочка, — обратился он к Фроне. — Пароход отходит в полдень, и мне осталось немного времени видеть вас. Кроме того, и Энди и завтрак уже достаточно горячи.

ГЛАВА III

Фрона помахала рукой Энди и вышла на дорогу. Через плечо у нее висел фотографический аппарат, а за спиной был маленький дорожный мешок. В руке вместо альпенштока она держала ивовый прут Нипозы. На ней был скромный серый костюм, приспособленный для ходьбы по горам и дающий максимальную свободу движениям при наименьшем количестве материи.

Ее багаж, взваленный на спины дюжины индейцев под надзором Дэла Бишопа, уже несколько часов как был отправлен. Вернувшись накануне с Мэтом Маккарти из лагеря сивашей, она встретила поджидавшего ее на складе Дэла Бишопа. Простое и несложное дело, которое привело его сюда, было решено очень быстро. Фрона направляется в глубь страны. Он намерен проделать то же самое. Ей нужен провожатый. Если она ни на ком еще не остановилась, то он самый подходящий для нее человек. Он забыл сказать ей, когда доставлял ее на берег, что несколько лет провел в этой стране и отлично знает ее. Правда, он ненавидит воду, а им предстоит ехать и в лодке, но он не боится этого. Он вообще ничего не боится. Кроме того, он готов драться ради нее с кем и когда угодно. Что касается платы, то пусть, когда они доберутся до Доусона, она замолвит за него словечко Джекобу Уэлзу, и он получит годовой запас снаряжения и продовольствия. Нет, нет, за это он не хочет отдавать долю в своем будущем участке и не берет на себя никаких обязательств! Он заплатит за все позднее, когда набьет свой мешок золотым песком. Так что же она думает о его предложении? Фрона действительно подумала, и, прежде чем она кончила завтракать, он уже отправился набирать для нее носильщиков.

Она заметила, что шагает быстрее, чем большинство ее спутников. Все они были нагружены, и им приходилось отдыхать через каждые двести — триста ярдов. Однако она с трудом поспевала за группой скандинавов, шедших впереди нее. Каждый из этих стройных белокурых гигантов нес не менее сотни фунтов поклажи. Кроме того, все они были впряжены в телегу, где лежало еще верных шестьсот фунтов. Их лица сияли солнечной улыбкой, и радость жизни была в них ключом. Этот труд казался им детской игрой и давался им очень легко. Они шутили друг с другом и с прохожими на никому не понятном языке, и их громкий смех раздавался, точно эхо в пещере. Люди уступали им дорогу и глядели вслед с завистью. Скандинавы легко одолевали подъемы, встречавшиеся на пути, галопом

спускались с откосов, и обшитые железом колеса их повозки грохотали по скалам. Наконец, они нырнули в густой, темный лес и вышли к броду через реку. На песчаной косе лежал утопленник, устремив на солнце немигающий взгляд. Какой-то человек в сотый раз повторял раздраженным тоном: «Где его компаньон? Разве у него нет компаньона?» Двое других, сбросив на землю свои тюки, хладнокровно рылись в имуществе мертвеца. Один громко называл различные предметы, а другой проверял их, раскладывая на куске грязной оберточной бумаги. Размокшие письма и квитанции валялись на песке. Небольшая кучка золотых монет была небрежно брошена на белый носовой платок. Люди, проплывавшие мимо в каноэ и яликах, не обращали на все это никакого внимания.

Скандинавы взглянули на эту сцену, и лица их на мгновение омрачились. «Где его компаньон? Разве у него нет компаньона?» — раздраженно спросил их человек. Они покачали головами, так как не понимали по-английски. Потом они спустились к реке и вошли в воду. С противоположного берега им что-то предостерегающе крикнули. Они остановились и стали совещаться. Затем опять двинулись вперед. Оба человека, возившихся с вещами утопленника, обернулись и стали наблюдать. Вода едва доходила скандинавам до пояса, но течение было быстрым. Они спотыкались, а повозка временами сильно наклонялась. Но самое страшное было еще впереди, и Фрона почувствовала, что у нее захватывает дыхание. Двум первым вода доходила уже до колен, как вдруг у того, кто был ближе к повозке, соскочил ремень. Его поклажа сползла на бок, и он потерял равновесие. В то же мгновение поскользнулся его сосед, и оба свалились в воду. Следующие двое также были сбиты с ног, когда повозка перевернулась, и течение увлекло ее в более глубокую часть потока. Два скандинава, выходявшие уже из воды, бросились обратно и стали тянуть за веревки. Но даже им, исполинам, было не под силу удержать телегу. Дюйм за дюймом всех начало затягивать в водоворот.

Тюки тянули их на дно. Только один из них, тот, у которого оборвался ремень, выбрался и поплыл, но не к берегу, а вниз по течению, стремясь спасти своих товарищей. В двухстах футах ниже поток омывал зубчатую скалу, и тут-то минутой позже они всплыли на поверхность. Сначала появилась все еще нагруженная телега. Одно из ее колес разлетелось вдребезги. Перевернувшись несколько раз, она снова погрузилась в воду. Смешавшись в кучу, люди последовали за ней. Они ударялись о выступавшие из воды скалы, и поток уносил их все дальше. Всех, кроме одного. Из своего каноэ (около дюжины каноэ устремились к ним на помощь) Фрона видела, как окровавленными пальцами он вцепился в

скалу. Она видела его бледное лицо и отчаянные усилия; ему не удалось удержаться, и его понесло дальше, как раз в тот момент, когда один из его товарищей, свободный от груза, подплыл к нему, чтобы схватить его. Оба снова погрузились в воду. Потом, все еще борясь с течением, они на мгновение показались в более мелком месте.

Каное подобрало того из них, который плыл отдельно, а остальные исчезли в глубоком и быстром потоке. Около четверти часа безрезультатно искали утонувших. Наконец, трупы были найдены на мели за водоворотом.

С плывущей вверх по реке лодки взяли веревку, на берегу раздобыли пару лошадей, и страшный груз был вытащен на сушу. Фрона посмотрела на пятерых юных гигантов, которые с переломанными костями безжизненно лежали на грязной земле. Теперь они уже никуда не спешили. Они все еще были впряжены в телегу, и уже ненужные им теперь роковые тюки все еще были укреплены на их спинах. Шестой сидел подле них, оглушенный катастрофой. Глаза его были сухи. На расстоянии десяти шагов от этой мрачной группы беспрерывно катился поток жизни. Фрона смешалась с ним и двинулась дальше.

Темные горы, покрытые еловым лесом, спускались прямо к руслу Дайи, где нога человека ступала по сырой, не знавшей солнечных лучей земле, превращая ее в грязное месиво. Люди искали новых троп, и их уже было много. В одном месте Фрона наткнулась на мужчину, беспечно растянувшегося в луже. Он лежал на боку, раскинув ноги. Одна рука его под тяжестью тела и поклажи была притиснута к земле. Щека покоилась в тине, на лице отражалось удовольствие. Увидев Фрону, он обрадовался, и в глазах его сверкнула улыбка.

— Ну и замешкались же вы! — обратился он к ней. — Уже около часу, как я вас поджидаю.

— Вот-вот, — продолжал он, когда Фрона наклонилась над ним. — Отстегните ремень. Проклятая пряжка! Я никак не мог добраться до нее. — Вы не ушиблись? — спросила она. Он сбросил ремни, встряхнул головой и потрогал затекшую руку.

— Нет! Целехонек. Благодарю вас. Даже не ушибся. — Он потянулся и вытер грязные руки о ветви ближайшей ели. — Вечная моя неудача. Но зато я недурно отдохнул, так что стоит ли жаловаться? Видите ли, я споткнулся об этот небольшой корень и — трах! — оказался на земле, беспомощный, как младенец. Никак не мог добраться до этой вот пряжки. Я пролежал битый час, потому что все предпочитают идти нижней тропой. — А почему вы никого не позвали? — Чтобы заставить людей карабкаться ко мне? Они и так падают с ног от усталости! Нет уж,

простите! Не достаточно серьезное было дело. Если бы кто-нибудь заставил меня карабкаться наверх только из-за того, что он поскользнулся, я бы, конечно, вытащил его из грязи, но потом обязательно окунул бы его еще несколько раз в эту же самую грязь. Кроме того, я был уверен, что в конце концов кто-нибудь набредет на меня.

— Ого, вы молодец! — воскликнула Фрона, повторяя слова Дэла Бишопа. — В здешних краях вы пригодитесь.

— Да, — ответил он, взвалив на спину свой тюк и бодро зашагав вперед. — И. как-никак, я хорошо отдохнул.

Тропа спускалась к реке по крутому обрыву. Стройная сосна, переброшенная через ревущий поток, почти касалась воды. Волны ударялись о ее гибкий ствол и приводили его в ритмическое вращательное движение, а ноги многочисленных носильщиков, прошедших здесь, отполировали ее отмытую водой поверхность. Фроне предстоял рискованный переход в восемьдесят футов. Она ступила на ствол и почувствовала, как он закачался. Услышав рев волн и увидев бешеный поток, она испугалась и отступила. Развязав шнурки своих ботинок, она сделала вид, будто затягивает их туже. Как раз в это время из лесу показалась группа индейцев. Впереди шли три или четыре парня, за ними следовало много женщин. Все они несли на голове огромные тюки. Позади них тащились дети, тоже нагруженные кладью, и замыкали шествие полдюжины собак, которые с высунутыми языками волокли свою поклажу.

Мужчины искоса взглянули на Фрону, и один из них сказал что-то вполголоса. Она не расслышала его слов, но хихиканье, пронесшееся по рядам, было для нее понятнее слов. Лицо ее вспыхнуло, она почувствовала себя опозоренной в своих собственных глазах. Но виду она не подала. Предводитель отошел в сторону, и один за другим все индейцы совершили рискованный переход через поток. Когда кто-нибудь из них доходил до середины, ствол прогибался и исчезал под водой, а человек нащупывал путь ногой, идя по щиколотку в холодных бушующих волнах. Даже маленькие дети перебирались, не колеблясь. За ними, взвизгивая и упираясь, прошли понукаемые людьми собаки. Когда уже никого не осталось, предводитель обратился к Фроне.

— Идите по проезжей дороге, — сказал он, указывая на гору. — Вам лучше идти по проезжей дороге. Она длиннее, но удобнее для вас.

Фрона покачала головой и подождала, пока он достиг противоположного берега. В ней заговорил не только голос ее собственной гордости, но и голос гордости за свою расу; и последний был сильнее, поскольку раса значила гораздо больше, чем она сама. Она поставила ногу

на бревно и под взглядами туземцев шагнула в белый пенистый водоворот.

На краю тропинки она набрела на плачущего человека. Его тюк, неуклюже обвязанный ремнями, валялся на земле. Он снял один сапог, его нога страшно распухла и была покрыта волдырями. — В чем дело? — спросила она, остановившись. Он взглянул сначала на нее, потом вниз, где во мраке, точно живое серебро, катилась Дайя. Слезы все еще застилали его глаза, и он продолжал всхлипывать.

— В чем дело? — повторила она. — Не могу ли я вам помочь?

— Нет, — ответил он. — Чем вы можете помочь мне? У меня стерты ноги, я чуть не сломал позвоночник и устал до смерти. Ну чем вы тут поможете?

— Ну так что же! — рассудила она. — Могло быть и хуже. Подумайте о тех, кто еще только сошел на берег. Им понадобится около двух недель, чтобы дотащить свою кладь до того места, куда вы уже добрались.

— Но мои компаньоны бросили меня и ушли вперед, — всхлипнул он, казалось, взывая к ее жалости. — Я совсем один и не могу сделать ни шага. Подумайте о моей жене и детях. Они остались в Штатах. О, если бы они сейчас видели меня! Я не могу вернуться к ним и идти вперед тоже не могу. Это для меня слишком тяжело. И работать, как лошадь, у меня тоже нет сил. Я не создан для этого. Уж лучше мне умереть, чем так работать. О, что мне делать? Что мне делать? — Почему ваши компаньоны покинули вас?

— Ведь я не так силен, как они, и не мог несли тачкой же груз, как у них. Они издевались надо мной и в конце концов бросили меня.

— Приходилось ли вам раньше испытывать лишения? — спросила Фрона. — Нет.

— Вы выглядите здоровым и сильным человеком. Да и весите не меньше ста шестидесяти пяти фунтов? — Сто семьдесят, — поправил он.

— У вас вид человека, никогда ничем не болевшего. Вы болели когда-нибудь? — Н-нет.

— А кто ваши компаньоны? Старатели? — Никогда в жизни ими не были. Они работали в той же конторе, что и я. Вот это меня и огорчает. Разве вы не понимаете? Мы знаем друг друга уже несколько лет! И бросить меня только потому, что я не мог идти так же быстро, как они!..

— Друг мой, — и Фрона почувствовала, что в ней говорит представительница белой расы, — вы не менее сильны, чем они. Вы можете работать так же, как они, и тащить столько же кладь. Но вы слабы духом. Здесь не место таким. Вы не можете работать, как лошадь, так как вы этого не хотите. И потому эта страна в вас не нуждается. Северу требуются сильные люди, сильные духом, а не телом. Тело здесь ни при

чем. Возвращайтесь в Штаты. Здесь вы нам не нужны. Если вы пойдете дальше, вы погибнете, и что тогда будет с вашей женой и малютками? Продайте ваше снаряжение и возвращайтесь домой. Через три недели вы будете дома. Прощайте.

Она миновала Овечий Лагерь. Где-то выше в горах под напором подземных вод рухнул огромный глетчер, и по узкому скалистому ущелью стремительно неслись вниз сотни тысяч тонн льда и воды. Тропа была еще скользкой от тины, и люди уныло копошились среди хлама опрокинутых палаток и в ямах, где хранилось продовольствие. Некоторые из них с лихорадочной поспешностью рыли землю, и окоченевшие трупы у края дороги без слов объясняли смысл этой работы. Несколькими ярдами ниже поток продолжал свое разрушительное дело. Люди спасались от него бегством, взваливая кладь на выступавшие кое-где камни, с трудом переводили дух и снова принимались за свою изнурительную работу.

Лучи полуденного солнца залили скалу Весы. Деревьев здесь уже не было, и от голых камней исходил головокружительный зной. С обеих сторон видны были полосы льда, чередовавшиеся с голой землей. А над всем этим возвышался обвеваемый ветрами Чилкут. По его голому неровному склону извивающейся лентой взбирались люди. Лента эта казалась бесконечной. Она начиналась внизу, где росли последние карликовые кусты, темной полосой тянулась через сверкающее ледяное пространство и ползла мимо Фроны, присевшей закусить на краю дороги. Она поднималась все выше по крутому скату, постепенно становясь едва различимой, и наконец скрывалась за гребнем горы.

Пока Фрона смотрела на Чилкут, он начал завлакиваться туманом и облаками; и снежная буря обрушилась на ползущих пигмеев. Дневной свет погас, водворилась глубокая тьма, но Фрона знала, что где-то там, наверху, бесконечная цепь муравьев, изнемогая и задыхаясь, продолжает карабкаться в небо. Ее глубоко обрадовала мысль о вечности человеческого стремления к власти над природой, и она вступила в эту вереницу людей, выползавшую из мрака и исчезающую в вихре, который несли ей навстречу.

В тумане, цепляясь руками и ногами за склоны, вскарабкалась она на вершину потухшего вулкана, могущественного предка Чилкута, и вышла к пустынному озеру, заполнившему его кратер. По озеру ходили злобные волны, увенчанные белыми гребнями. Берег был усеян сотнями ям, наполненных различной кладью, которая дожидалась переправы. Но на воде не было видно ни одной лодки. На скале стоял ветхий шалаш, покрытый засаленным парусиновым чехлом. Фрона разыскала его владельца, черноглазого парня с открытым лицом и энергичным

подбородком. Да, он перевозчик, но сегодня он не работает. Озеро слишком бурно для переправы. Обычно он берет двадцать пять долларов с пассажира, но сегодня он никого перевозить не будет. Разве он не сказал, что сегодня слишком плохая погода? Все дело в этом.

— Но меня-то вы, надеюсь, перевезете? — спросила Фрона.

Он покачал головой и поглядел на озеро. — На той стороне волнение еще сильнее. Даже большим деревянным лодкам не пробраться. Одна с целой кучей пассажиров рискнула отправиться, так ее отнесло к западному берегу. Я сам это видел. А оттуда нет тропы, чтобы обойти озеро кругом. И им придется торчать там, пока не кончится буря.

— И все-таки они в лучшем положении, чем я. Мое снаряжение находится в Счастливом Лагере, и я никак не могу остаться здесь. — Фрона обаятельно улыбнулась, но ее улыбка ни о чем не просила; в ней не было и следа женской беспомощности, вызывающей к рыцарской поддержке мужчины.

— Пожалуйста, подумайте еще раз и переправьте меня.

— Нет.

— Я заплачу вам пятьдесят долларов.

— Я сказал — нет.

— Уверяю вас, я ничуть не боюсь. Глаза молодого человека загорелись гневом. Он стремительно обернулся к ней, но, подумав, не произнес тех слов, которые уже были готовы сорваться с его языка. Она поняла, что неумышленно задела его, и хотела оправдаться. Но, подумав, так же, как и он, промолчала: ей показалось, что это был, пожалуй, единственный способ заставить его уступить. Они стояли против ветра, как моряки на палубе корабля, и упрямо смотрели друг на друга. Его волосы прилипли ко лбу, а длинные локоны Фроны разметались и хлестали ее по щекам.

— Ну, идите, что ли! — Сердитым движением он столкнул в воду лодку и бросил в нее весла. — Лезьте! Я перевезу вас, но ваши пятьдесят долларов тут ни при чем. Я возьму с вас обычную цену, и ни гроша больше.

Порыв ветра подхватил легкую скорлупку и отнес ее футов на двадцать в сторону. Брызги окатывали их непрерывным дождем, и Фрона сразу же взялась за черпак.

— Нас, вероятно, отнесет к западному берегу! — закричал он, налегая на весла. — И вы здорово прогадаете. — Он свирепо посмотрел на нее.

— Нет, — возразила она, — это будет печально для нас обоих: придется провести ночь под открытым небом без одеял и огня. Но, по моему, этого не случится.

Фрона вышла из лодки на скользкие камни, помогла втащить ее на

берег и вычерпать из нее воду. Со всех сторон их окружали голые скалы. Не переставая, сеял мокрый снег, сквозь пелену его в сгущающихся сумерках с трудом можно было разглядеть несколько ям, наполненных водой.

— Вам надо торопиться, — сказал перевозчик, поблагодарив ее за помощь и сталкивая лодку в воду. — Отсюда до Счастливого Лагеря две мили ходьбы в гору. До самого места нет ни деревца. Отправляйтесь скорее. Прощайте.

Фрона пожала ему руку и сказала: — Вы храбрый человек.

— О, я не думаю. — Восхищенно посмотрев на нее, он ответил ей сильным рукопожатием...

Дюжина безобразных палаток стояла у самой опушки леса. Это и был Счастливый Лагерь. Уставшая за день Фрона брела от палатки к палатке. Ее мокрое платье прилипло к телу, и ветер яростно швырял ее из стороны в сторону. В одном месте через парусиновый полог до нее донеслась отборная брань. Фрона была уверена, что это Дэл Бишоп. Но, заглянув внутрь, поняла, что ошиблась, и побрела дальше, пока не оказалась у последней палатки лагеря. Чуть приподняв край полотнища, она увидела при мигающем свете свечи лишь одного мужчину. Он стоял на коленях и с увлечением раздувал огонь в закоптелой юконской печке.

ГЛАВА IV

Фрона отстегнула низ палатки и вошла. Мужчина продолжал раздувать огонь, не замечая ее присутствия. Фрона кашлянула, и он поднял на нее покрасневшие от дыма глаза.

— Так, — сказал он довольно небрежно. — Пристегните полотнище и устраивайтесь поудобнее. Затем он снова принялся за свое дело. «Он гостеприимен, этого нельзя отрицать», — мелькнуло у нее в голове. И, выполнив его распоряжение, она подошла к печке.

Охапка карликовых елок, сучковатых и мокрых, лежала сбоку. Фрона хорошо знала эту ель, которая стелется и извивается в расселинах скал на скудных пластах наносной почвы и в отличие от других своих сестер редко поднимается более чем на фут от земли. Фрона заглянула в духовку; убедившись, что она пуста, наполнила ее мокрыми ветками. Мужчина поднялся с колен, кашляя от дыма, попавшего в его легкие, и одобрительно кивнул.

Отдышавшись, он обратился к ней:

— Садитесь и сушите ваши юбки. Я приготовлю ужин.

Он поставил кофейник на край печки, выплеснул в него остатки воды и, взяв ведро, вышел из палатки. Как только он исчез, Фрона схватила свой дорожный мешок, и когда он через минуту вернулся, она была уже в сухой юбке и выжимала воду из мокрой. В то время как он рылся в ящике для провизии, доставая тарелки и прочие принадлежности для еды, она растянула веревку и повесила мокрую юбку. Тарелки оказались грязными, и когда он начал их мыть, она повернулась к нему спиной и быстро переменяла чулки. Еще с детства она знала, что в дороге необходимо заботиться о своих ногах. Поставив мокрые ботинки на кучу дров за печкой, она обулась в мягкие изящные домашние мокасины индейского изготовления. Огонь к тому времени разгорелся, и она решила, что ее белье высохнет на ней.

В продолжение всего этого времени оба не проронили ни слова. Мужчина молчал и с озабоченным видом занимался своим делом. Фрона решила, что он не хочет слушать ее объяснений. Казалось, для него не было ничего необыкновенного в том, чтобы в бурную ночь давать приют молодой женщине, постучавшей в его палатку. Ей даже это нравилось. Но она не понимала причины его странного поведения, и это беспокоило ее. Ее не покидало смутное ощущение, будто ему ясно что-то такое, чего она себе

не уяснила. Несколько раз она собиралась заговорить, но он обращал так - дало на нее внимания, что она решила и сделать этого.

Он вскрыл топором жестянку с мясными консервами, потом поджарил несколько кусков копченой грудинки и, отставив сковороду, вскипятил кофе. Из ящика для провизии он извлек кусок сырой холодной лепешки, осмотрел его с некоторым сомнением и, скользнув по Фроне быстрым взглядом, выбросил его из палатки. После этого он высыпал из мешка на клеенку морские су» хари, которые давно уже превратились в крошки и так сильно намокли, что стали похожи на кашу грязно-белого цвета.

— Это все, что у меня есть вместо хлеба, — пробормотал он. — Присаживайтесь и ешьте.

— Подождите. — И, прежде чем он успел возразить. Фрона высыпала сухари на сковородку с копченой грудинкой и салом. Все это она залила двумя чашками воды и быстро размешала над огнем. Когда на сковородке зашипело, она добавила разрезанные на куски мясные консервы, густо посыпав все солью и черным перцем. От ее стряпни шел очень аппетитный запах.

— Должен признаться, что это чрезвычайно вкусно, — сказал он, держа тарелку на коленях и жадно поедая диковинную снедь. — Как это называется?

— Тушеное мясо, — коротко ответила она, после чего трапеза продолжалась в молчании.

Фрона налила ему чашку кофе, не переставая наблюдать за ним. Она нашла, что у него не только приятное, но и мужественное лицо. В нем чувствуется скрытая сила, подумала она. Он занимается науками, добавила она затем, потому что не раз встречала подобных людей и обращала внимание на напряженное выражение их глаз, которое появляется от долгих ночных занятий. Такими были и его глаза. Карие, красивые той красотой, которая приличествует мужчине, заключила она. Но, накладывая ему вторую порцию, Фрона с удивлением заметила, что глаза его были скорее цвета спелого ореха. При дневном свете и при хорошем самочувствии они должны быть серыми, пожалуй, даже иссиня серыми. У ее единственной подруги по школе были именно такие глаза.

Его каштановые, чуть вьющиеся волосы отливали золотом при свете свечи, бурые усы мягко свисали вокруг рта. Что касается остального, то лицо его было гладко выбрито и красиво настоящей мужской красотой. Сначала ей не понравились впадины на его щеках, но, окинув взглядом его хорошо сложенную, стройную, мускулистую фигуру с широкой грудью и могучими плечами, она примирилась с ними: они, по-видимому, не имели

ничего общего с плохим питанием. Его фигура свидетельствовала о противоположном. Впадины же только указывали на то, что он не страдает обжорством. Рост его был пять футов девять дюймов. Как гимнастка, она это определила точно, а возраст его колебался между двадцатью пятью и тридцатью годами, вероятно, ближе к двадцати пяти.

— У меня очень мало шерстяных одеял, — отрывисто заявил он, допив свою чашку кофе и поставив ее на ящик с провизией. — Я не думаю, чтобы мои индейцы возвратились с озера Линдерман раньше завтрашнего утра, а здешние молодцы тоже уже все отправили, за исключением нескольких мешков с мукой и самого необходимого снаряжения. Впрочем, у меня найдется несколько теплых пледов, которые отлично заменяя одеяла.

Он повернулся к ней спиной, как Сот не ожидал ответа, и извлек из резинового чехла сверток одеял. Затем вытащил из другого мешка два пледа и бросил на землю.

— Опереточная артистка, я полагаю? Он спросил ее, видимо, безо всякого интереса только для того, чтобы поддержать разговор, и заранее знал стереотипный ответ. Но для Фроны этот вопрос был равносильен пощечине. Она вспомнила филиппику Нипазы против белых женщин, приезжающих в эту страну и, поняв ложность своего положения, посмотрела :...а себя его глазами.

Но он продолжал, не дожидаясь ее ответа — Вчера ночью здесь были две опереточные красотки, а позавчера — три. Но тогда у меня было больше постельных принадлежностей. Не правда ли, ужасна эта их несчастная способность вечно терять свой багаж? Но, как ни странно, я до сих пор еще ни разу не находил потерянного ими. И, по-видимому, все они примадонны.

Среди них никогда не бывает артисток на вторые или третьи роли, никогда. Вы, вероятно, тоже примадонна?

Кровь волной прилила к ее щекам, и это рассердило ее больше, чем его слова. Хотя она знала, что прекрасно умеет владеть собой, краска на ее лице как бы выдавала смущение, которого в действительности она не испытывала.

— Нет, — холодно ответила она. — Я не опереточная артистка.

Ничего не отвечая, он бросил на пол по одну сторону печки несколько мешков с мукой и устроил из них нечто вроде кровати. Ту же операцию он проделал и с остальными мешками, разложив их по другую сторону печки.

— Вы тоже артистка в своем роде, — настойчиво повторил он, презрительно подчеркивая слово «артистка».

— К сожалению, я совсем не артистка. Одеяло, которое он складывал, выпало у него из рук, и он выпрямился. До этого времени он едва обращал на нее внимание. Теперь же он внимательно осмотрел ее с головы до ног, изучая покрой платья и даже прическу. Так прошло несколько секунд.

— О! Прошу прощения, — наконец изрек он и опять устоял на ногах. — В таком случае вы очень неразумная женщина, мечтающая о богатстве и закрывающая глаза на все опасности подобного паломничества. Приезжают в эту страну либо достойные уважения жены и дочери, либо же те, кто недостойн его вовсе. Последние приличия ради называют себя опереточными звездами и артистками; и мы из вежливости делаем вид, что верим им. Да, да, я знаю, что вы хотите сказать. Но помните: здесь есть только такие женщины. Других нет, и те, которые пробуют найти третий путь, терпят неудачу. Так что вы очень, очень неразумная девушка, и, пока еще не поздно, вернитесь. Я одолжу вам денег на обратный путь в Штаты. Если вы взглянете на это просто как на заем у совершенно чужого человека, я завтра отправлю с вами индейца, и он вас проводит до Дайи.

Раза два Фрона пробовала прервать его, но властным движением руки он принуждал ее к молчанию.

— Благодарю вас, — начала она; но он перебил ее: — Не за что, не за что!

— Благодарю вас, — повторила она, — но дело в том, что... вы ошибаетесь. Я только что проделала путь от Дайи и ожидала найти в Счастливом Лагере носильщиков с моей кладью. Они вышли за несколько часов до меня. Я не могу понять, каким образом мне удалось обогнать их. Впрочем, теперь я понимаю! Сегодня днем на озере Кратер к западному берегу ветром отнесло какую-то лодку. По всей вероятности, они находились в ней. Тут-то мы и разминулись, и я оказалась впереди. Что же до моего возвращения обратно, то я ценю ваше предложение, но мой отец живет в Доусоне, и мы с ним не виделись уже три года. Кроме того, я сегодня прошла слишком много и очень хочу отдохнуть. Если вы не откажете мне в вашем гостеприимстве, то разрешите мне лечь спать.

— Это невозможно. — Он отбросил одеяла, уселся на мешки с мукой и бессмысленно посмотрел на нее.

— Есть ли... Есть ли женщины в других палатках? — спросила она нерешительно. — Я не видела ни одной, но, может быть, я просто не заметила.

— Были тут муж с женой, но сегодня утром они свернули свою палатку и ушли. Нет, здесь нет женщин, за исключением... за исключением двух или трех в одной палатке, но они... они вам не подходят.

— Вы думаете, меня испугает их гостеприимство? — рассердилась Фрона. — Ведь они женщины, вы сами это сказали.

— Но я сказал, что для вас это не подходит, — рассеянно ответил он, глядя на надувшуюся парусину и прислушиваясь к завыванию бури. — В такую ночь, как сегодня, без крова над головой можно умереть.

А остальные палатки совершенно переполнены, — продолжал он размышлять вслух. — Я это знаю наверное. Они перенесли в них припасы из ям, опасаясь, что все промокнет. И там так тесно, что повернуться негде. Кроме того, буря загнала сюда еще дюжину путешественников. Двое или трое из них просили разрешения поместиться на ночь у меня, если они не найдут другого места. Вероятно, они нашли, но это еще не доказывает, что есть свободные места. И во всяком случае...

Он беспомощно умолк. Невозможность изменить создавшееся положение была очевидна.

— Могу я ночью добраться до Глубокого Озера? — спросила Фрона, забывая о себе и жалея его. Но, отдав себе отчет в этих словах, она расхохоталась.

— Вы не сможете переправиться в темноте через реку. — Его рассердило ее легкомыслие. — И по дороге нет другого лагеря.

— Вы боитесь? — спросила она чуть-чуть насмешливо. — Не за себя. — В таком случае я лягу спать.

— Я могу сидеть всю ночь и присматривать за печкой, — предложил он после краткого молчания.

— Ерунда! — воскликнула она. — Как будто таким образом вы соблюдете эти глупые приличия! Мы не в цивилизованной стране, а недалеко от Северного полюса. Ложитесь спать!

— О !, — пожал плечами в знак того, что сдается. — Хорошо! Что же мне теперь надо делать? — Помочь мне устроить постель, разумеется. Мешки положены крест-накрест! Благодарю вас, но мне они не под силу. Вот... Подвиньте-ка их сюда.

По ее указанию он положил мешки вдоль стен палатки в два ряда. Между ними образовался неудобный провал. Но она сровняла его, плашмя ударив несколько раз топором и таким образом уменьшив наклон мешков к стене. Потом сложила втрое одеяло и постелила его между ними.

— Гм! — буркнул он, как бы рассуждая сам с собой. — Теперь я понимаю, почему мне было так неудобно спать! Сделаю и я то же самое! И он быстро последовал ее примеру. — Я вижу, вы не привыкли путешествовать по здешним краям, — заметила она, расстилая сверху еще одно одеяло и усаживаясь на постель.

— По всей видимости, да, — ответил он. — А что вы знаете о таких путешествиях? — проворчал он немного погодя.

— Достаточно, чтобы делать то, что надо, — уклончиво ответила она, вытаскивая из духовки сухие ветки и заменяя их мокрыми. — Послушайте! Вот так буря! — воскликнул он. — На дворе становится все хуже и хуже, если это еще возможно.

Палатка качалась под напором ветра, парусина надувалась и трещала при каждом его порыве, между тем как снег и дождь барабанили над головой, точно предварительная схватка уже перешла в настоящее сражение. В короткие мгновения затишья слышно было, как вода льется по боковым стенкам палатки, шумя словно маленький водопад. Он протянул руку и с любопытством дотронулся до мокрого потолка. И внезапно с этого места прямо на ящик с провизией хлынул поток воды.

— Не делайте этого! — воскликнула Фрона, вскочив на ноги. Она прижала палец к тому же месту и быстро провела им по парусине до земли. Течь немедленно прекратилась. — Не надо этого делать, — укоризненно повторила она.

— Господи! — послышался его ответ. — Вы сегодня прошли весь путь от Дайи! Неужели вы еще можете двигаться?

— С большим трудом, — призналась она чистосердечно, — мне очень хочется спать. Спокойной ночи, — пожелала она ему несколько минут спустя, с наслаждением растягиваясь под теплым одеялом. Но спустя четверть часа окликнула его: — Послушайте! Вы не спите?

— Нет. — Его голос с противоположной стороны печки звучал глухо. — В чем дело? — Вы накололи щепок?

— Щепок? — сонно переспросил он. — Каких щепок? — Чтобы растопить печку завтра утром. Встаньте и наколите!

Он молча повиновался. И не успел он кончить свою работу, как она уже спала.

Когда Фрона открыла глаза, в воздухе пахло неизменной копченой грудинкой. Наступило утро, и буря прекратилась. Солнце весело освещало затопленную дождем местность и заглядывало в палатку сквозь поднятое полотнище. Люди уже занялись своими делами и шагали мимо палатки, нагруженные тяжелыми тюками. Фрона перевернулась на другой бок. Завтрак был готов. Ее хозяин только что поставил в духовку грудинку с жареным картофелем и теперь подпирал дверцу двумя лучинками. — Доброе утро! — приветствовала она его. — Здравствуйте, — ответил он, поднимаясь на ноги и беря в руки ведро. — Я не спрашиваю, хорошо ли вы спали. Я знаю, что хорошо. Фрона засмеялась.

— Я иду за водой, — пояснил он. — И надеюсь по возвращении найти вас готовой к завтраку.

Греясь после завтрака на солнце, Фрона заметила знакомую ей группу людей, взбиравшихся по леднику от озера Кратер. Она захлопала в ладоши.

— Вот идут носильщики с моей кладью, и с ними Дэл Бишоп! Ему, вероятно, очень стыдно, что он потерял меня. — Она обернулась к приютившему ее человеку, одновременно вешая через плечо свой фотографический аппарат и дорожный мешок. — Итак, мне остается только проститься с вами и поблагодарить вас за вашу любезность.

— О, совершенно не за что! Не стоит и говорить об этом. Я сделал бы то же самое для каждой. — Опереточной артистки!

Он укоризненно посмотрел на нее и продолжал: — Я не знаю, кто вы, да и не желаю знать. — Ну, я не буду так жестока, потому что знаю ваше имя, мистер Вэнс Корлисс! Я ведь прочла его на пароходных ярлыках, — пояснила она. — И я прошу вас навестить меня, когда вы доберетесь до Доусона. Меня зовут Фрона Уэлз. До свидания!

— Ваш отец Джекоб Уэлз? — крикнул он ей вслед, когда она легким шагом сбежала на тропу. Она обернулась и кивнула головой. Дэл Бишоп не только ничего не стыдился, но даже и не беспокоился.

«Уэлзы нигде не пропадут», — утешал он себя, засыпая накануне вечером. Но он был зол, как тысяча чертей, по его собственному выражению.

— Доброе утро, — приветствовал он Фрону. — По вашему лицу видно, что вы и без моей помощи хорошо провели ночь.

— Надеюсь, вы не беспокоились? — спросила Фрона.

— Беспокоился? О дочке Уэлза? Кто? Я? Совсем нет! Я был слишком занят, высказывая озеру Кратер все, что я о нем думаю. Я не люблю воды. Я уже говорил вам это. И хотя она всегда поступает со мной подло, я все-таки не боюсь ее. Эй, вы там! — обратился он к индейцам. — Поторапливайтесь! К полудню мы должны быть у озера Линдерман.

«Фрона Уэлз?» — повторял про себя Вэнс Корлисс. Все случившееся показалось ему сном, и он пришел в себя, только когда обернулся и увидел ее удалявшуюся фигуру. Дэл Бишоп и индейцы уже исчезли за поворотом скалы, а Фрона как раз огибала ее подножие. Солнце ярко освещало ее, и она была подобна лучезарному видению на черном фоне скалы. Она помахала ему альпенштоком, и в то время, как он снимал свою фуражку, она уже скрылась из виду.

ГЛАВА V

Положение, которое занимал Джекоб Уэлз, без сомнения, было необычным. Этот богатейший торговец в стране, не имеющей никакой торговли, был зрелым продуктом девятнадцатого века и процветал в первобытном обществе, подобном обществу средиземноморских вандалов. Промышленный магнат и блестящий монополист, он господствовал над сборищем самых независимых людей, какие когда-либо сходились вместе со всех концов земли. Бережливый миссионер, апостол Павел от торговли, он проповедовал законы выгоды и силы. Веруя в естественные права человека, сам дитя демократии, он подчинял всех окружающих своей неограниченной власти. Правление Джекоба Уэлза для блага Джекоба Уэлза и народа — вот в чем заключалось его неписаное евангелие. Он создал свою власть единолично и простер ее над пространством, равным дюжине римских провинций. Он мог диктовать свою волю людям, жившим на территории в сто тысяч миль, по его указу вырастали и исчезали города.

И все же он был обыкновенным человеком. Воздух земли впервые наполнил его легкие у берегов реки Платт, в бесконечных прериях. Над его головой простиралось небо, и его нагое нежное тельце было распростерто на зеленой траве. Первое, что увидели его глаза, были лошади, еще оседланные и с кротким удивлением вззирающие на совершившееся чудо; его отец был траппером и только свернул с большой дороги, чтобы дать своей жене возможность разрешиться от бремени. Часом позже они — теперь их было уже трое — вновь уселись на коней и догоняли своих товарищей-охотников. Они никого не задержали, не было потеряно ни минуты времени. Наутро его мать приготовила на костре завтрак, и до захода солнца они проделали еще пятьдесят миль верхом.

Отец Джекоба происходил из семьи крепких валийцев, перекочевавшей с многолюдного Востока в только что созданный штат Огайо, а мать его была дочерью ирландских эмигрантов, осевших в Онтарио. От родителей он унаследовал жажду скитаний, лихорадочную потребность к движению и стремление во всем испытать чашу до дна. В первый же год своей жизни, едва научившись ходить, Джекоб Уэлз проехал верхом на лошади тысячу миль по дикой местности и провел зиму в охотничьей хижине у истоков Северной Ред-Ривер. Его первой обувью были мокасины, его первым лакомством — жир американского лося. Сначала он думал, что мир — это огромные пустыни и обширные снежные

пространства, населенные индейцами и белыми охотниками, похожими на его отца. Несколько шалашей, покрытых оленьими шкурами, были для него городом. Почтовая контора казалась ему храмом цивилизации, а торговый агент самым господом богом. Реки и озера существовали только для того, чтобы передвигаться. С этой точки зрения горы приводили его в недоумение; они составляли для него часть необъяснимого, и он перестал размышлять о них. Иногда люди умирали. Но мясо их было несъедобным, и кожа не представляла никакой ценности, может быть, потому, что она не была покрыта мехом. Меховые шкуры очень ценились, и тот, кто имел их много, мог купить все на свете. Животные были созданы для того, чтобы человек мог их поймать и содрать с них шкуру. Для чего были созданы люди, он не знал, возможно, для нужд торгового агента.

С возрастом представления его об окружающих предметах менялись, но процесс этот сопровождался наивными опасениями и изумлением. Только тогда, когда он стал совсем взрослым и побывал уже в доброй половине городов Америки, из его глаз исчезло выражение детского недоумения, и они стали острыми и пытливыми. Еще мальчиком, впервые попав в город, он внес некоторые поправки в свой взгляд на вещи, но все еще был склонен к обобщению. Жители городов были изнеженными. В их головах не было стрелок компаса, и они легко сбивались с дороги. Вот почему они предпочитали жить в городах. Боясь простуды и темноты, они спали под крышей и запирали на ночь двери своих домов. Городские женщины были симпатичны и красивы, но они недалеко ушли бы за день по глубокому снегу. Все говорили слишком много... Вот почему они часто лгали и не могли много работать. В довершение всего в городах существовала новая могучая сила, которая называлась обманом. Тот, кто обманывает, должен быть абсолютно уверен в успехе либо должен уметь отвечать за последствия. Обман — это отличная штука, если ею умело пользоваться.

Впоследствии, проводя большую часть жизни среди гор и лесов, он пришел к заключению, что в городе не все плохо, что там тоже можно жить и продолжать оставаться человеком. Привыкнув бороться с силами природы, он заинтересовался борьбой социальных сил на поприще коммерции. Владыки рынка и биржи прельщали его своим блеском, но не ослепляли, и он изучал их, стремясь узнать тайну их могущества. А позднее, в знак того, что и из Назарета может кое-что выйти хорошее, он, в расцвете сил, женился на девушке, выросшей в городе. Но стремление к далеким странам все еще не покидало его, и -голос крови побудил его уйти из города и поселиться на берегу реки Дайе, где на опушке леса в большом

бревенчатом доме он основал факторию. И здесь, в зрелые годы, он научился правильно смотреть на вещи и обобщать социальные явления так же, как раньше он обобщал явления природы... И в тех и в других было много общего. И те и другие подчинялись одинаковым законам; в них содержались одни и те же истины. Борьба — вот в чем заключалась тайна мироздания. Борьба — это закон и путь к прогрессу. Мир был создан для сильных, и только сильные владели миром. Все было проникнуто вечной справедливостью. Быть честным — значило быть сильным. Грех вел к слабостям. Обмануть честного человека считалось мошенничеством. Обмануть обманщика значило восстановить справедливость. Первобытная сила была в руках; современная сила — в голове. И хотя поле деятельности переместилось, борьба была все той же, что и прежде, когда люди боролись за власть над миром и за те наслаждения, которые эта власть приносила. Меч уступил место гроссбуху; закованный в броню рыцарь

— одетому в изящный костюм промышленному магнату, а центр имперской политической власти был перенесен на биржу. Современная сила воли уничтожила грубые животные инстинкты. Упрямая земля поддавалась только силе. Мозг значил больше, чем тело. Человек, обладающий умом, мог скорее поработить первобытные силы.

У него не было образования, вернее, того, что считается образованием. К тем двум или трем основным жизненным принципам, которые внушила ему мать при свете костра или свечи, он прибавил немного разношерстных знаний, почерпнутых из книг; но эта ноша не обременила его. Жизненные явления были ему ясны и понятны, потому что природа наградила его здравым смыслом и проницательностью.

В один прекрасный день Джекоб Уэлз оставил позади себя Чилкут и исчез в бесконечной пустыне. Год спустя он появился в русских миссиях у самого впадения Юкона в Берингово море. Он проехал три тысячи миль вниз по реке, много видел и грезил о великом. Но он держал язык за зубами и молча принялся за работу. И вот однажды пронзительный пароходный гудок приветствовал полуночное солнце у топких берегов Форт-Юкона. Это было изумительное достижение. А как он добился этого, мог рассказать только он сам. И хотя вся эта затея казалась невозможной, он приводил откуда-то все новые и новые пароходы и создавал одно предприятие за другим. Построенные им фактории и склады товаров встречались по реке и ее притокам на тысячи миль вокруг. Он силой вложил топор белого человека в руку туземца; и в каждом поселке и даже между ними четырехфутовые штабеля дров ждали его пароходов. На одном из островов Берингова моря, там, где река впадает в океан, он устроил

большой распределительный пункт.

В северной части Тихого океана плавали его огромные океанские пароходы. А в его конторах в Сиэтле и Сан-Франциско десятки клерков поддерживали порядок и систему в торговых делах.

В страну хлынул людской поток. До этого времени голод выгонял оттуда людей, но теперь там был Джекоб Уэлз и его продовольственные склады. И люди зимовали там и копали мерзлую землю, ища золото. Он ободрял их, снабжал припасами, получая за это долю в их участках, и вносил в списки компании. Его пароходы перевозили людей вверх по Кьюкуку за Северный полярный круг. Как только где-нибудь появлялась возможность заработать деньги, он немедленно устраивал там товарные склады. И следом вырастал город. Джекоб Уэлз вел изыскания, спекулировал, расширял свое дело. Не знающий усталости, упрямый, со стальным блеском в темных глазах, он был вездесущ. У истоков только что открытой реки он был первым, и в устье ее он тоже был первым, торопясь доставить туда продовольствие. За пределами этой страны во внешнем мире он устраивал всевозможные торговые комбинации, объединялся с корпорациями всего света и принуждал большие транспортные компании брать с него особый, льготный тариф. Здесь же он торговал мукой, шерстяными одеялами и табаком, строил лесопильные заводы, намечал местоположение городов, искал медь, железо и уголь. Для того, чтобы снабдить своих старателей всем необходимым, он рыскал по Арктике вплоть до Сибири, в поисках зимней одежды, сделанной туземцами.

Уэлз вез на себе всю страну, следил за ее нуждами. делал ее работу. Каждая унция золотого песка, каждое открытое письмо, каждый аккредитив проходили через его руки. Он был ее банкиром и биржевым маклером. Он привозил и распределял почту. Его раздражали конкуренты, а хищников он безжалостно преследовал. Он угрожал пытающимся вступить с ним в борьбу синдикатам и, если они не сдавались, разорял их. И при всем том он находил время и возможность заботиться о своей дочери, которая росла без матери, находил время высказывать ей свою любовь и готовить к тому положению, которое он ей создал.

ГЛАВА VI

— Я думаю, капитан, вы согласитесь, что мы должны обратить особое внимание на серьезность создавшегося положения. — Джекоб Уэлз помог своему гостю надеть меховую шубу и продолжал: — Не потому, что оно недостаточно серьезно, но для того, чтобы оно не стало еще серьезнее. И вы и я уже пережили голод. Мы должны напугать их; и сделать это теперь же, пока еще не поздно. Если пять тысяч человек покинут Доусон, то остальным с избытком хватит припасов. Пусть только эти пять тысяч разнесут весть о голоде до Дайи и Скагуэя. Тогда еще пять тысяч не явятся к нам сюда.

— Совершенно правильно! И вы можете рассчитывать на полную поддержку полиции. — Собеседник Уэлза, седой человек крепкого сложения, с энергичным лицом и манерами военного, поднял воротник шубы и взялся за ручку двери. — Благодаря вам я уже обратил внимание на то, что последние явившиеся сюда путешественники начинают распродавать свое снаряжение и покупать собак. Вы представляете, какая будет гонка по льду, как только река станет! И каждый, кто продаст тысячу фунтов съестных припасов и уйдет, уменьшит требования одного пустого желудка и наполнит другой из числа оставшихся здесь. Когда отправляется «Лора»?

— Сегодня утром, с тремя сотнями пассажиров, не имеющих продовольствия. Я бы хотел, чтобы их было три тысячи!

— Аминь! Между прочим, когда приедет ваша дочь?

— Я жду ее со дня на день. — Глаза Джекоба Уэлза потеплели. — Приходите к обеду, когда она приедет, и приведите из казарм двух-трех молодых офицеров. Я не знаю их всех по имени, но вы можете передать им приглашение от меня лично. Я не часто бываю в обществе, мне некогда, но мне хочется, чтобы моя дочь весело проводила время. Ведь она долго жила в Лондоне и в Штатах, и здесь ей может показаться скучно. Вы согласны со мной?

Джекоб Уэлз закрыл за посетителем дверь, подвинул свое кресло к камину и поставил ноги на решетку. На мгновение в мерцающем свете камина перед ним встал образ молодой девушки, вызвавший воспоминание о красивой женщине англосаксонского типа. Дверь открылась.

— Мистер Уэлз, мистер Фостер послал меня справиться, выдавать ли ему продовольствие по ордерным чекам?

— Конечно, мистер Смит. Но только вдвое меньше. Если у кого-нибудь имеется на руках чек на тысячу фунтов, выдавайте ему только пятьсот. Он закурил сигару и снова откинулся на спинку кресла.

— Вас желает видеть капитан Макгрегор, сэр. — Просите!

Капитан Макгрегор вошел и остановился возле кресла своего хозяина. Тяжелая рука Нового Света с детства легла на плечи шотландца. Но глубокая искренность, сквозившая в каждой черте его изборожденного горькими морщинами лица, и выступающий вперед подбородок говорили о том, что честность — лучшая политика по крайней мере для того, кто имел дело с обладателем этого подбородка. Это подтверждалось его кривым, сломанным носом и длинным шрамом, который тянулся через весь лоб и скрывался в седых волосах.

— Мы снимаемся с якоря через час, сэр. Я пришел за последними распоряжениями.

Хорошо. — Джекоб Уэлз повернулся к нему. — Капитан Макгрегор!

— Да! Я слушаю вас.

— На эту зиму я имел в виду для вас другую работу. Но я передумал и назначил вас на «Лору». Вы догадываетесь, почему?

Капитан Макгрегор переступил с ноги на ногу, и лукавая усмешка сверкнула в его глазах. — Предвидите затруднения, — проворчал он. Я не мог найти более подходящего человека, чем вы. Перед тем, как отправиться, вы получите точные указания от мистера Белли. Я вам скажу только одно: если мы не сможем спугнуть отсюда достаточное количество людей, Форт-Юкон будет нуждаться в каждом фунте съестных припасов. Вы меня понимаете? — Да. — Не будьте расточительным. Вы везете с собой триста человек. Есть основания предполагать, что еще вдвое больше людей подойдет к вам по льду, как только станет река. Этой зимой вам придется кормить тысячу человек. Дайте им пайки, рабочие пайки, и следите за тем, чтобы они действительно работали. Пусть они заготавливают дрова, по шесть долларов за штабель, и складывают их на берегу в таком месте, где могут причаливать пароходы. Кто не будет работать, тот не должен получать пайка. Вы меня понимаете? — Да.

— Тысяча человек могут натворить большие безобразия, если они будут бездельничать. Мало ли что может быть! Наблюдайте за тем, чтобы они не грабили ям с продовольствием. Если они это сделают, исполняйте ваш долг.

Капитан мрачно кивнул. Его руки невольно сжались, а шрам на лбу побледнел.

— Там, во льдах, стоит пять пароходов. Сохраните их в целости, когда

весной тронется лед. И прежде всего снимите с них весь груз и сложите его в одну большую яму. Вам легче будет ее защищать; вы можете сделать ее вовсе неприступной. Отправьте человека в Форт-Бэрр и попросите мистера Картера прислать вам трех своих служащих. Он обойдется и без них. В Серкле нет никаких важных дел. По дороге возьмите на борт половину служащих мистера Бердвелла. Они вам понадобятся. Среди них много хороших стрелков. Будьте непреклонны и бдительны. Помните, что тот, кто стреляет первым, чаще всего остается в выигрыше. И не спускайте глаз с продовольствия.

— А заодно и с чужих револьверов,; — пробурчал капитан Макгрегор, закрывая за собой дверь.

— Джон Мелтон, мистер Мелтон, сэр. Вы можете принять его?

— Слушайте, Уэлз, что это значит? Разгневанный Джон Мелтон вошел вслед за клерком и чуть не сбил его с ног, тыча какую-то бумагу прямо в лицо председателю компании. — Прочтите же! Что здесь написано? Джекоб Уэлз, взглянув, хладнокровно ответил: — Тысяча фунтов продовольствия.

— То же самое и я говорю, но кладовщик отрицает это. Он утверждает, что мне следует получить только пятьсот фунтов. — Совершенно верно. — Но...

— Документ выдан на тысячу фунтов, но на складе вы получите только пятьсот.

— Это ваша подпись? — И Мелтон потряс документом перед самым носом собеседника. — Моя.

— Так как же вы намерены поступить? — Дать вам пятьсот фунтов. А как вы намерены поступить?

— Откажусь их взять.

— Отлично. Больше нам не о чем говорить. — Напротив. Я намерен покончить все дела с вами. Я достаточно богат, чтобы самостоятельно доставлять свои грузы через ущелья, и я сделаю это в будущем году. Наши деловые отношения с этого момента покончены раз и навсегда.

— Я не возражаю. Вы вложили в мое дело на триста тысяч долларов золотого песка. Идите к мистеру Этчелеру и попросите выдать вам их немедленно. Мелтон шагал назад и вперед в бессильной ярости. — Неужели я не могу получить остальные пятьсот фунтов? Великий боже! Я ведь заплатил за них! Уж не собираетесь ли вы уморить меня голодом?

— Послушайте, Мелтон! — Джекоб Уэлз остановился и стряхнул пепел с сигары. — Чего вы в данный момент добиваетесь? Что вы хотите получить?

— Тысячу фунтов продовольствия.

— Для собственного потребления? Король Бонанзы кивнул головой.

— Я так и думал. — Морщины на лбу Джекоба Уэлза выступили резче. — Вы заботитесь только о собственном желудке. А я забочусь о желудках двадцати тысяч людей.

— Но вы же выдали вчера Тиму Макреди тысячу фунтов.

— Сократить выдачи было решено только сегодня. — Почему же мне первому пришлось пострадать?

— А почему вы не пришли вчера, а Тим Макреди сегодня?

Лицо Мелтона выразило полное недоумение, и Джекоб Уэлз пожатием плеч сам ответил на свой вопрос.

— Вот как обстоят дела, Мелтон. Никаких исключений. Если вы считаете меня ответственным за Тима Макреди, то я буду считать вас ответственным за то, что вы не пришли вчера. Но пусть уже за все это отвечает провидение. Вы уже испытали голод на Сороковой Миле. Вы принадлежите к белой расе. То, что вы владеете Бонанцей или ее частью, не дает вам права ни на один фунт больше, чем получит старейший и беднейший из местных старожилов или только что родившийся ребенок. Верьте мне. До тех пор, покуда у меня будет хоть фунт продовольствия, вы не умрете с голоду. Будьте тверды. Пожмите мне руку, улыбнитесь и постарайтесь примириться с обстоятельствами.

Все еще сердясь, но уже начиная приходить в себя, король пожал руку Уэлзу и выбежал вон. Не успела за ним закрыться дверь, как в комнату неуклюжей походкой вошел неряшливый янки. Ногой, обутой в мокасин, он подвинул к себе стул и уселся.

— Слушайте, — начал он таинственно, — люди, как мне кажется, начинают волноваться по поводу ограничения выдачи продовольствия.

— Алло, Дэйв. Это вы?» — Предположим, что это так. Вот я и говорю, будет дикое бегство отсюда, как только станет река. — Вы так думаете? — Угу!

— Я очень рад это слышать. Это именно то, что здесь нужно. И вы двинетесь со всеми?

— Ни за что в жизни, — Дэйв Харни запрокинул голову с видом полного

самодовольства. — Вчера я отправил мою кладь на прииск. Думаю, что сделал это как раз вовремя Но послушайте!.. У меня с сахаром вышло неладно. Он лежал на последних санях, и как раз в том месте, где дорога сворачивает от-л~тдайкп на Бонанцу, сани провалились под лед! Больше я их не видел... Подумайте, последние сани, и на них весь мой сахар! Вот я и

надумал зайти к вам сегодня и взять у вас фунтов сто. Белый или коричневый, мне безразлично.

Джекоб Уэлз покачал головой и улыбнулся, но Харни придвинул свой стул ближе.

— Ваш клерк сказал, что он ничего не знает. Не имело никакого смысла приставать к нему, и я сказал, что зайду к вам. Мне все равно, какой сахар вы дадите, дайте только сто фунтов, и я буду доволен.

— Слушайте, — продолжал он, видя, что его собеседник отрицательно покачал головой. — Ведь вы знаете, что я — большой сластена. Помните леденцы, которые я стряпал на Причер-Крик? Подумайте только, как бежит время! Ведь это было шесть лет назад! Даже больше, пожалуй. Семь, будь я проклят! Так вот, я говорю, пусть лучше я останусь без жевательного табака, чем без сахара. Так как же будет? Я здесь с собаками. Не пойти ли нам на склад? Хорошая мысль!

Тут он ясно увидел, что с губ Джекоба Уэлза готово сорваться «нет», и поспешил заговорить, прежде чем тот успел что-либо произнести.

— Разумеется, я не хочу забрать себе все. Ни за что на свете не сделаю этого! Так что, если у вас мало сахара, я могу удовлетвориться и семьюдесятью пятью фунтами, — он пристально взглянул в лицо своего собеседника, — даже, пожалуй, достаточно будет и пятидесяти. Я вхожу в ваше положение, и я не такая низкая тварь, чтобы приставать...

— Какой смысл сыпать словами, Дэйв? Мы не можем дать вам ни одного фунта сахара.

— Ну, хорошо, ведь я и не хочу обирать других. А кроме того, принимая во внимание, что я имею дело с вами, Уэлз, я обойдусь и двадцатью пятью. — Ни одной унции!

— Как? Совсем ни кусочка? Ну, ну, не сердитесь. Мы забудем, что я вас о чем-то просил, и я заверну к вам как-нибудь в другой раз. До свиданья! Ну и ну! — Он повернулся, склонил голову набок и, казалось, весь превратился в слух. — Ведь это свисток «Лоры». Она скоро отходит. Вы пойдете посмотреть, как она отчаливает? Пойдемте вместе.

Джекоб Уэлз надел медвежью шубу и рукавицы, и они прошли через контору на главный оклад. Он был так обширен, что двести покупателей, стоявших у прилавков, были почти незаметны. У многих были серьезные лица, и кое-кто даже мрачно смотрел на председателя компании, когда он проходил мимо. Приказчики продавали все что угодно, за исключением продовольствия, а именно на него и был спрос. «Припрятали на худой конец, чтобы вздуть цены», — брюзжал старатель с рыжей бородой. Джекоб Уэла слышал его слова, но не обратил на них никакого внимания.

Он знал, что пока не уляжется паника, он еще не раз услышит более неприятные вещи.

Выйдя на боковую дорожку, он остановился, чтобы бегло просмотреть объявления, которые обычно вывешивались на стене здания. В них говорилось о пропаже, находке и продаже собак, но большую часть составляли объявления о продаже походного снаряжения. Наиболее робкие были уже напуганы. Снаряжение в пятьсот фунтов весом предлагалось по цене в один доллар за фунт, если в него не входила мука, снаряжение с мукой расценивалось по полтора доллара за фунт. Джекоб Уэлз увидел, что Мелтон беседует с вновь прибывшим человеком, лицо которого было весьма озабочено. Довольная усмешка короля Бонанцы свидетельствовала о том, что ему все-таки удалось пополнить запас продовольствия на зиму.

— Дэйв, почему бы вам не поискать сахара таким путем? — спросил Джекоб Уэлз, указывая на объявления.

Дэйв Харни с упреком посмотрел на него. — Напрасно вы думаете, что я не искал. Я вконец загнал своих собак, объехав всю округу от Клондайка до Госпиталя. И нигде ничего не нашел ни за деньги, ни даром.

Они спустились по дорожке мимо дверей склада. Ряды саней стояли вдоль его стены, и заждавшиеся собаки, по-волчьи свернувшись клубком, лежали на снегу. Это был первый настоящий снегопад за всю осень. Наконец-то старатели дождались возможности начать перевозку клади.

— Забавно, не правда ли? — еще раз закинул удочку Дэйв, когда они проходили по главной улице, ведущей на берег реки. — Очень забавно, что я владелец двух Эльдорадо в пятьсот с лишним футов каждый, человек, стоящий пять миллионов, как одна копейка, не имею чем подсластить себе кофе или кашу! Провались она к чертям, эта страна, пропади она пропадом! Я продам свои заявки! Я брошу все! Я... я... я уеду в Штаты!

— О нет, вы этого не сделаете, — ответил Джекоб Уэлз. — Я и раньше от вас это слышал. Если память мне не изменяет, вы целый год питались исключительно мясом, когда торчали в верховьях реки Стюарт. И вы ели внутренности лососей и собак в верховьях реки Тананы, не говоря уже о том, что два раза вам пришлось пережить голод. И все-таки вы не уехали отсюда. И вы никогда не уедете. Вы здесь умрете, и это так же верно, как то, что сейчас «Лора» снимается с якоря. Я спокойно ожидаю того дня, когда увезу вас отсюда в свинцовом гробу и обременю Сан-Франциско заботами о ликвидации вашего имущества. Вы здесь увязли, и вы сами это знаете.

Разговаривая, он все время отвечал на приветствия встречающих. В основном это были старожилы, и он знал каждого из них по имени. Но не

было также почти ни одного новичка, которому не было бы знакомо его лицо.

— Я готов побиться об заклад, что в 1900 году я буду в Париже, — слабо протестовал король Эльдорадо.

Но Джекоб Уэлз не слышал его. Раздались резкие звуки гонга, которыми Макгрегор приветствовал его, стоя на капитанском мостике, и «Лора» медленно отошла от берега. Провожающие огласили воздух пожеланиями счастливого пути и последними напутствиями, но триста неудачников, оставлявших на берегу свои золотые мечты, были безнадежно угрюмы и ни на что не отвечали. «Лора» миновала канал, проделанный в прибрежной полосе льда. Потом течение реки подхватило ее, и, дав последний свисток, она пошла на всех парах.

Толпа разошлась. Джекоб Уэлз остался стоять, окруженный группой человек в двадцать. Разговор шел о голоде, и это был разговор мужчин. Даже Дэйв Харии перестал проклинать страну, где нельзя достать сахара, и весело издевался над новичками — чечако, как он называл их, позаимствовав это слово из языка сивашей. Внезапно его зоркие глаза различили черную точку, двигавшуюся по реке, среди похожего на кашу льда. — Взгляните-ка — закричал он. — Сюда плывет каноэ!

Искусно лавируя, то гребя, то отталкиваясь от плывущих льдин, двое людей, сидевших в лодке, старались пробраться к кромке льда, чтобы найти в ней проход. Попав в канал, проделанный пароходом, они налегли на весла и стрелой понеслись по спокойной глубокой воде. Ожидавшие встретили их с распростертыми объятиями, полегли им взобраться на берег и втащить туда их скорлупку. На дне ее лежали две кожаные почтовые сумки, пара одеял, кофейник, сковорода и маленький мешок со съестными припасами. Что же касается людей, то они так замерзли, что с трудом держались на ногах. Дэйв Харни предложил угостить их виски и хотел немедленно увести их. Но один из них задержался, чтобы застывшей рукой пожать руку Джекобу Уэлзу.

— Ваша дочь близко, — сообщил он. — Мы обогнали ее лодку час тому назад. Каждую минуту она может показаться из-за поворота. У меня для вас есть депеши, но я принесу их немного погодя. Сначала я должен чего-нибудь выпить. — Повернувшись, чтобы идти с Харни, он вдруг остановился и указал на реку. — А вот и она. Только что показалась из-за утеса.

— Ну, бегите, ребята, и пейте виски, — напомнил им Харни. — Скажите, чтобы записали на мой счет двойную порцию, и извините, что я не иду вместе с вами. Я останусь здесь.

Густая ледяная каша, среди которой виднелись небольшие льдины, стремительно неслась по Клондайку, отбрасывая лодку на середину Юкона. С берега было ясно видно, как люди борются со стихией, — четыре человека, стоя, усердно работали баграми, пробираясь между скрежещущими льдинами. На борту была установлена юконская печка, и из ее трубы вился голубоватый дымок. Когда лодка приблизилась, все разглядели на ней фигуру женщины, орудовавшей на корме длинным рулевым веслом. Глаза Джекоба Уэлза сверкнули. Это было первое предзнаменование, и притом хорошее, подумал он. Она осталась дочерью Уэлза, не боящейся труда и борьбы. Годы, проведенные ею в цивилизованных странах, не сделали ее слабой. Она вкусила земных плодов, но не чуждалась и самой земли. Она с радостью возвращалась к ней. Так размышлял он, глядя, как приближается обледенелая лодка. Единственный в ней белый мужчина взял в руки фалинь и выскочил на кромку льда, чтобы замедлить ход и направить лодку в канал. Ко береговой лед, образовавшийся только накануне вечером провалился под его тяжестью. Человек упал в воду. Под напором большой льдины нос лодки круто повернулся, так что упавший выплыл за кормой. Женщина быстро нагнулась и схватила его рукой за воротник. В то же мгновение раздался громкий и властный голос, приказавший табанить сидевшим на веслах индейцам. Продолжая держать над водой голову мужчины, она всем телом оперлась на рулевое весло и кормой вперед провела лодку в канал. Еще несколько взмахов весла — и лодка была у берега. Она передала щелкающего зубами человека Дэйву Харни. Тот вытащил его из воды и немедленно погнал вслед за теми, кто привез почту.

Фрона поднялась. Щеки ее горели от быстрых движений. Джекоб Уэлз стоял, охваченный нерешительностью. Она была в двух шагах от него, но между ними лежала бездна в три года разлуки. Теперь ей двадцать лет, а было семнадцать, когда они расстались. И он совсем не ожидал, что разница между прежней и настоящей Фроной будет так велика. Он не знал, заключить ли это сияющее юнее создание в свои могучие объятия или просто взять ее за руку и помочь сойти на берег. Его колебание прошло незамеченным. Она сама быстро скользнула к нему и обняла его. Стоявшие наверху, все как один, отвернулись, пока они оба, держась за руки, поднимались вверх.

— Джентльмены, моя дочь! — На его лице была написана величайшая гордость.

Фрона посмотрела на всех окружающих с дружелюбной улыбкой, и каждому почудилось, что ее глаза глянули именно на него.

ГЛАВА VII

Было совершенно понятно, что Вэнсу Корлиссу хотелось опять увидеть ту девушку, с которой он поделился своими одеялами. Правда, он не догадался привезти с собой на Аляску фотографический аппарат, но тем не менее в результате какого-то сложного процесса ее образ запечатлелся в его памяти. Это произошло моментально. Волна света и красок, молекулярная вибрация и интеграция, еле заметное, но тем не менее вполне определенное сокращение некоторых мозговых извилин — и изображение было готово! Ее стройная фигура в сиянии солнечных лучей резко выделялась на фоне крутой черной скалы. Прекрасная, как утренняя заря, улыбка сверкала в ореоле пламенеющего золота.

Он вспоминал ее именно такой, и чем чаще это случалось, тем сильнее хотелось ему снова увидеть Фрону Уэлз. Это событие, которое он предвкушал с радостным волнением и трепетом восторга, часто бывает в жизни человека. Фрона представляла собой новый, неизвестный ему дотоле тип женщин, с которым ему не приходилось встречаться раньше. Из пленительной неизвестности ему улыбалась пара карих глаз, и руки, нежные, но сильные, манили его. Во всем этом был соблазн, равный соблазну греха.

Не следует думать, что Вэнс Корлисс был глупее других или что он вел жизнь отшельника. Дело в том, что воспитание придало его образу жизни несколько пуританский характер. Пробуждающийся интеллект и жажда знаний ослабили влияние, которое имела на него в детстве суровая мать, но все же не смогли уничтожить его полностью. Оно было глубоко запрятано в нем, чуть заметно, но все-таки неотделимо от его существа. Избавиться от него окончательно он не мог. Незаметно оно извращало его взгляд на жизненные явления. Его представления возникали под неправильным углом зрения и особенно часто тогда, когда вопрос касался женщин. Он гордился широтой своих взглядов, потому что допускал существование трех категорий женщин, тогда как мать его допускала только две. Но он перерос свою мать. Было неоспоримо, что существуют три категории: хорошие женщины, плохие и наполовину хорошие, наполовину плохие. Что последние в конце концов становятся плохими, он верил твердо. По самому своему существу такое положение не могло продолжаться долго. Это была промежуточная стадия, переход от возвышенного к низменному, от лучшего к худшему.

Все это могло бы быть справедливым даже с его точки зрения, но ограниченность всегда приводит к догматизму. Что было хорошо и что плохо? В этом-то и заключался вопрос. Об этом шептала ему, умирая, мать. И не только она, но многие поколения скованных условностями предков, вплоть до того из них, кто первый стал смотреть на окружающих свысока. И хотя Вэнс Корлисс не подозревал об этом, но голос предков звал его к прошлому, даже если это угрожало ему гибелью.

Он не приклеил ярлык на Фрону, согласно унаследованным им взглядам. Он вообще отказался классифицировать ее, не осмеливался сделать это. Он предпочитал вынести суждение о ней позже, когда у него будет больше данных. В этом был свой соблазн; тот критический момент, когда чистый человек мечтательно простирает руки к грязи и отказывается назвать ее грязью, пока сам не запачкается. Нет, Вэнс Корлисс не был трусом! А так как чистота есть понятие относительное, то он не был чист. То, что у него под ногтями не было грязи, происходило не оттого, что он прилежно занимался маникюром, а оттого, что он не сталкивался с грязью. Он был хорошим не потому, что желал этого, не потому, что его отталкивало зло, просто у него не было случая стать дурным. Но, с другой стороны, из сказанного не следует, что он непременно стал бы нечестным человеком при первом удобном случае.

Вэнс до некоторой степени был тепличным растением. Всю жизнь он прожил в идеально чистом доме, со всеми удобствами. Воздух, которым он дышал, был в большинстве случаев искусственно выработанным озоном. Он принимал солнечные ванны, когда светило солнце, а если шел дождь, его прятали в закрытое помещение. И, когда он вырос и получил возможность выбирать, он оказался слишком занятым, чтобы сойти с того прямого пути, по которому мать учила его ползать и ковылять и по которому он теперь продолжал идти прямо, не задумываясь над тем, что лежит вокруг.

Жизненная сила не может быть использована дважды. Если она израсходована на что-нибудь одно, то ее не хватит на другое. Так обстояло дело с Вэнсом Корлиссом. Ночные занятия в школе и физические упражнения потребовали всей энергии, которую его нормальный организм извлекал из обильной пищи. Если он чувствовал в себе несколько больший прилив энергии, то он расходовал ее в обществе своей матери и тех жеманных, связанных условностями людей, которые собирались у нее на чашку чая. В результате всего этого из него получился очень милый молодой человек, заслуживающий одобрения со стороны матерей молодых девушек; очень здоровый молодой человек, силы которого сохранились

благодаря воздержанной жизни; очень образованный молодой человек, имевший диплом горного инженера. диплом бакалавра искусств; и наконец очень эгоцентричный и хладнокровный молодой человек.

Самым большим его достоинством было то, что он все-таки не застыл в той форме, которая была свойственна его среде и в которой его удерживали руки матери. В нем говорил какой-то атавизм, голос того, кто первым стал смотреть свысока на других. До последнего времени эта сторона его наследственности ни в чем не проявлялась. Он просто приспособился к окружающему, и ничто не вызывало к жизни эту его способность. Но стоило ему услышать призыв к этому его свойству, как он по существу своему непременно должен был бы тотчас откликнуться на этот зов. Очень возможно, что принцип катящегося камня совершенно правилен. Но тем не менее самое большое достоинство в жизни — это способность менять направление. И хотя Вэнс Корлисс о том и не подозревал, это и было его крупнейшим достоинством.

Но вернемся назад. Предвкушая большую радость, ждал он новой встречи с Фроной Уэлз, а покуда частенько видел ее такой, какой она запечатлелась в его памяти. Хотя он направился через Ущелье и плыл по рекам и озерам, располагая большими суммами (лондонские синдикаты никогда не бывают мелочными в таких делах), Фрона все же достигла Доусона на две недели раньше его. Он преодолевал препятствия только благодаря деньгам, а она пользовалась еще более могущественным талисманом — именем Уэлз. По прибытии в Доусон он потерял недели две на подыскание жилья, посещение тех, к кому у него имелись рекомендательные письма, и на устройство своей жизни. Но чему суждено сбыться, того не миновать, и поэтому в один прекрасный вечер, когда река уже стала, он направил свои стопы к дому Джекоба Уэлза. Жена приискового комиссара, миссис Шовилл, сопровождала его.

Корлиссу показалось, что он видит сон. Паровое отопление в Клондайке! Но холл остался позади, и через двери, завешенные тяжелыми портьерами, Вэнс вступил в гостиную. Это была настоящая гостиная. Его мокасины из лосиного меха утопали в роскошно.: пушистом ковре, а на противоположной стене ему бросился в глаза солнечный восход кисти Тернера. В комнате было еще много картин и бронзы. В двух голландских каминах пылали огромные еловые поленья. Был там и рояль, и кто-то пел. Фрона вскочила с табуретки и пошла к нему навстречу, протягивая обе руки. До сих пор ему казалось, что его воображаемая солнечная фотография — верх совершенства. Но теперь при свете огня это юное создание, полное тепла и жизни, затмило бледную копию. Взяв ее руки в

свои, он почувствовал, что у него закружилась голова. Это было одно из тех мгновений, когда какое-то непостижимое, властное ощущение волнуется кровью и заволакивает мозг туманом. Первые слова смутно доходили до его сознания, но голос миссис Шовилл привел его в себя.

— Вы! — воскликнула она. — Вы уже знакомы? И Фрона ответила:

— Да, мы встретились на дороге от Дайи. А люди, которым довелось там встретиться, никогда не забывают друг друга. — Как романтично!

Миссис Шовилл захлопала в ладоши. Несмотря на то, что она была толстой флегматичной женщиной под сорок лет, вся ее жизнь, когда она бодрствовала, проходила в восклицаниях и рукоплесканиях. Ее супруг под большим секретом уверял, что, если бы она встретила лицом к лицу с господом богом, она непременно всплеснула бы своими пухлыми руками и закричала: «Как романтично!»

— Как это произошло? — продолжала она. — Не спас ли он вас в горах или что-нибудь в этом роде? Пожалуйста, скажите, что так оно и было! И вы

никогда об этом не говорили, мистер Корлисс! Пожалуйста, расскажите! Я умираю от любопытства!

— О, ничего особенного, — поспешил он ответить. — Ничего романтического. Я, то есть мы...

Он почувствовал, что у него упало сердце, когда Фрона перебила его. Невозможно было предвидеть, что скажет эта удивительная девушка.

— Он оказал мне гостеприимство, вот и все, — сказала она. — Я могу похвалить его жареный картофель, а что до его кофе, то он превосходен для того, кто умирает от голода.

— Неблагодарная! — отважился он произнести, получив в награду улыбку. Затем Корлисса познакомили с молодым стройным лейтенантом горной полиции, который стоял у камина и обсуждал вопрос о продовольственном кризисе с живым, небольшого роста человеком в крахмальной сорочке с очень высоким, тугим воротничком.

Благодаря тому, что Корлисс по рождению принадлежал к известному общественному кругу, он непринужденно переходил от одной группы к другой, в чем ему завидовал Дэл Бишоп. Точно проглотив аршин, Бишоп сидел на первом попавшемся стуле и терпеливо дожидался, чтобы кто-нибудь из гостей простился и ушел. Он хотел посмотреть, как это делается. Мысленно он уже представлял себе эту сложную процедуру, он даже знал, сколько шагов нужно сделать до двери, и был совершенно уверен в том, что необходимо проститься с Фроной. Но он не знал, должен ли он пожать руку каждому из присутствующих. Он заглянул сюда на минутку, чтобы

повидать Фрону, сказать ей «Как вы поживаете?», и неожиданно попал в большое общество.

Корлисс, только что кончивший болтать с некоей мисс Мортимер о декадентстве французских символистов, наткнулся на Бишопа. Старатель немедленно узнал его, хотя видел только раз, да и то мельком, у его палатки в Счастливом Лагере. Дэл немедленно сообщил Корлиссу, что он очень обязан ему за гостеприимство, оказанное мисс Фроне, в виду того, что он сам был задержан в пути; что всякая любезность в отношении мисс Фроны является любезностью и в отношении его и что он, Дэл, никогда в жизни этого не забудет, пока у него найдется хоть кусок одеяла, чтобы прикрыть им мистера Корлисса. Он надеется, что Корлисса это не очень стеснило. Мисс Фрона говорила что постельных принадлежностей было очень мало, но ночь была ведь не слишком холодная (скорее бурная, чем морозная), поэтому он надеется, что Корлисс не слишком продрог. Весь этот монолог показался Корлиссу довольно неуместным, и он отошел от Дэла при первой возможности, предоставив тому изнывать от тоски.

Но Дэйв Харни попал сюда отнюдь не случайно. Он и не думал прилипать к первому же стулу. Будучи королем Эльдорадо, он считал нужным занимать в обществе то положение, на которое ему давали право его миллионы. И хотя он не знал иных удовольствий, кроме болтовни с бесшабашными собутыльниками в трактире или на пороге хижины, тем не менее он был вполне удовлетворен своими рыцарскими успехами в светских гостиных. Быстрый на реплики, он переходил от одного гостя к другому и с апломбом, подчеркнутым его удивительным костюмом и манерой волочить ноги, обменивался отрывистыми, бессвязными фразами со всеми, кто попадался ему. Мисс Мортимер, говорившая по-французски, как парижанка, поставила его в тупик своими символистами. Но он расквитался с ней хорошей дозой жаргона канадских вояжеров и поверг ее в величайшее недоумение предложением продать ему двадцать пять фунтов сахара, безразлично белого или коричневого. Впрочем, не она одна удостоилась его откровенности. С кем бы он ни болтал, он ловко переводил разговор на продовольствие и затем переходил к своему неизбежному предложению. «Сахар, чтоб мне лопнуть», — весело говорил он в заключение и направлялся к следующей жертве. В конце концов он умолил Фрону спеть вместе с ним трогательную песенку «Я покинула для вас мой счастливый дом». Это было, пожалуй, хвачено через край, но Фрона тем не менее попросила его напеть мелодию, чтобы она могла подобрать аккомпанемент. У него был не столь приятный, сколь сильный голос. Дэл Бишоп, внезапно обнаруживший признаки жизни, начал подпевать ему

хриплым басом. При этом он настолько осмелел, что решился покинуть свой стул. Когда наконец он вернулся в свою палатку, то пинком ноги разбудил заспанного сожителя, чтобы рассказать ему, как приятно он провел вечер в доме Уэлзов.

Миссис Шовилл хихикала и находила все это неподражаемым, в особенности когда молодой лейтенант горной полиции и несколько его соотечественников громко пропели «Правь, Британия» и «Боже, храни короля», а американцы ответили им, спев «Мою страну» и «Джона Брауна». Верзила Алек Бобьен, золотой король Серкла, потребовал «Марсельезу», и общество разошлось, распевая на улице «Стражу на Рейне».

— Не приходите в такие вечера, — прошептала Фрона, прощаясь с Корлиссом. — Мы не сказали друг другу и трех слов, а я знаю, что мы с вами будем большими друзьями. Скажите, удалось Дэйву Харни выклянчить у вас сахар?

Они оба рассмеялись, и Корлисс пошел домой при свете северного сияния, стараясь разобраться в своих впечатлениях.

ГЛАВА VIII

— А почему мне не гордиться моей расой? Щеки Фроны горели, глаза сверкали. Они оба только что вспоминали детство, и Фрона рассказала Корлиссу о своей матери, которую представляла весьма смутно. Белокурая красавица, ярко выраженного англосаксонского типа, — такой описала она ее, пользуясь своими воспоминаниями, дополненными рассказами отца и старого Энди из почтовой конторы на реке Дайе. Беседа коснулась расового вопроса, и Фрона в пылу энтузиазма высказала мысли, которые не согласовались с более консервативными взглядами Корлисса и казались ему рискованными и недостаточно обоснованными. Он считал себя выше расовых предрассудков и потому смеялся над ее незрелыми убеждениями.

— Всем людям свойственно считать себя высшей расой, — продолжал он. — Наивный, естественный эгоизм, очень здоровый и очень полезный, но тем не менее в корне неправильный. Евреи смотрели и до сих пор продолжают смотреть на себя как на избранный богом народ...

— Потому-то они и оставили такой глубокий след в истории, — перебила его Фрона.

— Но время не подтвердило их убеждений. Обратите внимание и на обратную сторону медали. Наци-. считающая себя высшей, смотрит на все остальные нации как на низшие. Это вам понятно. Быть римлянином в свое время считалось более почетным, чем быть королем, и когда римляне встретились с вашими дикими предками в германских лесах, они только удивленно подняли брови и сказали: «Это низшая раса, варвары».

— Но мы продолжали существовать и по сей день. Мы существуем, а римляне исчезли. Все проверяется временем. До сих пор мы выдерживали это испытание. Кое-какие благоприятные признаки того что том, что так будет и впредь. Мы приспособлены лучше других. — Самомнение. — Подождите. Сначала проверьте. Фрона порывисто сжала ему руку. Его сердце забилося, кровь бросилась в лицо, и в висках застучало. Смешно, но восхитительно, подумал он. Сейчас готов был спорить с ней хоть всю ночь напролет.

— О, я полагаю, что слишком возбуждаюсь и дохожу до абсурда

— воскликнула Фрона. — Но в конце концов одна из причин того, что мы— соль земли, и кроется в том, что мы имеем смелость высказывать это.

— И я уверен, что ваша горячность заразительна, — ответил он. — Вы видите, она начинает действовать на меня. Мы— народ, избранный не

богом, а природой. Мы англй и саксы, норманны и викинги, и земля — наше наследие. Так идем же все дальше вперед

— Теперь вы издеваетесь надо мной. А кроме того, мы и так с вами оказались далеко впереди. Для чего же вы отправились на Север, как не для того, чтобы приложить руку к наследию вашей расы?

Услышав шаги, она повернула голову к крикнула вместо приветствия:

— Я взываю к вам, капитан Александр! Будьте свидетелем!

Как всегда, весело улыбаясь, капитан полиции поздоровался с Фроной и Корлиссом.

— Приглашаете в свидетели? — переспросил он. — О, да! Команду не могли бы вы отыскать смелей. Веслу мы были слуги, но властители морей, — торжественно процитировал он. Его слова и вся обстановка так увлекли Фрону, что она порывисто сжала его руки. При виде этого Корлисс вздрогнул. Ему стало как-то не по себе от такой несдержанности в выражении своих чувств. Неужели она так благосклонна ко всем, кто восхищается ее словами или поступками? Он ничего не имел против того, чтобы она сжала его руки, но по отношению к первому встречному это показалось ему непростительной вольностью.

Мороз и вялость несовместимы. Север вызывает в человеке ту смелость и решительность, которые никак не проявляются в более теплом климате. Поэтому вполне естественно, что между Фроной и Корлиссом сразу возникла большая дружба. Они постоянно виделись в доме ее отца, а также посещали различные места. Их тянуло друг к другу. Их встречи доставляли им большое удовольствие, которое не могли испортить даже споры и разногласия. Фроне нравился этот человек, потому что он был настоящим мужчиной. При всей своей фантазии она не могла представить себе, что будет когда-нибудь связана с человеком, обладающим высоким интеллектом, но лишенным мужественности. Она с удовольствием смотрела на сильных мужчин, представителей ее расы, чьи тела были прекрасны, а мускулы выпуклы и приспособлены к борьбе и работе. В ее глазах мужчина прежде всего был борцом. Она верила в естественный и половой отбор и была убеждена, что если в результате этого отбора появляется сильный, мужественный человек, то он должен пользоваться всеми благами, которые может предоставить ему жизнь и его положение в ней. То же самое, по ее мнению, относилось и к инстинктам. Если ей нравился какой-нибудь человек или какая-нибудь вещь, то это было хорошо и могло принести ей только пользу. Если она радовалась при виде красивого тела и крепких мускулов, то зачем ей было отворачиваться? Почему она должна была стыдиться этого? История ее расы и вообще всех

рас говорила о правильности подобной точки зрения. Во все времена слабые и из неженные мужчины исчезали с арены жизни. Только сильные становились победителями. Она сама родилась сильной и твердо решила связать свою судьбу только с сильным мужчиной.

Однако духовный мир человека интересовал ее не меньше. Она не только требовала, чтобы это был человек сильный, духом. Никаких остановок и колебаний, никаких тревожных ожиданий и детских жалоб! Разум и душа, подобно телу, должны быть быстрыми, твердыми и уверенными в себе. Душа создана не только для вечных мечтаний. Подобно телу, она должна работать и бороться. У нее должны быть одинаково и рабочие дни и дни отдыха. Фрона могла понять существо, слабое телом, но обладающее возвышенной душой. Она могла бы даже полюбить его. Но ее любовь стала бы гораздо полнее, если бы это был человек сильный телом. Она была уверена в своей правоте, потому что отдавала должное и тому и другому. Но превыше всего был ее собственный выбор, ее собственный идеал. Она хотела, чтобы тело и дух гармонизировали между собой. Светлый ум в сочетании с дурным пищеварением казался ей чем-то ужасным. Атлет-дикарь и хилый поэт! В одном она восхищалась мускулами, в другом — вдохновенными песнями. Но она предпочла бы соединить их в одном лице.

Вернемся к Вэнсу Корлису. Во-первых, и это важнее всего, между ними существовала та физиологическая созвучность, благодаря которой прикосновение его руки доставляло ей удовольствие. Если души стремятся друг к другу, но одно тело не выносит прикосновения другого, то счастье окажется построенным на песке и возведенное здание всегда будет непрочным и шатким. Далее, Корлисс обладал физической силой героя, но без примеси животной грубости. Он был физически всесторонне развит, а в этом, как известно, заключается красота форм. Можно быть гигантом и не обладать совершенством форм; пропорциональные мускулы не должны быть массивными.

И наконец, что не менее важно, Вэнс Корлисс не был ни духовно опустошенным человеком, ни декадентом. Он казался ей свежим, здоровым и сильным, он как бы возвышался над окружающим миром, но не презирал его. Конечно, эти мысли жили в ней подсознательно. Ее выводы были основаны на чувствах, а не на разуме.

Хотя они ссорились и спорили почти непрерывно, где-то в глубине их существ царил полное единение. Спасительная сила его юмора и какая-то суровая трезвость суждений покоряли ее. Подшучивание и серьезность отлично уживались в нем. Ей нравилась его учтивость, которая была частью его существа, а не только маской, и она с удовольствием

вспоминала великодушие, побудившее его в Счастливом Лагере предложить ей индейца-проводника и деньги на обратный проезд в Соединенные Штаты. Слово у него не расходилось с делом. Ей нравилась его манера смотреть на вещи и широта его взглядов, которую она чувствовала, хотя он иногда и не умел высказать этого. По ее мнению, ум Корлисса, несколько академический и отмеченный печатью новейшей схоластики, ставил его в ряды высокоинтеллектуальных людей. Он твердо определял границу между порывом чувства и велением рассудка и, постоянно учитывая все факторы, умел не ошибаться. И вот в этом она находила его основной недостаток. Известная ограниченность исключала ту широту взглядов, которая, как она хорошо знала, была ему присуща. Ей стало ясно, что этот недостаток исправим и новый образ жизни может легко помочь ему в этом. Он был напичкан культурой, и чего ему явно не хватало, так это более близкого знакомства с реальной жизнью.

Но он ей нравился таким, каким он был, несмотря на его недостатки. И это совсем не удивительно, ибо два слагаемых дают не только сумму их, но и нечто третье, чего не было в каждом из них в отдельности. Это относилось и к Корлиссу. Он ей нравился сам по себе за что-то такое, что нельзя было определить как одну черту или сумму черт, за то неуловимое, что является краеугольным камнем веры и что всегда побеждает философию и науку. И кроме того, нравиться Фроне Уэлз еще не значило быть ею любимым.

Прежде всего Вэнса Корлисса толкал к Фроне Уэлз внутренний глос, звавший его обратно к земле. Ему не могли нравиться женщины, лишенные природной прелести и обаяния. Он встречал их не раз, и его сердце до сих пор оставалось спокойным. Хотя в нем и жило все время инстинктивное стремление к единению, то стремление, которое всегда предшествует любви между мужчиной и женщиной, ни одна из встреченных им до сих пор дочерей Евы не могла пленить его. Духовная созвучность, половая созвучность — словом, то необъяснимое, что зовется любовью, было еще ему незнакомо. Когда он встретил Фрону, голос любви властно заговорил в нем. Но он не понял того, что случилось, и счел это за притягательную силу нового и незнакомого ему явления.

Много хорошо воспитанных и респектабельных людей уступают этому зову земли. И, заставляя близких сомневаться в их здравом рассудке и моральной устойчивости, такие мужчины иногда женятся на крестьянских девушках и трактирных служанках. Те, которых постигает неудача, склонны относиться с недоверием к чувству, толкнувшему их на подобный шаг. Они забывают, что природа всегда либо создает, либо разрушает. Во

всех таких случаях импульс был здоровым, только время и место оказались неподходящими и сыграли роковую роль.

К счастью для Вэнса Корлисса, время и место благоприятствовали ему. Он нашел во Фроне культуру, без которой он не мог бы обойтись, и тот целомудренный и властный призыв земли, который был ему необходим. Что же до ее воспитания и образования, то в этом отношении она была прямо чудом. Он не раз встречал молодых женщин, поверхностно судящих обо всем, но с Фроной дело обстояло далеко не так. Она, умела придавать новый смысл старым истинам, и ее толкование самых обыкновенных вещей отличалось ясностью, убедительностью и новизной. И хотя консерватор, сидевший в нем, зачастую пугался и протестовал, он все же не мог оставаться равнодушным к ее философским рассуждениям, в которых школьная наивность искупалась энтузиазмом. Не соглашаясь со многим из того, что она страстно проповедовала, он все же признавал обаяние ее неподдельной искренности и воодушевления.

Ее главный недостаток, по его мнению, заключался в полном нежелании считаться с условностями. Женщина была для него божеством, и он совершенно не мог видеть, как оно вступает на сомнительный путь. Как бы ни была хороша женщина, но если она переступала рамки приличий и игнорировала общественное мнение, она казалась ему безрассудной. А подобное безрассудство было свойственно... право же, он не мог даже думать об этом, когда дело касалось Фроны. А между тем она часто огорчала его своими неразумными поступками. Положим, он испытывал огорчение только тогда, когда не видел ее. Если же они бывали вместе, в их глазах светилась взаимная симпатия. Когда же при встрече и расставании он пожимал ей руку, она отвечала таким же крепким пожатием, и для него становилось очевидным, что в ней нет ничего, кроме добра и правды.

Она нравилась ему еще и за многое другое. Так, ее порывы и страстные увлечения всегда казались ему возвышенными. Подышав воздухом страны снегов, он оценил Фрону за ее товарищеское обращение со всеми; а между тем вначале это шокировало его. Ему пришлось по душе и отсутствие в ней жеманности, которое он раньше ошибочно принимал за недостаток скромности. Это было как раз накануне того дня, когда он неожиданно для себя поспорил с нею о «Даме с камелиями». Она видела в этой роли Сару Берна? и с восторгом вспоминала о ней. По дороге домой сердце его ныло от глухой боли, и он старался примирить Фрону с тем идеалом, который был ему внушен матерью, считавшей, что чистота и неведение — понятия равнозначные. Тем не менее к следующему утру,

обдумав все это, он сделал еще один шаг к освобождению из-под влияния матери.

Ему нравились ее пышные, волнистые волосы, горевшие в лучах солнца, и отливавшие золотом при огне. Ему нравились ее изящно обутые ножки и сильные икры, обтянутые серыми гетрами, которые в Доусоне, к несчастью, были скрыты длинным платьем. Ему нравилась ее стройная, сильная фигура. Идти с ней рядом, соразмеряя свой шаг с ее шагом, или просто видеть ее на улице или в комнате было наслаждением. Радость жизни бурлила в ее крови и чувствовалась в каждом мускуле и в каждом изгибе ее тела. И все это нравилось ему, и больше всего изгиб ее шеи и рук, сильных, крепких и соблазнительных, наполовину скрытых широкими рукавами.

Сочетание физической и духовной красоты действует неотразимо на нормального мужчину. Так было и с Вэнсом Корлиссом. Из того, что ему были по душе одни качества Фроны, совсем не следовало, что он высоко ценил другие. Она нравилась ему за все вместе, ради самой себя. А последнее значило, что он любил ее, хотя сам и не сознавал этого.

ГЛАВА IX

Вэнс Корлисс постепенно приспосабливался к жизни на Севере, и оказалось, что многое далось ему без труда. Хотя сам он был неизменно корректен, он скоро привык к крепким выражениям других, даже в самом веселом разговоре. Керзи, маленький техасец, который иногда у него работал, начинал и кончал каждую фразу добродушным пожеланием: «Будь ты проклят!» Этим же восклицанием он выражал удивление, радость, огорчение и все прочие свои чувства. В зависимости от высоты тона, удара и интонации это выражало всю гамму человеческих переживаний. Вначале это было для Корлисса постоянным источником раздражения и отвращения, но понемногу он не только примирился, но даже привык и ждал с нетерпением очередного проклятия. Однажды в схватке собака Керзи потеряла ухо, и когда юноша наклонился к ней, чтобы увидеть рану, то сочетание нежности и сочувствия в его «Будь ты проклят!» было прямо-таки откровением для Корлисса. Не все плохо, что исходит из Назарета, глубокомысленно решил он и, как некогда Джекоб Уэлз, в соответствии с этим пересмотрел свою жизненную философию.

Жизнь общества в Доусоне протекала по-разному. Наверху, где поселились офицеры, у Уэлзов и в некоторых других местах, жены наиболее состоятельных людей устраивали приемы. Чаепития, обеды, танцы, благотворительные собрания были там обычным явлением. Однако мужчины не могли довольствоваться только этим. Внизу, в городе, все шло совсем по-иному и занимало мужчин ничуть не меньше. Клубы еще не успели появиться здесь, и мужская часть общества проявляла свойства своего пола, собираясь табунами в трактирах; только священники и миссионеры составляли исключение. Все сделки и договоры заключались в трактирах. Здесь же в товарищеском кругу обдумывались планы новых начинаний, велись переговоры о покупке, обсуждались последние новости. Золотые короли и погонщики собак, старожилы и чечако встречались здесь на равной ноге. Вероятно, это происходило еще и потому, что в Доусоне было немного больших помещений, а в трактирах стояли столы для карточной игры и полы были натерты для танцев. И ко всему этому, в силу необходимости, Корлисс приспособился очень быстро. Керзи, который весьма ценил его, высказался так: «Самое лучшее, что все это ему чертовски нравится, будь он проклят!»

Но всякая необходимость приспособливаться имеет свои неприятные

стороны. И в то время как в целом перемена в Корлиссе проходила гладко, в отношении Фроны дело обстояло хуже. У нее были свои собственные представления о морали, не похожие на принятые в ее кругу, и она считала, что женщина может делать вещи, которые шокировали даже завсегдатаев трактиров. Это и явилось причиной первой ссоры между ней и Кор-лиссом.

Фроне нравилось бегать с собаками в жестокий мороз. Щеки ее горели, кровь кипела, все тело как бы летело вперед; и ноги быстро поднимались и опускались в бешеном беге. В один ноябрьский день, когда был первый сильный мороз и термометр показывал шестьдесят пять ниже нуля, она запрягла в нарты собак и помчалась вниз по реке. Выехав за город, она пустилась бегом. И вот так, то на нартах, то бегом, она миновала индейскую деревню, дважды сделала по восемь миль вокруг Мусхайд-Крика, пересекла реку по льду и через несколько часов поднялась на западный берег Юкона прямо против города. Она хотела вернуться по накатанной нартами дороге, но за милю до нее попала в мягкий снег и заставила разгоряченных собак идти тише. Она двинулась по реке, под нависшими утесами; порой ей приходилось делать крюк, чтобы избежать скалистых выступов; порой, наоборот, крепко прижиматься к стенам, чтобы обойти попадавшиеся полыньи. Идя таким образом впереди своих собак, она вдруг наткнулась на женщину, которая сидела на снегу и смотрела через реку на окутанный дымом Доусон. Женщина плакала, и этого было вполне достаточно, чтобы заставить Фрону прервать свою прогулку. Слезы, струившиеся по щекам незнакомки, превращались в ледяные шарики, и в глазах ее, мокрых и затуманенных, было выражение неизмеримой и безнадежной скорби.

— О! — воскликнула Фрона, оставляя собак и подходя к ней. — Вы ушиблись? Не могу ли я помочь вам? Непризнакомка покачала головой.

— Вы не должны сидеть здесь! Почти семьдесят ниже нуля, и вы замерзнете через несколько минут. У вас уже отморожены щеки. — Фрона крепко потерла побелевшие места снегом и увидела, как кровь снова прилила к ним.

— Простите! — Женщина с упрямым видом поднялась на ноги. — Благодарю вас, мне совсем не холодно. — Она поправила свою меховую шапочку. Я просто присела на одну минутку.

Фрона заметила, что она очень красива. Ее женский глаз в одну минуту оценил великолепные меха, покрой платья и вышивку бисером на мокалинах. Оглядев незнакомку, она инстинктивно отступила назад.

— Я не ушиблась, — продолжала женщина. — Просто испортилось настроение из-за бесконечной пустыни.

— Я понимаю, — ответила Фрона, овладев собой. — Я вас понимаю. Этот ландшафт, должно быть, навевает тоску, хотя я лично никогда этого не чувствую. Угрюмость и суровость его производят на меня сильное впечатление, но тоски не вызывают.

— Это потому, что у нас разная жизнь, — задумчиво возразила незнакомка. — Тут дело не в том, как выглядит ландшафт, а в том, как мы его воспринимаем. Если бы нас не было, то ландшафт остался бы тот же, что и раньше, но потерял бы всякое значение для людей. Важно то, чем мы его наделяем.

В самих нас правда. Не берет начала Она во внешнем мире...

Глаза Фоны заблестели, и она продолжала:

В нас средоточье есть, где обитает Доподлинная правда, а кругом...

— Как дальше? Я забыла.

— Сплошные стены грубой плоти...

Женщина внезапно остановилась и залилась серебряным смехом, в котором слышались нотки горечи. Фрона вздрогнула и сделала движение, как бы желая вернуться к своим собакам. Женщина приветливо дотронулась до нее, и это настолько напомнило Фроне самое себя, что тотчас же нашло отклик в ее сердце.

— Подождите минутку, — сказала она с мольбой в голосе. — Поговорите со мной. Я давно уже не встречала женщины... — она остановилась и, казалось, искала слов, — ...которая знает наизусть «Парацельса». Вы видите, я угадала. Вы дочь Джекоба Уэлза, Фрона Уэлз, если не ошибаюсь.

Фрона кивнула головой и внимательно посмотрела на нее. Она отдавала себе отчет в этом вполне простительном любопытстве, проистекавшем из откровенного желания узнать как можно больше. Это существо, похожее на нее и в то же время такое отличное, с душевным миром, древним, как древнейшая раса, и юным, как новорожденный младенец, такое далекое, как костры наших предков, и вечное, как человечество, — в чем различие между этой женщиной и ею? Ее пять чувств говорили, что его нет. По всем законам природы они были равны, и только глубоко укоренившиеся предрассудки и мораль общества не разрешали признавать это. Так думала Фрона, рассматривая незнакомку. Она испытывала возбуждающее чувство опасности, как бывает, когда откинешь вуаль и смотришь на таинственное божество. Ей вспомнилось: «Ее стопы опираются на ступени ада, ее жилище — дорога к могиле, к обители смерти». И в то же время перед ее глазами был глубоко понятный ей жест, с которым в «немой мольбе обратилась к ней женщина. Фрона

посмотрела на печальную белую пустыню, и день ей также показался тоскливым.

Она невольно вздрогнула, но сказала довольно естественным тоном:

— Пройдемтесь немного, чтобы согреться. Я никак не думала, что так холодно, пока сама не постояла на месте. — Она повернулась к собакам: — Эй, Кинг, Сэнди, вперед! — И опять обратилась к незнакомке: — Я совсем замерзла! А вы, должно быть...

— О, мне не холодно. Вы бежали, и ваша мокрая одежда прилипла к телу, а я сохранила тепло. Я видела, как вы выскочили из саней за Госпиталем и понеслись вниз по реке, точно Диана среди снегов. Как я завидовала вам! Должно быть, вы получили удовольствие.

— О да, — просто сказала Фрона. — Я с детства люблю собак.

— Это напоминает мне Древнюю Грецию. Фрона не ответила, и они продолжали идти молча. Фрона не смела дать волю своему языку, но ей бы очень хотелось извлечь для себя из горького жизненного опыта незнакомки те сведения, которые ей были необходимы. Ее захлестнула волна жалости и скорби, и в то же время ей было неловко оттого, что она не знала, что сказать или как проявить свое участие. И, когда та начала говорить, Фрона почувствовала большое облегчение.

— Расскажите мне, — произнесла женщина полужастенчиво, полуповелительно. — Расскажите мне о себе. Вы здесь новый человек. Где вы были до того, как приехали сюда? Говорите.

Лед до известной степени был сломан, и Фрона начала говорить о себе с искусно подделанной девичьей наивностью, точно она не понимала плохо скрытого желания незнакомки узнать о том, чего она была лишена и чем обладала Фрона.

— Вот дорога, к которой вы направлялись. — Они обогнули последний утес, и спутница Фроны указала на узкое ущелье, откуда на санях возили в город дрова. — Там я вас покину, — решила она.

— Разве вы не возвращаетесь в Доусон? — осведомилась Фрона. — Становится поздно, и вам лучше не задерживаться здесь. — Нет... я...

Мучительное колебание незнакомки заставило Фрону понять, что она совершила необдуманный поступок. Но Фрона уже сделала первый шаг и не могла теперь отступить.

— Мы вернемся вместе, — храбро сказала она и прибавила, желая выразить свое искреннее сочувствие: — Мне все равно.

Кровь бросилась той в лицо, и рука ее потянулась к девушке знакомым жестом.

— Нет, нет, прошу вас, — пролепетала она. — Просту вас, я... я

предпочитаю пройти еще немного дальше. Смотрите! Кто-то идет!

В это время они подошли к дороге, по которой возили дрова. Лицо Фроны горело так же, как и лицо незнакомки. Легкие нарты, запряженные собаками, вылетели из ущелья и поравнялись с ними. Мужчина бежал рядом с упряжкой и махал рукой обеим женщинам.

— Вэнс! — воскликнула Фрона, когда он бросил хлыст в снег и остановил сани. — Что вы здесь делаете? Разве синдикат хочет скупить и дрова?

— Нет! Вы плохо о нас думаете. — Лицо Вэнса светилось счастливой улыбкой, когда он пожимал ей руку. — Керзи покидает меня. Он отправляется искать счастья, кажется, к Северному полюсу. Вот я и пошел поговорить с Дэлом Бишопом, не согласится ли он работать у меня.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на ее спутницу, и Фрона увидела, как улыбка на его лице сменилась выражением гнева. Фрона вдруг поняла, что в создавшемся положении она беспомощна, и хотя где-то в глубине ее души кипело возмущение против жестокости и несправедливости всего происходящего, ей оставалось только молча наблюдать за развязкой этой маленькой трагедии.

Женщина встретила его взгляд, слегка отклонившись в сторону, точно избегая грозящего удара. Скорбное выражение ее лица возбуждало жалость. Окинув ее долгим холодным взглядом, он медленно повернулся к ней спиной. Фрона увидела, что лицо женщины сразу стало серым и грустным. Она рассмеялась громким презрительным смехом, но безысходная горечь, сверкнув, затаилась в ее глазах. Казалось, что такие же горькие, презрительные слова вот-вот готовы были сорваться с ее языка. Но она взглянула на Фрону, и на лице ее отразилась лишь бесконечная усталость. Тоскливо улыбнувшись девушке и не сказав ни слова, она повернулась и пошла по дороге. И также не сказав ни слова, Фрона прыгнула в нарты и помчалась прочь. Дорога была широкая, и Корлисс погнал своих собак рядом с ней. Сдерживаемое ею до сих пор возмущение вылилось наружу. Казалось, что незнакомка заразила ее своим презрением. — Вы животное!

Слова эти, сказанные громко и резко, разорвали тишину, точно удар хлыста. Этот неожиданный возглас, в котором слышалось бешенство, поразил Корлисса. Он не знал, что делать, что сказать.

— Вы трус, трус! — Фрона! Послушайте... Но она прервала его.

— Нет. Молчите. Вам нечего мне сказать! Вы поступили подло! Я разочарована в вас. Это ужасно, ужасно!

— Да, это было ужасно. — ужасно, что она шла с вами, говорила с

вами, что ее могли увидеть с вами! — Я не желаю вас больше знать! — крикнула она. — Но есть правила приличия.

— Правила приличия! — Она повернулась к нему и дала волю своему гневу. — Если она неприлична, то неужели же вы думаете, что вы приличны? Вы, который с видом святоши первым бросаете в нее камень?

— Вы не должны так говорить со мной. Я не допущу этого.

Он ухватился рукой за ее наряды, и, несмотря на свой гнев, она почувствовала при этом радость. — Не смею? Вы трус!

Он сделал движение, точно хотел ее схватить, и она занесла свой хлыст, чтобы ударить его. Но, к счастью для него, он не отступил. Побледнев, он спокойно ожидал удара. Тогда она повернулась и хлестнула собак. Став на колени и размахивая хлыстом, она неистово закричала на животных. Ее упряжка была лучше, и она быстро оставила Корлисса позади. Погоняя собак все быстрее и быстрее, она хотела уйти не столько от него, сколько от самой себя. Поднявшись во весь опор по крутому берегу реки, она, как ветер, пролетела через город мимо своего дома. Никогда в жизни не была она в таком состоянии, никогда еще она не испытывала такого гнева. Ей было не только стыдно, она боялась самой себя.

ГЛАВА X

На следующее утро Бэш, один из индейцев Джекоба Уэлза, разбудил Корлисса довольно поздно. Он принес маленькую записку от Фроны, в которой она просила инженера при первой возможности навестить ее. Ничего больше в записке не было. Он долго раздумывал над нею. Что Фрона хочет сказать ему? Она всегда была для него загадкой, а после вчерашнего происшествия он просто не знал, что и думать. Не желает ли она прекратить с ним знакомство, имея к тому весьма веские причины? Или же, воспользовавшись преимуществами своего пола, еще больше его унижить? Холодно и обдуманно высказать ему свое мнение о нем? Или же она будет извиняться за необдуманную резкость, которую позволила себе? В ее записке не было ни раскаяния, ни гнева, ни намека — ничего, кроме официального приглашения.

Он отправился к ней поздним утром в довольно неопределенном настроении. Но чувство собственного достоинства не покинуло его, и он решил держаться так, чтобы ничем не связывать себя. Он выжидал момента, когда она проявит свое отношение к происшедшему. Но она, не таясь, без обиняков, подошла к делу с той свойственной ей прямоотой, которой он всегда восхищался. Стоило ему взглянуть ей в лицо и почувствовать ее руку в своей руке, чтобы понять, что все опять хорошо, хотя она еще не успела произнести ни одного слова.

— Я рада, что вы пришли, — начала она. — Я не могла успокоиться, не увидев вас и не сказав, как мне стыдно за вчерашнее.

— Ну, ну, совсем не так страшно! — Они все еще стояли. Он сделал шаг к ней. — Уверю вас, я ценю ваше отношение к этому. Теоретически оно заслуживает всякой похвалы, но все же я откровенно должен сказать, что в вашем поведении было много... много такого... такого, против чего можно было бы возразить с точки зрения светских приличий. К сожалению, мы не можем их игнорировать. Но, по моему мнению, вы не сделали чего-либо, чтобы сердиться на себя.

— Это очень мило с вашей стороны! — воскликнула она снисходительно. — Но это неправда, и вы сами знаете, что это так. Вы знаете, что вы поступили, как сочли нужным, вы знаете, что я обидела вас, оскорбила вас, вы знаете, что я вела себя, как уличная девчонка, и чувствовали ко мне отвращение...

— Нет, нет. — Он поднял руку, как бы для того, чтобы защитить ее от

тех ударов, которые она сама себе наносила.

— Да, да. И у меня есть все основания стыдиться. В свое оправдание я могу сказать только следующее: мне было очень жаль эту женщину, так жаль, что я готова была расплакаться. Тогда появились вы, — и вы знаете, что вы сделали, — и жалость к ней заставила меня возмутиться вашим поведением — и я разнервничалась, как никогда. Я думаю, что это была истерика. Во всяком случае, я была вне себя. — Мы оба были вне себя.

— Нет, это неправда. Я поступила скверно, но вы были таким же, как сейчас. Но, пожалуйста, садитесь. Вы стоите так, точно ждете новой вспышки, чтобы убежать.

— Ну, не такая уж вы страшная, — засмеялся он, поворачивая стул таким образом, чтобы свет падал ей в лицо.

— А вы не такой уж трус. Впрочем, вчера я, по-видимому, была очень страшная. Я... ведь почти ударила вас. И вы вели себя очень мужественно, когда хлыст взвился над вами. Вы даже не подняли руки, чтобы защитить себя.

— Я замечая, что собаки, которых вы бьете, тем не менее лижут вам руки и хотят, чтобы вы их приласкали. — Значит? — смело спросила она. — Поживем — увидим, — вывернулся он. — И несмотря на все, вы меня прощаете?

— Я надеюсь, что и вы меня простите. — Тогда я довольна, хотя вы не сделали ничего такого, за что нужно было бы вас прощать. Вы действовали, руководствуясь вашими взглядами, а я — своими, и они мне представляются более терпимыми. Теперь я понимаю, — воскликнула она, радостно хлопая в ладоши. — Я совсем не сердилась на вас вчера и совсем не обращалась с вами грубо и не оскорбляла вас. Все это относилось не к вам лично. Вы просто представляли собою то общество, которое вызвало мое негодование и гнев, и, как представитель его, вы приняли на себя главный удар. Не так ли?

— Понимаю. Все это очень умно. Тем самым вы избегаете обвинения в том, что вчера плохо обошлись со мной. Но сегодня вы это повторяете снова, несправедливо делая из меня ограниченного, низкого и презренного человека. Лишь несколько минут назад я сказал вам, что теоретически ваш поступок не заслуживает упрека. Но уж если мы заговорили о светских приличиях, то это не совсем так.

— Вы не понимаете меня, Вэнс. Послушайте! — Ее рука легла на его руку, и он с удовлетворением стал слушать. — Я всегда полагала, что все существующее справедливо. И, хотя я и сожалею, в этом я подчиняюсь мудрости общества, потому что так уж устроен человек. Но это я делаю

только в обществе. Вне его я смотрю на эти вещи иначе. И почему бы мне не смотреть на них иначе? Понимаете ли вы меня? Я нахожу, что вы виноваты. Вчера, когда мы встретились у реки, и вы были не согласны со мной. Ваши предрассудки одержали верх, и вы поступили как достойный представитель общества.

— Стало быть, вы проповедуете две истины? — сказал он. — Одну для избранных, другую для толпы? Вы хотите быть демократкой в теории и аристократкой на практике? Во всяком случае все, что вы говорите, звучит в высшей степени лицемерно.

— Я думаю, что, вероятно, сейчас вы скажете, что все люди родились свободными и равными, с целой кучей природных прав. Вот вы собираетесь взять на работу Дэла Бишоп. Почему же он должен это делать? Как вы можете позволить это? Где тут равенство и свобода?

— Нет, — возразил он. — Мне придется внести некоторые поправки в вопросы равенства и свободы.

— И если вы их внесете, то вы пропали! — воскликнула она. — Потому что тогда вы станете придерживаться моих взглядов и увидите, что я уж вовсе не такая лицемерка. Но «е будем углубляться в дебри диалектики. Я хочу знать все. Расскажите мне про эту женщину.

— Не особенно подходящая тема, — возразил Корлисс.

— Но я хочу знать. — Вряд ли это вам будет полезно. Фрона нетерпеливо топнула ногой и посмотрела на него. — Она очень, очень красива, — сказала она. — Вы не находите?

— Чертовски красива. — Да, красива, — настаивала она. — Пусть будет так. Но она столь же жестока, зла и неисправима, сколь прекрасна.

— Однако, когда я встретила ее на дороге, у нее было мягкое выражение лица, и в глазах стояли слезы. Я думаю, что с женской прозорливостью увидела ту сторону ее характера, которая нам незнакома. Мне это было так ясно, что, когда вы подошли, я была слепа ко всему, что не относилось к ней. О, какая жалость! Какая жалость! Она ведь такая же женщина, как я, и можно не сомневаться, что между нами очень много общего. Она даже декламировала Браунинга!..

— А на прошлой неделе, — прервал ее Вэнс, — она в один присест выиграла у Джека Дорси на тридцать тысяч золотого песка, у Дорси, чья заявка и так уже заложена и перезаложена! На следующее утро его нашли в снегу, и в барабане его револьвера одно гнездо было пусто.

Не ответив, Фрона подошла к канделябру и сунула палец в огонь. Потом протянула его Корлиссу, чтобы он мог видеть опаленную кожу, и сказала, краснея от гнева:

— Я отвечу иносказательно. Огонь — прекрасная вещь, но я злоупотребляю им, и я наказана.

— Вы забываете, — возразил он, — что огонь слепо повинуется законам природы, а Люсиль свободна. Она сделала то, что хотела.

— Не я забываю, а вы. Ведь Дорси тоже был свободен. Но вы сказали «Люсиль». Это ее имя? Я бы хотела узнать ее поближе. Корлисс вздрогнул.

— Не надо! Мне тяжело, когда вы так говорите. — Но почему?

— Потому что, потому что... — Ну?

— Потому что я очень уважаю женщин. Фрона, вы всегда были откровенны, и я тоже буду откровенным с вами. Мне это тяжело, ибо я всегда уважал вас, ибо я не хочу, чтобы к вам приближалось что-либо нечистое. Когда я увидел вас и эту женщину рядом, я... вам не понять, что я почувствовал в тот момент!

— Нечистое? — Ее губы сжались, но он этого не заметил. Едва уловимый победный огонек зажегся в ее глазах.

— Да, нечистое, скверна, — повторил он. — Есть вещи, которые порядочная женщина не должна понимать. Нельзя копаться в грязи и остаться чистым.

— Это открывает самые широкие возможности. — Она нервно сжимала и разжимала руки. — Вы сказали, что ее зовут Люсиль. Вы с ней знакомы. Вы рассказываете мне о ней, и, конечно, вы еще многое скрываете. Одним словом, если нельзя прикоснуться и остаться чистым, то как же обстоит дело с вами?

— Но я...

— Разумеется, вы — мужчина. Отлично! Так как вы мужчина, то вы можете прикасаться к скверне. Так как я женщина, то я не могу. Скверна оскверняет. Не так ли? Но тогда зачем же вы здесь, у меня? Уходите!

Корлисс, смеясь, поднял руки.

— Сдаюсь! Вы побеждаете меня вашей формальной логикой. Я могу только прибегнуть к более действенной логике, которой вы не признаете. — А именно?

— К силе. Что мужчина хочет от женщины, то он и получает.

— Тогда я буду бить вас вашим же оружием, — быстро сказала она. — Возьмем Люсиль. Что мужчина хочет, то он и получает. Так всегда ведут себя все мужчины. Это произошло и с Дорси. Вы не отвечаете? Тогда позвольте мне сказать еще два слова о вашей более действенной логике, которую вы называете

силой. Я сталкивалась с ней и раньше. А вчера я увидела ее в вас. —
— Во мне?

— В вас, когда вы хотели остановить мои нарты. Вы не могли победить свои первобытные инстинкты, и поэтому не отдавали отчета в своих поступках. У вас было лицо пещерного человека, похищающего женщину. Еще одна минута, и, я уверена, вы бы схватили меня.

— Простите, я никак не думал...

— Ну, вот, теперь вы все испортили! Как раз это мне в вас и понравилось. Разве вам не кажется, что я тоже вела себя как пещерная женщина, когда занесла над вами хлыст?

Но я еще не расквиталась с вами, двуликий человек, несмотря на то, что вы покидаете поле битвы. — Ее глаза лукаво заблестели, и на щеках образовались ямочки. — Я хочу сорвать с вас маску.

— Ну что ж, я в ваших руках! — покорно ответил он.

— Тогда вы должны кое-что вспомнить. Сначала, когда я была очень смиренной и извинялась перед вами, вы облегчили мое положение, сказав, что только с точки зрения светских приличий считаете мой поступок неразумным. Не так ли? Корлисс кивнул головой.

— После того как вы называли меня лицемеркой, я перевела разговор на Люсиль и сказала, что хочу узнать все, что возможно. Он опять кивнул.

— И, как я и думала, я кое-что узнала. Ибо вы сейчас же начали говорить о пороке, скверне и о соприкосновении с грязью, — и все это касалось меня. Вот два ваших утверждения, сударь. Вы можете придерживаться только одного из них, и я уверена, что вы предпочитаете последнее. Да, я права. Так оно и есть. Сознайтесь, вы были неискренни, когда нашли мое поведение неразумным только с точки зрения светских приличий. Я люблю искренность.

— Да, — начал он. — Я был неискренен. Но я сам этого не понимал, пока ваш анализ не привел меня к этому. Говорите, что хотите, Фрона, но я считаю, что женщина должна быть незапятнанной.

— Но разве мы не можем, как боги, отличать добро от зла?

— Мы не боги. — Он грустно покачал головой. — Только мужчины — боги?

— Это разговоры современной женщины, — нахмурился он. — Равноправие, право голоса и тому подобное.

— О! Не надо! — запротестовала она. — Вы не хотите или не можете меня понять. Я не думаю бороться за женские права, и я ратую не за новую женщину, а за новую женственность. Потому что я искренна, желаю быть естественной, честной и правдивой, потому что я всегда верна себе, вы считаете за благо понимать меня неверно и критиковать мои поступки. Я стараюсь быть верной себе и думаю, что мне это удастся. Но вы не видите

логики в моих поступках, потому что вам понятнее тепличные растения — хорошенькие, беспомощные, упитанные маленькие пустышки, божественно невинные и преступно невежественные... Они слабы и беспомощны и не могут быть матерями жизнеспособных, сильных людей.

Она резко оборвала свою речь. Кто-то вошел в холл и, тяжело ступая в мягких мокасинах, направлялся к ним.

— Мы — друзья, — быстро добавила она и прочла ответ в глазах Корлисса.

— Я не помешал? — Дэйв Харни многозначительно осклабился и важно осмотрелся вокруг, прежде чем пожать им руки.

— Нет, нисколько, — ответил Корлисс. — Мы так надоели друг другу, что мечтали о том, чтобы кто-нибудь пришел. Если бы не вы, то мы, очевидно, поссорились бы. Не правда ли, мисс Уэлз?

— Я думаю, что это не совсем так, — улыбнулась она. — Собственно говоря, мы уже начали ссориться.

— Вы как будто немного взволнованны, — критически заметил Харни, небрежно развалившись на диване.

— Ну, что слышно насчет голода? — спросил Корлисс. — Организована общественная помощь?

— Не нужно никакой общественной помощи. Отец мисс Фроны все предусмотрел. Он напугал всех. Три тысячи людей пошли по льду в горы, а тысячи полторы спустились вниз к продовольственным ямам, так что опасность миновала. Как Уэлз и полагал, все хотели сделать побольше запасов и набрасывались на продовольствие. Теперь вся орава направилась в Соленые Воды и взяла с собой всех собак. Между прочим, весной, когда подвоз уменьшится, собаки очень повысятся в цене.

Я уже набрал около ста штук. Хочу заработать долларов по сто с головы.

— Вы думаете, это возможно?

— Даже уверен. Между нами говоря, я отправляю на будущей неделе двух парней в глубь страны. Они мне там купят пятьсот собак, каких только смогут найти. Я достаточно долго жил здесь, чтобы сесть с этим в калошу. Фрона рассмеялась. — А с сахаром кто попался?

— Мало ли что бывает, — спокойно ответил он. — Да, кстати, о сахаре. Я достал «Сиэтл Пост Интеллидженсер» всего лишь месячной давности.

— Ну, что слышно насчет Соединенных Штатов и Испании?

— Не торопитесь, не торопитесь! — Долговязый янки замахал руками, призывая к молчанию Фрону и Корлисса.

— Прочли вы газету? — спросили они оба в один голос.

— Угу! От доски до доски, даже объявления. — Тогда расскажите, — начала Фрона. — Испания... — Молчите, мисс Фрона! Я начну по порядку. Эта газета обошлась мне в пятьдесят долларов. Я встретил по дороге в Клондайк человека с газетой и моментально купил ее. В городе этот дурень мог бы получить за нее и сотню.

— Но что же в ней есть? Испания... — Как я уже сказал, газета стоила мне пятьдесят долларов. Это единственный экземпляр, который сюда дошел. Все умирают от желания узнать новости, и потому я пригласил на сегодняшний вечер избранных лиц. Ваша квартира — единственное подходящее место, где они могут читать ее вслух по очереди, покуда им не надоест. Конечно, если вы им разрешите.

— О, пожалуйста! Я очень рада. Это страшно мило с вашей стороны. Он отмахнулся от ее комплимента. — Я так и думал! Слушайте же. Вы говорите, что я влопался с сахаром. Так вот, каждое лицо мужского или женского пола, которому захочется хоть одним глазком взглянуть на мою газету, должно принести мне пять чашек сахара. Поняли? Пять больших чашек сахара, безразлично какого, белого, коричневого или пиленого. Я возьму у всех долговые расписки и завтра пошлю мальчика собирать сахар.

Сначала лицо Фроны выразило недоумение, потом она громко рассмеялась.

— Это будет превесело! Я согласна предоставить свою квартиру, потому что это пахнет скандалом. Итак, сегодня вечером, Дэйв? Верно, что сегодня?

— Конечно! И вы получите приглашение за то, что даете мне помещение.

— И папа тоже заплатит свои пять чашек! Вы должны настоять на этом, Дэйв. Дэйв одобрительно посмотрел на нее. — Держу пари, что заставлю его заплатить. — А я заставлю его идти за колесницей Дэйва Харни.

— Вернее, за возом с сахаром, — поправил Дэйв. — Завтра же вечером я возьму газету в бар. Она уже не будет такой свежей, и там она достанется дешевле. Я думаю, что хватит и одной чашки. — Он выпрямился и хвастливо щелкнул пальцами.

— Но я не собираюсь ничего разглашать раньше времени. И даже если они будут читать газету всю ночь, то все равно им не обойти Дэйва Харни — в сахарном ли деле, или в каком другом.

ГЛАВА XI

Вэнс Корлисс стоял в углу, прислонившись к роялю. Он был поглощен разговором с полковником Трезвеем. Энергичный и крепкий полковник, несмотря на седые волосы, в шестьдесят лет выглядел так, точно ему было не более тридцати. Старый горный инженер, имевший многолетний опыт и стоявший во главе своих коллег, представлял здесь американские интересы, в то время как Корлисс — английские. Вскоре после знакомства между ними возникла искренняя дружба, но этим их близость не ограничилась: они и в деловом отношении много помогали друг другу. Этот союз был чрезвычайно удачной комбинацией: вдвоем они держали в руках и управляли всем огромным капиталом, который две нации вложили в разработку природных богатств страны, лежащей у Северного полюса.

В переполненной комнате носились клубы табачного дыма. Сто с лишним человек, одетых в меха и теплую, шерстяную одежду, сидели вдоль стен, разглядывая друг друга. Гул их общего разговора придавал этому эффектному зрелищу вид некоего дружеского собрания. Несмотря на свой необычный вид, комната напоминала столовую, где после дневной работы собрались все члены семьи. Керосиновые лампы и сальные свечи тускло мерцали в дымном воздухе, а в огромных печах с треском ярко горели дрова.

Несколько пар мерно кружились по комнате под звуки вальса. Здесь не было ни крахмальных рубашек, ни фраков. Мужчины были в волчьих и бобровых шапках с болтающимися наушниками, а на ногах у них были мокасины из американского лося либо моржовые «муклу-ки». Там и сям попадались женщины в мокалинах, но многие танцевали в легких шелковых и атласных туфельках. Большая открытая настежь дверь вела в другую комнату, где народу было еще больше. Здесь, заглушая музыку, звенели стаканы, щелкали пробки и как бы в тон им стучал шарик рулетки и позвякивали фишки.

Маленькая дверь с улицы отворилась, и в комнату, внося с собой волну холодного воздуха, вошла женщина, закутанная в меха и платки. Волна эта опустилась к ногам танцующих и осела туманным облаком, которое свивалось и трепетало, пока тепло не победило его.

— Вы настоящая королева мороза, Люсиль, — обратился к ней полковник Трезвей.

Она вскинула голову и, рассмеявшись, весело заговорила с ним,

снимая с себя меха и уличные мокасины. На Корлисса, который стоял тут же, она не обратила никакого внимания. Полдюжины кавалеров терпеливо ждали, стоя поодаль, пока она окончит разговор с полковником. Рояль и скрипка заиграли первые такты шотландской польки, и Люсиль повернулась, приготовившись танцевать. Но Корлисс внезапно подошел к ней. Все это произошло совсем непреднамеренно. Он сам и не предполагал, что сделает это.

— Я очень сожалею, — сказал он. Она посмотрела на него, и в глазах ее зажегся злобный огонек.

— Право же, я очень сожалею, — повторил он, протягивая руку. — Простите. Я вел себя, как хам, как трус! Можете ли вы простить меня?

Умудренная долгим опытом, она колебалась, сомневаясь в его искренности. Потом лицо ее прояснилось, и она подала ему руку. Глаза ее затуманились. — Благодарю вас, — сказала она. Поджидавшие ее кавалеры потеряли терпение, какой-то красивый молодой человек в шапке из желтого сибирского волка подхватил ее и умчал в танце. Корлисс вернулся к своему другу, чувствуя себя удовлетворенным, изумляясь своему поступку.

— Это ужасно! — Глаза полковника следили за Люсиль, и Вэнс понял его мысль. — Корлисс, я прожил шестьдесят лет, и просил их хорошо. Но женщина, представьте себе, стала для меня за это время еще большей загадкой. Посмотрите на них, на всех! — Он обвел глазами комнату. — Бабочки, сотканные из солнечных лучей, пения и смеха, пляшущие, пляшущие даже на последней ступеньке ада. Не только Люсиль, но и остальные. Посмотрите на Мэй, у нее лоб мадонны и язык уличной девки. А Миртл? Ведь она вылитая английская красавица, сошедшая с полотна Гейнсборо, чтобы прожигать жизнь в доусонской танцульке. А Лора? Разве из нее не получилась бы прекрасная мать? Разве вы не видите ребенка на ее руках? Я знаю, это лучшие из них — молодая страна всегда выбирает лучших, — и все-таки тут что-то неладно, Корлисс, что-то определенно неладно. Горячка жизни для меня прошла, и я смотрю на все трезво. Мне кажется, должен появиться новый Христос, чтобы проповедовать новое спасение — экономическое или социальное, — в наши дни не имеет значения, какое именно, лишь бы что-нибудь проповедовать. Мир нуждается в этом.

Время от времени необходимо было подмести комнату, и тогда все направлялись через большую дверь в соседнее помещение, где щелкали пробки и звенели стаканы. Полковник Трезвей и Корлисс последовали за всеми в бар, где толпилось человек пятьдесят мужчин и женщин. Они очутились рядом с Люсиль и молодым человеком в желтой волчьей шапке.

Он был, несомненно, красив, и красота его еще более выигрывала от яркого румянца и блестящих глаз. Он был не совсем пьян, так как внешне отлично владел собой. Выпитое вино делало его чрезмерно веселым. Он говорил громко и возбужденно, его речь не лишена была находчивости и остроумия. Словом, он был как раз в том состоянии, когда пороки и добродетели проявляются особенно резко.

Когда он поднял стакан, человек, стоявший рядом с ним, нечаянно толкнул его под руку. Он стряхнул пролитое вино с рукава и выразил свое мнение о соседе. Это были не особенно лестные слова, специально рассчитанные на то, чтобы задеть. Так и случилось: тяжелый кулак спустился на волчью шапку с такой силой, что отшвырнул ее владельца на Корлисса. Оскорбленный продолжал наступать. Женщины разбежались, предоставив мужчинам драться. Часть присутствующих столпилась вокруг них, а некоторые вышли, чтобы освободить место для честного боя.

Человек в волчьей шапке не захотел драться. Закрыв лицо руками, он пытался отступить. Толпа криками призывала его начать борьбу. Он заставил себя остановиться, но как только противник снова приблизился к нему, струсил и отскочил в сторону.

— Оставьте его, он это заслужил! — закричал полковник, когда Вэнс попробовал вмешаться. — Он не будет драться. Если бы он подрался, я бы, кажется, все ему простил.

— Но я не могу смотреть, как его избивают, — возразил Вэнс. — Если бы он отвечал тем же, это не было бы так ужасно.

Кровь текла у незнакомца из носа и из небольшой царапины над глазом. Корлисс не выдержал и бросился к «ним». Ему удалось расцепить их, но при этом он слишком сильно налег на оскорбленного старателя и повалил того на пол. У каждого из дерущихся в баре были друзья, и прежде чем Вэнс разобрал, в чем дело, он был глушен страшным ударом. Его нанес друг опрокинутого им человека. Дэл Бишоп, который стоял в углу, вступился за своего хозяина. В одно мгновение толпа разделилась на два лагеря, и драка стала общей.

Полковник Трезвей забыл, что горячка жизни для него прошла, и, размахивая колченогим стулом, кинулся в свалку. Несколько полицейских, которые были в числе присутствующих, бросились вслед за полковником и вместе с полдюжиной других гостей стали защищать человека в волчьей шапке.

Хотя борьба была жестокой и шумной, жизнь в баре шла своим чередом. В дальнем его конце хозяин продолжал разносить напитки, а в соседней комнате вновь заиграла музыка и начались танцы. Игроки

продолжали играть, и только те, что стояли поближе, проявили некоторый интерес к драке.

— Бей, бей, не жалея! — гоготал Дэл Бишоп, размахивая кулаками рядом с Корлиссом.

Корлисс засмеялся и, обхватив какого-то здоровенного погонщика собак, повалил его на пол, под ноги дерущихся. Он почувствовал, как погонщик вцепился ему зубами в ухо. На мгновение он представил себя с одним ухом, и сейчас же, точно его что-то осенило, он с силой надавил на глазные яБлэки погонщика. Люди топтали его ногами и падали рядом. Но он не замечал этого. Он чувствовал только одно: в то время как он нажимал пальцами на глаза погонщика, зубы того разжимались. Он надавил сильнее (еще немного, и человек бы ослеп), зубы разжались окончательно и выпустили свою добычу.

Наконец ему удалось выбраться из свалки и встать около стойки бара. Он совершенно забыл свое отвращение к драке. От его культуры не осталось и следа, едва он почувствовал опасность. Он был таким же, как все остальные. Он поднялся на ноги, держась за перила, и увидел человека в парке из беличьего меха, схватившего пивную кружку «и собиравшегося швырнуть ее в Трезвея, который стоял в двух шагах от него. Пальцы его, привыкшие к пробиркам и акварельным краскам, сжались в кулак, и он с размаху ударил человека в парке по подбородку. Тот уронил кружку и упал на пол. Вэнс на мгновение смутился, но, поняв, что в пылу гнева ударил человека, первого человека в своей жизни, испытал неизведанное наслаждение.

Полковник Трезвей поблагодарил его взглядом и закричал:

— Отойдите в сторону! Пробивайтесь к двери, Корлисс! Пробивайтесь к двери!

Прежде чем удалось открыть дверь, произошла еще одна стычка, но полковник, не выпуская из рук колченогий стул, буквально разметал противников, и через минуту вся толпа вывалилась на улицу. И лишь когда озлобление улеглось, как это и бывает в подобных случаях, люди разошлись по домам. Двое полицейских, сопровождаемые несколькими добровольцами, вернулись в бар, чтобы окончательно восстановить порядок. Корлисс и полковник вместе с человеком в волчьей шапке и Дэлом Бишопом направились вверх по улице.

— Ах, черт побери! — восклицал полковник Трезвей. — Вот тебе и шестьдесят лет! Вот тебе и конец горячке! Да я себя сегодня чувствую на двадцать лет моложе! Корлисс, вашу руку. Я поздравляю вас от всего сердца. Говоря откровенно, я не ожидал от вас этого. Вы удивили меня,

сударь, очень удивили!

— Я сам себе удивился, — ответил Корлисс. Сейчас, когда возбуждение улеглось, он чувствовал себя усталым. — И вы меня тоже удивили, когда схватили стул.

— Да! Надеюсь, я хорошо орудовал им. Видели? Смотрите! — И, громко засмеявшись, полковник поднял это средство самозащиты, которое все еще крепко держал в руках. — Кого я должен благодарить, господа?

Они остановились на углу, и человек, которого они спасли, протянул им руку.

— Меня зовут Сент-Винсент, — проговорил он, — и... — Как вас зовут?

— с внезапным интересом переспросил Бишоп.

— Сент-Винсент, Грегори Сент-Винсент... Неожиданным ударом Бишоп повалил Сент-Винсента в снег. Полковник инстинктивно схватился за стул, потом помог Корлиссу удержать старателя. — Вы с ума сошли, что ли?

— спросил Вэнс. — Негодяй! Я жалею, что не дал ему сильнее, — был ответ. Потом Бишоп прибавил: — Ну, теперь все в порядке. Пустите меня, я его больше не трону. Отпустите меня, я пойду домой. Спокойной ночи.

Когда они помогали Сент-Винсенту подняться на ноги, Вэнс готов был поклясться, что полковник смеется.

И впоследствии Трезвей сознался в этом. Уж больно все это было неожиданно и забавно, пояснил он. Теперь же, решив загладить свое поведение, он предложил Сент-Винсенту проводить его домой.

— Почему вы его ударили? — тщето в четвертый раз спрашивал Корлисс Бишоп, вернувшись к себе в хижину.

— Подлый негодяй! — буркнул тот, кутаясь в одеяло. — И с какой стати вы меня удержали? Я жалею, что не ударил его сильнее.

ГЛАВА XII

— Мистер Харни, я очень рад, что встретил вас. Я не ошибся, ведь вы Дэйв Харни? — Дэйд Харни кивнул головой, и Грегори Сент-Винсент обратился к Фроне. — Вы видите, мисс Уэлз, как тесен мир. Мы с мистером Харни знаем друг друга.

Король Эльдорадо долго всматривался в Сент-Винсента, пока наконец слабый проблеск воспоминания не отразился на его лице.

— Стойте! — вскричал он, когда Сент-Винсент хотел заговорить. — Я припоминаю вас. Тогда вы были моложе. Дай бог памяти. Восемьдесят шестой, осень восемьдесят седьмого, лето восемьдесят восьмого — вот когда! Летом восемьдесят восьмого я сплавлял на плотках с реки Стюарт лосиные туши и торопился попасть в Нижнюю Страну, прежде чем они испортятся.

— Да, вы спускались по Юкону в лодке. И мы встретились. Я настаивал, что это случилось в среду, а мой компаньон — в пятницу, вы же помирили нас на воскресенье. Да, да, на воскресенье. Подумайте только! Девять лет прошло! И мы обменяли мясо на муку, на питьевую соду и на сахар! Клянусь богом, я рад вас видеть!

И они снова пожали друг другу руки. — Заходите ко мне, — пригласил Харни, уходя. — У меня одна маленькая чистенькая хижина на холме и другая в Эльдорадо. Дверь всегда открыта. Заходите в любое время и не церемоньтесь. Мне очень жаль, что приходится так скоро уходить, но я должен тащиться в бар собирать сахар. Мисс Фрона вам все расскажет.

— Вы удивительный человек, мистер Сент-Винсент, — вернулась Фрона к прерванному разговору, вкратце сообщив о сахарной эпопее Харни. — Девять лет тому назад эта страна, вероятно, была совсем дикой. Подумать только, что вы здесь бывали в те времена! ; Расскажите мне об этом!

Грегори Сент-Винсент пожал плечами. — Рассказывать почти нечего. Все путешествие было сплошной неудачей. В нем множество неприятных подробностей и ничего такого, чем можно было бы гордиться.

— Ну расскажите. Я обожаю такие вещи. Они более жизненны и правдивы, чем будничные происшествя. Раз была неудача, как вы ее называете, то, значит, было задумано какое-то предприятие. Какое же именно?

Почувствовав ее искреннюю заинтересованность, он ответил:

— Хорошо. Если уж вы так хотите, я в двух словах расскажу вам самое главное. В интересах науки и журналистики, главным образом последней, я вбил себе в голову сумасшедшую мысль найти новую дорогу вокруг света. Я решил пересечь Аляску, перейти по льду через Берингов пролив и попасть в Европу через северную часть Сибири. Это была блестящая идея, так как большая часть перечисленных стран была не исследована. Но мне не удалось выполнить задуманное. Я без труда пересек пролив, но пережил массу неприятностей в восточной Сибири, и все из-за Тамерлана, так я всегда объясняю свою неудачу.

— Улисс! — Подошедшая миссис Шовилл захлопала в ладоши. — Современный Улисс! Как романтично!

— Но не Отелло, — заметила Фрона. — Удивительно ленивый рассказчик! Он останавливается на самом интересном месте, загадочно ссылаясь на героя прошедших веков. Вы очень нехорошо поступаете с нами, мистер Сент-Винсент, и мы не успокоимся до тех пор, пока вы не объясните, каким образом Тамерлан помешал вашему предприятию.

Он рассмеялся и сделал над собой усилие, чтобы продолжать свой рассказ.

— Когда Тамерлан с огнем и мечом подобно вихрю проносился по Восточной Азии, гибли государства, разрушались города, и племена рассеивались по миру, как звездная пыль. Множество людей разбежались по всему азиатскому материку. Спасаясь от неистовства победителей, эти беглецы пробрались далеко в Сибирь, двигаясь на север и восток, и осели на берегах полярного бассейна цепью монгольских племен... Вы не устали?

— Нет, нет! — воскликнула миссис Шовилл. — Это захватывающе интересно! Вы так живо рассказываете! Это напоминает мне...

— Маколей? — добродушно рассмеялся Сент-Винсент. — Вы знаете, я ведь журналист, и Маколей имел влияние на мой стиль. Но я обещаю вам, что буду краток. Вернемся к теме. Если бы не эти монгольские племена, то я не задержался бы в пути. Вместо того, чтобы жениться на туземной принцессе и сделаться специалистом по части междоусобных драк и кражи оленей, я бы тихо и спокойно добрался до Санкт-Петербурга.

— О, эти герои! Не правда ли, они удивительны, Фрона? Так как же насчет кражи оленей и туземной принцессы?

Жена приискового комиссара не сводила с него восхищенных глаз, и, посмотрев на Фрону, он продолжал:

— На побережье жили эскимосы. Это был веселый, счастливый и миролюбивый народ. Они называли себя укилионами, то есть людьми

моря. Я купил у них собак и пищу, и они обошлись со мной приветливо. Но они подчинялись чоу-чуэнам, или людям оленя, которые жили внутри страны. Чоу-чуэны были дикими кочевниками и обладали свирепостью не тронутых цивилизацией монголов и еще большей жестокостью. Стоило мне немного продвинуться в глубь страны, как они напали на меня, отняли все мое имущество и сделали меня рабом.

— А там не было русских? — спросила миссис Шовилл.

— Русских? Среди чоу-чуэнов? — Он весело рассмеялся. — Географически это владения русского царя, но я сомневаюсь, слышали ли они когда-нибудь о нем. Вспомните, что внутренние области северовосточной Сибири лежат в зоне полярной ночи. Это еще не исследованная страна, куда отправлялись многие, но не возвращался никто.

— А вы?

— К счастью, я являюсь исключением. Не знаю, почему они меня .пощадили. Так оно, во всяком случае, было. Сначала со мной обращались очень плохо, женщины и дети били меня, моя меховая одежда кишела паразитами, питался я отбросами. Эти люди были удивительно безжалостны. Каким образом я остался жив, я и сам не понимаю. Знаю только, что вначале я думал о самоубийстве. Меня спасло лишь собственное бесчувствие и то животное состояние, в которое я впал, испытав эти страдания и унижения. Полузамерзший, почти умирая от голода, перенося несказанные муки и жесточайшие побои, очень часто кончавшиеся обмороком, я превратился в настоящее животное.

Теперь мне это кажется кошмарным сном. В моей памяти есть пробелы, которые я никак не могу заполнить. Я смутно помню, как меня привязывали к нартам и волокли от стоянки к стоянке, от племени к племени. Я думаю, что меня выставляли напоказ, как это мы делаем со львами, слонами и дикарями. Мне неизвестно, как долго это продолжалось. Думаю, что за это время я успел .проделать несколько тысяч миль. Когда же рассудок вернулся ко мне, я был за тысячу миль на запад от того места, где меня взяли в плен.

Была весна, и мне казалось, что, внезапно открыв глаза, я вернулся откуда-то из далекого прошлого. Оленьими ремнями я был крепко привязан к нартам. Я схватился за них обеими руками, словно обезьяна шарманщика, потому что кожа на моей груди была стерта, мясо обнажено, и там, где ремни врезались в тело, зияли большие раны.

Решив перехитрить дикарей, я старался угодить им. В ту ночь я пел, танцевал и делал все, чтобы доставить им удовольствие, так как твердо решил не накликать больше на себя дурного обращения. Люди оленя

торговали с людьми моря, а люди моря — с белыми, главным образом с китоловами. Позднее я обнаружил у одной женщины колоду карт и поразил чоу-чуэнов несколькими простыми фокусами на картах. Кроме того, я с подобающей торжественностью показал им несколько салонных фокусов. Результатом было то, что меня стали лучше кормить и одевать.

Чтобы скорее добраться до конца, я скажу, что сделался важным человеком. Старики, женщины, а потом и вожди стали обращаться ко мне за советами. Мои скромные познания в медицине очень помогли мне, и я стал им необходим. Бывший раб, я достиг равного положения с вождями. И, как только я начал разбираться в их делах, я стал незаменимым авторитетом как в военное, так и в мирное время. Их основным богатством были олени, и мы почти всегда были заняты набегами на стада соседей либо защитой наших стад от их набегов. Я учил их стратегии и тактике и вносил в их военные операции хитрость и многое такое, против чего не могли устоять соседние племена.

Но, хотя я и стал могущественным, это не приблизило меня к свободе. Смешно сказать, но я перестарался и стал для них необходим. Они обращались со мной чрезвычайно любезно, но ревниво оберегали меня. Я мог приходить и уходить и приказывать сколько мне было угодно, но когда торговцы уезжали на побережье, мне не позволяли сопровождать их. Это было единственным ограничением моей свободы.

В их высшем органе все было крайне неустойчиво, и когда я захотел изменить их политическое устройство, то снова чуть не пострадал. Когда я решил объединить двадцать или более соседних племен, чтобы положить конец их спорам, меня избрали главой этого объединения. Но старый Пи-Юн, который был одним из самых могущественных вождей, своего рода король, хотя и отказавшись уже от своих притязаний на главенство, не захотел лишиться почестей. Единственное, что мне оставалось делать, чтобы умиротворить его, это жениться на его дочери Ильсвунге. Он требовал этого. Я сказал, что готов отказаться от своего положения, но он и слышать не хотел об этом. И...

— И? — — в экстазе прошептала миссис Шовилл. — И я женился на Ильсвунге. Ее имя в переводе означает «Дикий Олень». Бедная Ильсвунга! Она была подобна Изольде Суинберна, а я был Тристаном, Последний раз, когда я видел ее, она раскладывала пасьянс в иркутской миссии и отказывалась принять ванну.

— О боже! Уже десять часов! — внезапно воскликнула миссис Шовилл, увидев взгляд своего мужа, стоявшего на другом конце комнаты. — Мне так жаль, мистер Сент-Винсент, что я не могу дослушать

до конца ваш рассказ. Но вы должны навестить меня! Я просто умираю от любопытства!

— А я считала вас новичком чечако, — мягко сказала Фрона, когда Сент-Винсент, завязав наушники и подняв воротник, приготовился уходить.

— Терпеть не могу позы, — подделяваясь ей в тон, ответил Сент-Винсент. — В этом так много неискренности. Посмотрите на старожиллов, как гордо они называют себя «прокисшим тестом». Пробыв в стране несколько лет, они позволяют себе одичать, стать грубыми, считая, что это украшает их. Они, может быть, и не знают, что это тоже поза, но это так. Поскольку они искусственно развивают эти качества, они живут в мире фальши и обмана.

— Я думаю, что вы не совсем правы, — сказала Фрона, защищая тех, к кому она всегда относилась с симпатией. — Мне нравится то, что вы говорите, и я сама ненавижу позу, но большинство старожиллов были бы точно такими же в любой стране и при любых обстоятельствах. Это их неотъемлемое качество. И я думаю, это и заставляет их искать новые земли. Нормальные люди остаются дома.

— О, я вполне согласен с вами, мисс Уэлз, — тотчас же согласился он. — Я не хотел обобщать. Я хотел только обратить ваше внимание на тех из них, которые являются позерами. В общем же и целом они честные, искренние парни и отнюдь не кривляки.

— Тогда нам не о чем спорить. Одну минуту, мистер Винсент. Не зайдете ли вы к нам завтра вечером? Мы затеваем рождественский спектакль. Я уверена, что вы отлично смогли бы нам помочь. Мне кажется, что и вам это доставило бы удовольствие. Вся наша молодежь интересуется спектаклем: чиновники, офицеры полиции, горные инженеры, вояжеры, не говоря уже о хорошеньких женщинах. Они должны вам понравиться.

— Я уверен в этом, — сказал он, беря ее за руку. — Итак, вы говорите, завтра?

— Да, завтра вечером. Спокойной ночи. Отважный человек, — сказала она себе, возвращаясь в гостиную. — И великолепный представитель своей расы.

ГЛАВА XIII

Грегори Сент-Винсент вскоре стал видным членом общества в Доусоне. Как представитель Объединенной Ассоциации Печати, он имел самые широкие полномочия, какие только мог получить благодаря сильной протекции. Кроме того, он был снабжен множеством рекомендательных писем. Постепенно стало известно, что этот путешественник и исследователь повидал свет и знал жизнь, и он при этом был так скромен и молчалив, что никто не завидовал ему, даже мужчины. Случайно он встретил тут много старых знакомых. Джекоба Уэлза, например, он видел в Сент-Майкле осенью 88 года, как раз перед тем, как перешел по льду Берингов пролив. Месяцем позднее отец Барнум, приехавший с Нижней реки, чтобы вступить в управление госпиталем, встретил его на несколько сот миль севернее Сент-Майкла. Капитан Александер, служивший в полиции, сталкивался с ним в английском посольстве в Пекине. Еще один старожил, Бэттлс, видел его в Форт-Юконе десять лет тому назад.

Таким образом, Доусон, который всегда относился подозрительно к случайным пришельцам, принял его с распростертыми объятиями. Особенно благоволили к нему женщины. Он снискал всеобщую признательность как вдохновитель и неременный участник всех увеселений. Он не только помогал ставить любительские спектакли, но незаметно и вполне естественно принял на себя руководство ими. Фрона, как говорили ее друзья, помешалась на Ибсене, и потому они выбрали «Кукольный дом», где она должна была играть роль Норы. Корлисс, руководивший постановкой спектакля, так как первый подал эту идею, должен был играть роль Торвальда. Однако у него пропал интерес к этой затее, и он попросил освободить его, ссылаясь на спешную работу. И Сент-Винсент без колебаний взял роль Торвальда. Корлисс однажды пришел на одну из репетиций. Может быть, оттого, что он устал после сорока миль езды на собаках, а может быть, оттого, что Торвальду несколько раз приходилось обнимать Нору и играть ее ушком, — так или иначе, но больше Корлисс на репетициях не появлялся.

Правда, он был занят и обычно в свободное от поездок время запирался с Джекобом Уэлзом и полковником Трезвеем. Они, по-видимому, обсуждали немаловажные дела: порукой этому был тот факт, что Уэлз вложил в рудники несколько миллионов. Корлисс был прежде всего исполнителем и, поняв, что при обширных теоретических познаниях он

лишен практического опыта, с головой ушел в работу. Его поражала глупость людей, которые доверили ему такой ответственный пост только лишь по протекции, и он даже сказал об этом Трезвею. Но полковник, узнав недостатки Корлисса, полюбил его за чистосердечие и восхищался его энергией и способностью быстро схватывать все на лету.

Дэл Бишоп, который заботился о собственной выгоде, поступил на службу к Корлиссу, так как именно здесь он мог добиться всего, что хотел. Он был свободен и в то же время имел большие возможности преуспеть. У него были отличное снаряжение и великолепная упряжка. Он должен был объезжать ручьи и овраги, держа глаза и уши открытыми. Убежденный старатель-одиночка, он все время выискивал залежи, что, конечно, нисколько не мешало ему исполнять свои прямые обязанности. С течением времени он начинил свой мозг разнообразными сведениями о рельефе местности, чтобы летом, когда растает снег и вскроются горные потоки, найти следы жилы.

Корлисс был хорошим нанимателем, не жалел денег и считал себя вправе заставлять людей работать так, как работал сам. Те, кому приходилось служить у него, либо напрягали все силы и оставались, либо уходили и рассказывали про него невесть что. Джекоб Уэлз одобрял в нем эту черту и постоянно расхваливал горного инженера. Фрона слушала и была довольна, потому что она любила все, что любил ее отец, особенно когда дело касалось Корлисса. Но из-за его напряженной работы она видела его реже, чем раньше, тогда как Сент-Винсент проводил с ней все больше времени. Его здоровый оптимизм нравился ей, и в то же время он вполне соответствовал ее идеалу естественного человека и ее излюбленному расовому типу. Ее первоначальные сомнения в правдивости того, что он рассказывал, исчезли. Все подтверждалось. Люди, которые вначале не верили в его необыкновенные приключения, услышав его, начинали верить. Побывавшие в тех частях света, которые он описывал, должны были сознаться, что он хорошо знал все, о чем говорил. Молодой Соли, представитель Банукского синдиката новостей, и Холме с Мыса Хорошей Погоды помнили его возвращение в 91-м году и вызванную этим сенсацию. А Сид Уинслоу, журналист с тихоокеанского побережья, познакомился с ним в «Клубе путешественников», вскоре после того, как Сент-Винсент сошел с американского сторожевого судна, на котором он прибыл с севера. Кроме того, Фрона заметила, что пережитое им не прошло для него бесследно, оно отразилось во всех его взглядах на жизнь. Ему были свойственны в большой мере простота и естественность, и он обладал тем же чувством расовой гордости, что и она. В отсутствие Корлисса они много

времени проводили вместе, часто катались на собаках и хорошо узнали друг друга.

Все это не нравилось Корлиссу. Особенно, когда те короткие мгновения, которые он мог посвятить Фроне, нарушались вторжением журналиста. Разумеется, после инцидента в баре Корлисс был не слишком расположен к нему, да и другие, слышавшие об этом происшествии, относились к нему недружелюбно. Раз или два Трезвей пробовал отозваться о нем неодобрительно, но поклонники защищали его так горячо, что полковник решил впредь держать язык за зубами, чтобы показать свое беспристрастие. Однажды Корлисс, выслушивая неумеренные похвалы, которыми награждала Винсента миссис Шовилл, позволил себе недоверчиво улыбнуться. Фрона при этом вспыхнула и нахмурила брови, что послужило Корлиссу предостережением.

В другой раз он сделал еще большую глупость, когда напомнил о драке в баре. В пылу увлечения он готов был сказать то, что вряд ли пошло бы на пользу ему или Сент-Винсенту. Но Фрона совершенно неожиданно заставила его замолчать, прежде чем он успел произнести хоть слово.

— Да, — сказала она. — Мистер Сент-Винсент рассказывал мне об этом. Он встретил вас тогда, кажется, в первый раз. Вы и полковник Трезвей мужественно защищали его. Он искренне восхищался вами. Корлисс пренебрежительно махнул рукой. — Нет! Нет! По его словам, вы вели себя замечательно. И я была рада это слышать. Должно быть, очень приятно и полезно время от времени давать волю тому зверю, который сидит в нас! Это особенно важно, потому что мы отошли от всего естественного, и наша зрелость носит болезненный характер. Нужно иногда стряхнуть с себя все искусственное и дать выход своей ярости, в то время как внутренний голос, спокойный и бесстрастный, говорит: «Это — мое второе „я“. Смотри! Сейчас я бессилен, но все же я существую и управляю человеком! Это мое второе „я“, мое древнее, сильное, старшее „я“. Оно неистовствует вслепую, точно животное, а я стою в стороне и разбираюсь во всем происходящем. Я волен приказывать ему неистовствовать дальше или перестать». О, как хорошо быть мужчиной!

Увидев насмешливую улыбку Корлисса, Фрона стала защищаться.

— Скажите, Вэнс, что вы чувствовали? Разве я не верно это описала? Разве у вас всего этого не было? Разве вы не наблюдали сами себя во время взрыва вашей ярости?

Он вспомнил, как удивился, ударив человека кулаком, и кивнул головой.

— А гордость? — продолжала она неумолимо. — Или стыд?

— Понемногу всего, и больше гордости, чем стыда, — сознался он. — Я думаю, что в тот момент я был в каком-то безумном экстазе. А потом пришел стыд; и я мучился всю ночь. — И что осталось?

— Я думаю, гордость. Я ничего не мог поделать, ничего не мог изменить. Я проснулся утром с таким чувством, точно меня посвятили в рыцари. В глубине души я был страшно горд собой и иногда мысленно ловил себя на том, что снова участвую в драке. Потом снова появился ты, и я старался вернуть себе свое уважение. И наконец победил гордость. Ведь борьба велась открыто и честно. Не я ее начал. Мной руководили самые лучшие побуждения. Я нисколько не огорчен, и если появится необходимость, я опять сделаю то же самое.

— Это справедливо, — сказала Фрона, и глаза ее заблестели. — А как вел себя мистер Сент-Винсент?

— Он?.. О, я думаю, что весьма похвально. Но я был слишком занят, чтобы интересоваться окружающим. — Но он вас видел.

— Возможно. Признаюсь, я был невнимателен. Я поступил бы иначе, если бы предполагал, что это может вас интересовать. Простите меня. Ведь я новичок в таком деле и потому больше всего внимания обращал на самого себя и не наблюдал за моими соседями.

Корлисс ушел очень довольный, что не сказал ничего лишнего. Он признался себе, что Сент-Винсент вел себя очень умно, рассказав о происшествии со свойственной ему скромностью.

Двое мужчин и одна женщина! В их отношениях — источник человеческих страданий и трагедий? Так было всегда, с тех пор, как наш далекий предок спустился с дерева и перестал ходить на четвереньках. Так было и в Доусоне. Имелись еще несколько менее значительных факторов, в том числе Дэл Бишоп, который со свойственной ему настойчивостью вмешивался в дела, ускоряя ход событий. Так и случилось в походном лагере по дороге к Ручью Миллера, где Корлисс принимал заявки на участки с низким содержанием золота, которые могли принести доход только в случае разработки их в крупном масштабе.

— Если бы я только нашел настоящую жилу, следа моего вы бы здесь не увидели! — сквозь зубы пробормотал как-то вечером Дэл Бишоп, остужая кофе кусочком льда. — Ни за что в жизни.

— Удрали бы? — поинтересовался Корлисс, подчищая масло «а сковородке».

— Взял бы я свои пожитки, посмотрел бы на солнышко, и поминай как звали. Скажите, как бы вам сейчас понравился сочный кусочек баранины с зеленым луком, жареным картофелем и прочим гарниром? Это — первое,

против чего я не возражал бы. А потом все к черту! Махнуть на недельку в Сиэтл или Фриско. Мне все равно, а потом...

— А потом «и гроша денег и опять за работу? — Ничего подобного! — воскликнул Бишоп. — Я н бью свой мешок, прежде чем сняться с места, а уж потом отправлюсь в южную Калифорнию. Уже давненько я присмотрел там хорошую ферму. Она стоит сорок тысяч. Я куплю ее и перестану искать золото. Я уже все рассчитал. Найму людей, чтобы работали на ранчо, возьму управляющего, чтобы за всем следил, а сам буду стричь купоны. В конюшне всегда найдется пара лошадей н тот случай, если меня опять потянет искать золото. Там, к востоку пустыни, тоже неподалеку, есть богатые россыпи.

— А дом на ранчо будет?

— Конечно, будет! По бокам его будут клумбы с дуистым горошком, а сзади огород: бобы, шпинат, редиска, огурцы, спаржа, репа, морковь, капуста и прочее. А в доме — баба, которая будет держать меня за фалды, когда меня потянет на золото. Скажите-ка, ведь вы специалист по горной части. Вы когда-нибудь вынюхивали золото? Нет? Тогда слушайте! Это хуже, чем виски, хуже, чем карты и лошади. Если даже позже появится баба, она не сможет вас удержать. Как только почувствуете, что вас тянет искать золото, сейчас же женитесь. Это единственное, что может вас спасти. Впрочем, случается, что даже и тогда бывает уже поздно. Мне бы давно следовало это сделать. Может быть, тогда из меня бы что-нибудь и вышло. Боже мой! Сколько хорошего я потерял из-за золота. Послушайте, Корлисс, женитесь как можно скорее. Я говорю вам откровенно. Посмотрите, к чему я пришел, и распрощайтесь с холостой жизнью. Корлисс рассмеялся.

— Я говорю серьезно. Я старше вас и знаю, что говорю. В Доусоне есть один лакомый кусочек, который вы не должны упустить. Вы созданы друг для Друга.

Время, когда Корлисс считал вмешательство Бишопа в его личные дела дерзостью, давно прошло. Жизнь на Севере, где люди укрываются одним одеялом, как братья уничтожает все сословные границы. Корлисс давно это понял и поэтому промолчал.

— Почему вы не прогоните его? — настойчиво допрашивал Дэл. — Разве она вам не по душе? Я знаю, что по душе, ведь вы, возвращаясь от нее домой, ног под собой не чуете от радости. Торопитесь, пока у вас есть шансы. Знавал я когда-то некую Эмми, чудесная была бабенка, и мы сразу понравились друг другу. Но я все охотился да охотился за золотом и все откладывал да откладывал. И вдруг, представьте себе, явился огромный

черномазый лесоруб из Канады и стал ее обхаживать. Тогда я решил поговорить с ней. Но сначала мне нужно было еще раз отправиться за золотом, всего разок. И когда я вернулся, она была уже миссис Игрек.

Будьте осторожны. Там крутится этот писака, этот негодяй, которого я ударил после вечера в баре. Он идет прямым путем и старается изо всех сил, а вы вроде меня носитесь взад и вперед и упускаете возможность жениться. Запомните мои слова, Корлисс! В один прекрасный морозный день вы явитесь в Доусон и найдете их у семейного очага. Будьте уверены! И тогда вам только и останется, что охотиться за золотом.

Перспектива была настолько неутешительная, что Корлисс внезапно повернулся и предложил Бишопу заткнуться.

— Это чтобы я заткнулся? — произнес Бишоп таким огорченным тоном, что Корлисс невольно рассмеялся. — А вы бы что сделали на моем месте? — Что бы я сделал, я вам сейчас скажу. Как только вы вернетесь, идите к ней. Сговоритесь с ней, когда вы будете встречаться, и запишите все даты на бумаге. Проводите с ней все ее свободное время и отшейте таким образом другого. Не унижайтесь перед ней — она не такая, — но и не заноситесь слишком. Надо помаленьку, понимаете? И потом, когда вы увидите, что она хорошо настроена и улыбается вам, — уж вы знаете, как она улыбается, — идите и просите ее руки. Конечно, я не могу сказать, какой будет результат. Это уж вы сами увидите. Но не откладывайте этого дела в долгий ящик. Лучше жениться рано, чем вовсе не жениться. И если этот писака будет приставать, ткните его хорошенько в пузо, да покрепче! Этого с него будет достаточно. А еще лучше отведите его потихоньку в сторону и поговорите с ним. Скажите ему, что с вами не так легко справиться, что вы пришли первый и что, если он не оставит это дело, вы ему оторвете голову.

Бишоп поднялся, потянулся и вышел, чтобы покормить собак.

— Не забудьте оторвать ему голову! — крикнул он, выходя. — А если вам будет противно, позовите меня, и я не заставлю его долго ждать.

ГЛАВА XIV

— О, соленая вода, мисс Уэлз! Масса соленой воды, огромные волны и тяжелые суда в затишье и в бурю — это мне знакомо. А пресная вода, маленькие каноэ, похожие на яичную скорлупу или мыльные пузыри, — одно дуновение, пух! — и ничего от них не осталось! Нет, с этим я незнаком. — Барон Курбертен печально улыбнулся, точно жалея себя, и продолжал: — Но тем не менее это восхитительно, великолепно! Я наблюдал и завидовал. Когда-нибудь и я этому научусь.

— Это совсем не трудно, — сказал Сент-Винсент. — Не правда ли, мисс Уэлз? Просто нужно не терять равновесия и ничего не бояться. — Как канатный плясун?

— О, вы неисправимы, — рассмеялась Фрона. — Я уверена, что вы умеете управлять каноэ не хуже нас.

— А вы умеете? Вы? Женщина? — Хотя француз и был космополитом, но самостоятельность и ловкость американских женщин всегда поражали его. — Как и когда вы научились?

— Когда я была еще совсем маленькой и жила на берегу Дайи, среди индейцев. Весной, когда вскрыется река, мы дадим вам первые уроки, мистер Сент-Винсент и я. И вы вернетесь в цивилизованные страны, обладая не одним новым талантом. Вам это понравится, я уверена!

— При наличии такой очаровательной наставницы, безусловно, — пробормотал он галантно. — А вы как думаете, мистер Сент-Винсент, понравится это мне или нет? А вам нравятся? Вы всегда держитесь в тени и так скупы на слова и загадочны, точно можете, но не хотите поделиться с нами плодами вашего многолетнего опыта.

Барон быстро повернулся к Фроне. — Ведь мы старые друзья. Разве я вам не рассказывал? Потому я и позволяю себе подшучивать над ним. Не так ли, мистер Сент-Винсент? Грегори кивнул головой.

— Я уверена, что вы встречались где-нибудь на краю света, — сказала Фрона.

— В Иокोगаме, — коротко сказал Сент-Винсент. — Одиннадцать лет назад, в пору цветения вишен. Но барон Курбертен ко мне несправедлив, и это меня обижает. Я боюсь, что если начну рассказывать, то буду очень много говорить о себе.

— И падете жертвой ваших друзей, — заметила Фрона. — Вы такой хороший рассказчик, что ваши друзья должны быть вам только благодарны.

— Тогда расскажите нам какую-нибудь историю о том, как вы путешествовали в каное, — попросил барон. — Только хорошую, такую, чтобы, как говорят янки, «волосы встали дыбом»!

Они подвинулись к большой печке в гостиной миссис Шовилл, и Сент-Винсент начал рассказывать о страшном водовороте в Бокс-Кэньоне, об ужасных быстринах Юкона в районе Белой Лошади и о своем спутнике, презренном трусе, который пошел в обход и бросил его на произвол судьбы. Это было девять лет назад, когда Юкон был еще не исследован.

Получасом позднее в комнату влетела миссис Шовилл в сопровождении Корлисса.

— Ах, этот холм! Я положительно задыхаюсь! — воскликнула она, снимая перчатки. — Ну и везет же мне! — сердито прибавила она. — Этот спектакль, кажется, никогда не состоится! Я никогда не буду миссис Линден! Как я могу ею быть? Кругстад в панике отправился на Индейскую Реку, и никто не знает, когда он вернется! Кругстада (обращаясь к Корлиссу) играет мистер Мейбрик, вы его знаете. А у миссис Александер невралгия, и он» не может двинуться. Словом, сегодня репетиции не будет, это ясно. — И, приняв театральную позу,

она продекламировала: — «Да, то был первый момент испуга! Но прошел день, и я увидела, что в этом дом творятся невероятные вещи! Хельмер должен все узнать! Пора положить конец этой проклятой тайне! О Кругстад, я вам нужна, и вы нужны мне... а вы удрали на Индейскую Реку и там печете лепешки из кислого теста, и я вас, кажется, никогда больше не увижу!» Все зааплодировали.

— Единственная награда за то, что я ушла из дому и заставила вас всех ждать, — это то, что я привела с собой вот этого смешного малого. — Она

подтолкнула Корлисса вперед. — Вы незнакомы? Барон Курбертен, мистер Корлисс. Если вам удастся найти много золота, барон, то мой совет вам: продайте его мистеру Корлиссу. Он богат, как Крез, и купит все, лишь бы бумаги были в порядке. А если не найдете, тогда обманите его, и он заплатит. Это профессиональный благотворитель.

Представьте себе (обращаясь ко всем присутствующим), этот смешной человек предложил помочь мне взобраться на холм и болтал всю дорогу, но решительно отказался войти и присутствовать на репетиции. А когда он узнал, что репетиции не будет, моментально согласился. Этаким флюгер! А теперь он плачется, что должен быть на Ручье Миллера. Но, между нами, всем ясно, какие темные дела...

— Темные дела! Взгляните-ка! — перебила ее Фрона, показывая на

кончик

янтарного мундштука, торчавшего из его бокового кармана. — Трубка! Поздравляю вас!

Фрона протянула ему руку, и он добродушно пожал ее.

— Это вина Дэла, — засмеялся Ване. — Когда я предстану перед престолом всевышнего, ему придется отвечать за этот мой грех.

— Невероятно, но вы делаете успехи, — сказала она. — Теперь вам только недостает крепкого словца на некоторые случаи жизни.

— -О, уверяю вас, я не такой уж неуч, — ответил он. — Иначе я не мог бы управлять собаками. Я умею клясться адом, надгробными рыданиями, кровью и потом и, с вашего разрешения, тремя гробами. На собак, например, очень хорошо действуют «фараоновы кости» и «иудина кровь». Но самое лучшее из того, что слушают мои собаки, женщины, к сожалению, не могут выслушать. Однако я вам обещаю, несмотря на ад, кровь, гроб...

— Ой! Ой! — вскричала миссис Шовилл, затыкая пальцами уши.

— Мадам, — торжественно сказал барон Курбертен. — К сожалению, это факт, что северные собаки больше, чем кто-либо другой, ответственны за мужскую душу. Не так ли? Я предоставляю решение мужчинам. Корлисс и Сент-Винсент согласились с серьезным видом и стали наперебой рассказывать страшные истории о собаках.

Сент-Винсент и барон остались, чтобы позавтракать у жены приискового комиссара, а Фрона и Корлисс стали вместе спускаться с холма. По взаимному молчаливому соглашению они свернули вправо, чтобы удлинить путь, минуя все тропинки и нартовые пути, которые вели в город. Была середина декабря. Стоял ясный холодный день. Неверное полуденное солнце, едва показавшись над горизонтом, начало стыдливо клониться к закату. Его косые лучи, преломляясь в мельчайших частицах морозной пыли, делали ее похожей на сверкающие бриллианты.

Они прошли сквозь это волшебное сияние, их мокасины мерно поскрипывали по снегу, а пар, вырывавшийся при дыхании, казался легким опаловым облачком. Никто из них не хотел говорить: так чудесно было вокруг. У их ног, под огромным куполом неба, точно пятно на белой скатерти, беспорядочно сгрудился этот процветающий, но маленький и грязный городок, казавшийся жалким в этой безбрежной пустыне, где человек бросил вызов бесконечности.

До них донеслись выкрики людей и понукание. Они остановились. Послышался громкий лай, царапанье, и упряжка заиндеветших волкодавов с высунутыми языками выехала на тропинку впереди них. В санях

находился длинный узкий ящик, сколоченный из неотесанных еловых досок. Его назначение было понятно без слов.

Два погонщика, женщина, шедшая, как слепая, и священник в черном составляли весь траурный кортеж. Собаки взобрались на холм, и под жалобный вой, крики и шум бранные останки были сняты с саней и опущены в ледяную келью.

— Завоеватель Севера, — проронила Фрона. Увидев, что их мысли совпали, Корлисс ответил: — О, эти борцы с холодом и голодом! Теперь я понимаю, почему раса, подчинившая себе земной шар, пришла с севера. Она была смелой и выносливой, полной бесконечного терпения и неиссякаемой веры. Что же тут удивительного?

Фрона посмотрела на него, и ее молчание было красноречивее слов.

— «Мы разили нашими мечами, — процитировал он, — и для меня это было такой же радостью, как обнимать на ложе юную жену. Я прошел по миру с моим окровавленным мечом, и воронье летело за мной. Мы сражались неистово. Пламя проносилось над человеческими жилищами. Мы спали в крови тех, кто охранял ворота».

— Чувствуете ли вы это, Вэнс? — сказала она, хватая его за руку.

— Кажется, начинаю чувствовать. Север научил меня да еще и сейчас учит, что старые истины обретают новый смысл. Но, несмотря на это, я ничего не знаю. Все это кажется мне каким-то чудовищным преувеличением, фантазией.

— Но ведь вы же не утратили ощущения современности? Или вы чувствуете себя монгольским победителем?..

— Фрона, — ответил он, — это не так легко передать. Конечно, мы не то, чем были наши предки. Но мы многое унаследовали от них, иначе я не радовался бы, видя эти похороны. Умер человек, но человечество сделало еще один шаг вперед; оно стало еще могущественнее, чем было вчера... Умер завоеватель Севера, но его место займут другие, сильные и мужественные люди, покоряющие всю землю... Я сын моего отца и продолжаю его дело. Север научил меня понимать это. Древние конунги никогда не спали в дымной хижине и не осушали кубка у семейного очага. Я точно вижу их морских коней, бороздящих моря. Они побывали здесь на тысячу лет раньше нас, норманны, белокурые исполины, кровь которых течет в нас и ведет нас опять сюда, в северные пустыни, чтобы тяжелейшим трудом, изумительной выдержкой и настойчивостью отвоевать у льда дары земли... И вы, Фрона, вы...

Фрона стояла перед ним, точно валькирия, закутанная в меха, в последней битве богов и людей, будя его воображение и волнуя кровь.

— «Каменные горы сбились в кучу, великанши шатаются. Люди идут по адской тропе, и небо раскололось. Солнце гаснет, земля погружается в океан, огромные звезды падают с неба, дыхание пламени палит великое дерево, к самому небу вздымается веселый огонь».

Силуэт Фроны четко выделялся на фоне ясного неба; ее брови и ресницы были белыми от мороза, а снежный ореол вокруг ее лица сверкал и искрился в лучах северного солнца. Она показалась ему олицетворением всего лучшего, что было в ее расе. Кровь предков заговорила в нем, и он вдруг почувствовал себя белокожим желтоволосым гигантом прошедших веков, шум и крики забытых сражений воскресили перед ним удивительное прошлое. В завывании ветра, в грохоте северных волн он увидел остроносые боевые галеры и на них — повелителей стихии — северных людей с крепкими мускулами и широкой грудью, — огнем и мечом разоряющих теплые южные страны. Битвы двадцати веков гремели в его ушах, и жажда первобытного горела в нем. Он страстно схватил ее руку.

— Фрона, будьте моей женой, моей юной женой! Она вздрогнула и, не поняв, взглянула ему в глаза. Затем, вникнув в смысл его слов, невольно подалась назад. Солнце бросило последний луч на землю и ушло за горизонт. Сияние в воздухе угасло, все вокруг потемнело. Где-то далеко жалобно выли собаки, привезшие мертвеца.

— Нет! — крикнул он, когда она попыталась заговорить. — Не говорите! Я знаю мой ответ, ваш ответ... теперь... Я был сумасшедшим. Идемте!

Они молча спустились с горы и, перейдя поляну, вышли около мельницы к реке. Близость человеческого жилья, казалось, развязала им языки. Корлисс, подавленный, шагал, глядя себе под ноги, а Фрона шла с высоко поднятой головой, осматривалась по сторонам и иногда как бы случайно взглядывала на него. Там, где тропинка пересекала деревянный настил, ведущий к мельнице, было скользко, и Корлисс поддержал Фрону. Глаза их встретились.

— ...Я очень огорчена, — сказала она нерешительной вдруг, точно желая оправдаться, добавила: — Это было так... Я никак не ожидала...

— Иначе бы вы предупредили это, — подсказал он с горечью.

— Да, пожалуй. Я не хотела сделать вам больно. — Значит, вы этого все-таки ожидали? — Да, я боялась. Но я надеялась... Я... Вэнс, я приехала в Клондайк не для того, чтобы выйти замуж. Вы мне понравились с самого начала и нравились все больше и больше, особенно сегодня, но...

— Но вы никогда не смотрели на меня как на будущего мужа? Вы это хотите сказать?

Он пристально посмотрел на нее, и, когда взгляды их встретились, он нашел в ее глазах прежнюю искренность. И мысль потерять ее сводила его с ума.

— Нет, смотрела, — сказала она вдруг. — Смотрела на вас как на будущего мужа. Но это было как-то неубедительно. Почему, я и сама не знаю. Мне многое нравилось в вас, очень многое...

Он попробовал остановить ее, но она продолжала: — И многое восхищало. У меня к вам было дружеское чувство, настоящее, теплое, дружеское чувство, и оно все росло. Вы были мне товарищем, но не больше. Правда, я не хотела большего, но была бы рада, если бы оно пришло.

— Как радуются непрошеному гостю? — Почему вы не хотите помочь мне, Вэнс, вместо того чтобы делать этот разговор еще тяжелее для меня? Вам он тоже кажется тяжелым, но неужели же вы думаете, что меня он радует? Я чувствую, как вам больно, и знаю, что если я откажусь сделать из моего друга возлюбленного, то потеряю друга. А мне очень нелегко расставаться с друзьями. — Значит, я банкрот вдвойне: как друг и как возлюбленный. Но им нетрудно найти замену. Я знал заранее, что меня ждет неудача. Но если бы я молчал, то вышло бы то же самое. Время все залечит. Новые знакомые, новые мысли и лица. Мужчины, переживающие замечательные приключения... Она прервала его:

— Это ни к чему, Вэнс! Что бы вы ни говорили, я не буду с вами ссориться. Я понимаю, что вы испытываете.

— Если я придираюсь к вам, то нам лучше расстаться. — Он внезапно остановился, остановилась и Фрона. — Вон идет Дэйв Харни. Он проводит вас. Вам осталось всего несколько шагов.

— Вы поступаете нехорошо по отношению к нам обоим — сказала она твердо. — Я не считаю это концом. Мы сейчас слишком взволнованы, чтобы трезво разобраться в случившемся. Вы придете ко мне, когда мы оба немного успокоимся. Я не хочу, чтобы со мной так обращались. Это — мальчишество. — Она бросила быстрый взгляд на приближавшегося короля Эльдорадо. — Мне кажется, что я не заслужила этого. Я не хочу потерять в вас друга. Я настаиваю на том, чтобы вы пришли ко мне и чтобы все осталось по-прежнему. Он покачал головой.

— Алло! — Дэйв Харни дотронулся до своей шапки и подошел к ним развинченной походкой. — Очень жаль, что вы меня не послушали. Со вчерашнего дня цена на собак поднялась и будет подниматься еще. Добрый день, мисс Фрона. Добрый день, мистер Корлисс. Нам по дороге?

— Мисс Уэлз по дороге. — Корлисс притронулся к козырьку своей

шапки и повернулся на каблуках. — А вы куда? — спросил Дэйв. — У меня свидание, — солгал он.

— Помните, — крикнула ему Фрона, — вы должны прийти ко мне!

— Боюсь, что я буду слишком занят. До свидания. Всего хорошего, Дэйв.

— Господи! — заметил Дэйв, глядя ему вслед. — Вечно у него какие-то серьезные дела. Не понимаю, почему он не занялся собаками?

ГЛАВА XV

Но Корлисс все же пошел к ней, и даже в тот же самый день. После недолгих, но горьких размышлений он понял, что вел себя, как мальчишка. Потерять ее было для него очень тяжело, но сознавать это, думать, что он произвел на нее скверное впечатление, было еще тяжелее. И, помимо всего этого, ему было стыдно. В сущности, он мог бы принять ее отказ мужественней, тем более, что он с самого начала не был уверен в успехе.

Итак, они встретились и отправились гулять по дороге к казармам. С ее помощью он старался сгладить впечатление, произведенное утренним разговором. Он говорил умно и спокойно, и она сочувственно слушала его. Пожалуй, он бы в конце концов попросту извинился, если бы она не предупредила его.

— Вы ни в чем не виноваты, — сказала Фрона. — Если бы я была на вашем месте, я, наверное, поступила бы точно так же и даже разозлилась бы еще больше, чем вы. Ведь вы очень разозлились?

— Но если бы вы были на моем месте, а я на вашем, — попробовал он сострить, — то в этом не было бы необходимости.

Она улыбнулась, радуясь, что он стал проще смотреть на вещи.

— Но, к сожалению, наше общество не позволит этого, — прибавил он из желания сказать что-нибудь.

— Да, — рассмеялась она. — И вот тут-то мне помогло бы мое лицемерие. Я могу не посчитаться с мнением общества.

— Уж не хотите ли вы сказать, что...? — Вы опять шокированы! Нет, конечно, я бы не высказала это прямо, но зато я могла бы действовать в обход. Это привело бы к тому же результату, лишь с большей деликатностью. Было бы только кажущееся различие.

— И вы бы могли так вести себя? — спросил Вэнс. — Конечно, если бы того потребовали обстоятельства. Я не позволила бы тому, что называют счастьем жизни, пройти мимо меня без борьбы. Это встречается только в книгах и у сентиментальных людей. Мой отец всегда говорит, что я принадлежу к тем, кто борется. За то, что для меня свято и дорого, я стала бы сражаться с самим небом.

Вы меня очень обрадовали, Вэнс, — сказала она, расставаясь с ним у казарм. — Теперь все пойдет по-старому. И не думайте о себе хуже, чем раньше, а, наоборот, даже лучше.

И все-таки Корлисс после нескольких посещений забыл дорогу к дому

Джекоба Уэлза и всецело посвятил себя работе. Иногда его притворство перед самим собой доходило до того, что он радовался своему избавлению от опасности и рисовал себе мрачные перспективы семейной жизни с Фроной. Но это случалось редко. Обычно же мысль о ней заставляла его испытывать почти физический голод, и он находил забвение только в работе. Наяву он еще мог справиться со своими переживаниями, но во сне они побеждали его. Дэл Бишоп, живший с ним под одной крышей, заметил его беспокойство и подслушал его сонное бормотание.

Старатель сообразил что к чему и сделал правильный вывод из своих наблюдений. Впрочем, особой проницательности для этого и не требовалось. Тот простой факт, что Корлисс больше не навещал Фрону, объяснял все. Но Дэл пошел еще дальше и решил, что всему виной Сент-Винсент. Он несколько раз встречал Фрону с журналистом и был возмущен до глубины души.

— Я еще покажу ему! — — проворчал он однажды вечером, сидя в лагере неподалеку от Золотого Дна. — Кому? — спросил Корлисс. — Кому? Этому газетному писаке, вот кому. — За что?

— За многое. Почему вы не позволили мне избить его в баре?

Корлисс рассмеялся при этом воспоминании. — А почему вы ударили его, Дэл? — Стоило! — огрызнулся Дэл и замолчал. Но Дэл Бишоп был злопамятен и не хотел упустить случая. Возвращаясь домой, он остановился там, где скрещивались дороги в Эльдорадо и Бонанцу.

— Скажите, Корлисс, — начал он, — вам знакомы предчувствия? Его хозяин кивнул головой.

— Так вот, я кое-что предчувствую. Я никогда ни о чем не просил вас, теперь прошу остаться здесь со мною до завтра. Мне кажется, что я уже вижу мою фруктовую ферму. Честное слово, я даже чую запах свежих апельсинов!

— Ладно, — сказал Корлисс, — но не лучше ли мне вернуться в Доусон, а вы приедете, когда избавитесь от своих предчувствий?

— Слушайте, — возразил Дэл, — я вам сказал, что я кое-что предчувствую и хочу, чтобы вы остались, поняли? Вы парень хоть куда и прочли на своем веку черто-ву уйму книг. Вы тратите бездну денег, когда дело касается лабораторий. Но вам надо научиться читать книгу природы без очков. Так вот, есть у меня кое-какие предположения...

Корлисс в деланном ужасе воздел руки к небу. Старатель начал сердиться:

— Ладно, ладно! Смейтесь! Но все мои предположения основаны на вашей собственной теории об эрозии и меняющихся речных руслах. И я

недаром два года искал золото вместе с мексиканцами. Как вы думаете, откуда появилось золото в Эльдорадо? Сырое и без всяких следов промывки? Ага, вот тут-то вам и нужны ваши очки! Книжки испортили вам зрение. Правда, ничего определенного я еще не могу сказать, но я многое предчувствую. Ведь не отдыхать же я сюда притащился! Я в одну минуту могу рассказать вам о руде в Эльдорадо больше, чем вы вычитаете из ваших книг за целый месяц. Ну ладно, не обижайтесь. Если вы останетесь со мной до завтра, то, наверное, сможете купить ферму рядом с моей.

— Хорошо, я останусь и буду просматривать свои заметки, а вы себе ищите ваше старое речное русло.

— Не говорил ли я вам, что я кое-что предчувствую? — спросил Дэл с упрёком.

— И не согласился ли я остаться? Чего же вы еще хотите?

— Подарить вам фруктовую ферму! Чтобы вы там гуляли и наслаждались ароматом цветущих деревьев. — Не нужна мне ваша фруктовая ферма! Я устал, и у меня плохое настроение. Вы можете оставить меня в покое? Я и так делаю вам большое одолжение, что задерживаюсь здесь с вами. Вы можете терять время, чтобы разносить все вокруг, но я останусь в палатке. Поняли?

— Ну и благодарный же вы человек, будь я проклят! Клянусь Мафусаилом, я уйду от вас, если вы сами меня не уволите. Я ночей не спал, все обмозговывал, а теперь, когда я решил взять вас в долю, вы сидите и хнычете: Фрона то, да Фрона се! — Довольно, замолчите!

— К черту! Если бы я знал столько о золоте, сколько вы об уходе за ним...

Корлисс бросился на него, но Дэл отскочил в сторону и выставил кулаки. Потом он нырнул вправо, затем влево и побежал вниз по тропинке на дорогу, где ему легче было защищаться.

— Подождите! — закричал он, когда Корлисс хотел броситься за ним. — Одну секунду. Если я вас побью, вы подниметесь со мной на холм?

— Да.

— А если нет, то вы можете уволить меня. Это будет честно. Начнем.

У Вэнса не было никакого желания драться, и Дэл это хорошо знал. Он разыгрывал Корлисса, притворяясь, что атакует его, или отступал, дразня и стараясь вывести из себя. Как вскоре показалось Вэнсу, Дэл плохо рассчитывал свои движения. Однако неожиданно он обнаружил себя лежащим на снегу. Сознание понемногу возвращалось к нему.

— Как вы это сделали? — запинаясь, произнес он, глядя на старателя, который держал его голову на своих коленях и натирал ему лоб снегом.

— Ничего, ничего, — засмеялся Дэл, помогая ему встать на ноги. — Из вас выйдет толк. Когда-нибудь я вам скажу. Вам еще надо поучиться многому такому, чего вы не найдете в книгах. Только не теперь. Мы еще должны сначала устроиться на ночь, а потом поднимемся на холм.

— Хи-хи! — фыркнул он немного позже, когда они приспособили трубку к юконской печке. — Вы близоруки и медлительны. Не хотели идти со мной? Когда-нибудь я научу вас... Уж будьте спокойны. Когда-нибудь я научу вас!..

— Возьмите топор и идите! — приказал он, когда ночлег был устроен.

Они пошли по дороге в Эльдорадо, заняли в какой-то хижине кирку, лопату и таз, затем направились по уступам к устью Французского Ручья. Вэнс, несмотря на плохое настроение, посмеивался над собой и радовался приключению. Он преувеличивал покорность, с которой следовал за своим победителем. И необыкновенное послушание, которое он проявлял по отношению к своему служащему, заставляло последнего улыбаться.

— Из вас выйдет толк! В вас что-то есть! — Дэл бросил инструменты и внимательно осмотрел занесенный снегом ручей. — Возьмите топор, взберитесь на холм и добудьте мне хороших сухих дров.

Когда Корлисс принес последнюю вязанку дров, Дэл уже очистил от снега и мха две полосы земли, которые пересекались в виде креста.

— Надо копать в этих двух направлениях, — пояснил Дэл. — Может быть, я найду жилу где-нибудь поблизости, но если у меня есть хоть какой-нибудь нюх, то она должна быть как раз здесь. Возможно, что в русле реки она богаче. Но там она находится глубже под землей и там гораздо больше работы. Во всяком случае, она начинается на берегу, и до нее тут не больше двух-трех футов. Только бы напасть на след, а там мы уж будем знать, что делать!

Продолжая болтать, он раскладывал костры на всем протяжении обнаженной земли.

— Слушайте, Корлисс, я хочу, чтобы вы знали, что это еще не поиски жилы. Это просто предварительная работа, а поиски жилы, — он выпрямился, и голос его исполнился благоговения, — это великая наука и сложнейшее искусство. Тут все должно быть точно, волосок к волоску. Глаз должен быть зорким и рука твердой. Когда вы два раза в день добела накалите таз и из целой лопаты песку намываете капельку золота, то это промывка, вот что это такое. Я вам прямо скажу: я лучше неделю не буду есть, чем перестану искать золото.

— И все-таки вы ни на что не променяете хорошую Драку. Бишоп

задумался. Он размышлял, может ли хорошая драка сравниться с тем ощущением, которое испытываешь, держа в руке маленький кусочек золота.

— Нет, нет. Я предпочел бы искать золото. Это как дурман, Корлисс. Если вы хоть раз узнали, что это такое, вы пропали. Вы уж никогда не сможете от этого избавиться. Посмотрите на меня! Вот говорят о несбыточных мечтах. Но они ничего не стоят по сравнению с этим наваждением.

Он подошел к одному из костров и отодвинул горящие головни. Потом взял кирку и вогнал ее в землю. Раздался металлический звук, точно кирка ударилась о твердый цемент.

— Растаяло на два дюйма, — сказал Дэл, запуская пальцы в мокрую грязь. Стебли прошлогодней травы сгорели, и ему удалось вытащить горсть корней. — Ах, черт!

— Что случилось? — спросил Корлисс. — Ах, черт! — бесстрастно повторил тот, бросая покрытые грязью корешки в таз.

Корлисс подошел к нему и наклонился, чтобы внимательно рассмотреть их.

— Подождите! — крикнул он, захватив два или три кусочка грязи и растирая их между пальцами. Показалось что-то желтое.

— Ах, черт! — в третий раз прошептал Дэл. — Первая ласточка. Жила начинается у корней травы и идет вниз.

Склонив голову набок, закрыв глаза и раздув ноздри, он внезапно встал на ноги и понюхал воздух. Корлисс удивленно посмотрел на него. — Ух! — глубоко вздохнул старатель. — Слышите. как пахнет апельсинами?

ГЛАВА XVI

Поход на Французский Холм состоялся в начале рождества. Корлисс и Бишоп не торопились сделать заявку и решили прежде как следует изучить золотоносный участок. Пока они посвятили в свой секрет только нескольких друзей: Харни, Уэлза, Трезвея, одного голландского чечако, у которого были отморожены обе ноги двух человек из горной полиции, одного старого приятеля, с которым Дэл искал золото в Черных Холмах, прачку из Форкса и, наконец, Люсиль Корлисс взял на себя ответственность за привлечение ее к делу и сам отметил ее участок; полковнику осталось только передать ей приглашение прийти и разбогатеть.

Согласно обычаям страны, участники, привлеченные таким путем, отдавали половину прибыли изыскателям. Но Корлисс на это не согласился. Дэл был того же мнения, хотя руководствовался отнюдь не этическими соображениями. С него и так было довольно.

— У меня есть чем заплатить за мою фруктовую ферму, и даже вдвое больше, чем я рассчитывал, — объяснил он. — Если у меня будет еще больше, то я не буду знать, что делать с деньгами.

После того как они напали на жилу, Корлисс решил подыскать себе другого работника. Но, когда он привел в лагерь некоего разбитного калифорнийца, Дэл возмутился.

— Ни за что на свете! — заявил он. — Но ведь вы теперь богаты, — сказал Вэнс. — Вам не к чему работать.

— Богат, черт возьми, — ответил Бишоп, — но по контракту вы не можете рассчитать меня, и я буду работать, пока хватит сил. Поняли?

В пятницу рано утром все заинтересованные лица явились к приисковому комиссару, чтобы утвердиться в правах. После этого новость моментально распространилась по городу. Через пять минут несколько человек уже отправились в путь, а еще через полчаса весь город был на ногах. Чтобы избежать путаницы в установке заявочных столбов, Вэнс и Дэл, зарегистрировав участки, немедленно поехали туда же. Имея документы, скрепленные государственной печатью, они не торопились, пропуская мимо себя поток золотоискателей. На полпути Дэл случайно оглянулся и увидел Сент-Винсента. Журналист быстро шагнул, неся на спине необходимое снаряжение. В этом месте тропинка делала крутой поворот, и, кроме них троих, никого не было видно.

— Не говорите со мной. Делайте вид, что не знаете меня, —

пробормотал Дэл, закрывая лицо носовым платком— Вон там яма с питьевой водой, лягте на живот и притворитесь, будто пьете. А потом идите на участок один. У меня есть кое-какое дельце, с которым я должен покончить. Заклинаю вас памятью вашей матери, не говорите ни со мной, ни с этим негодяем и не показывайте ему вашего лица.

Корлисс удивленно пожал плечами, но послушался, отошел в сторону, лег на снег и стал черпать воду банкой из-под сгущенного молока. Бишоп опустил на одно колено и сделал вид, будто завязывает мокасины. Когда Сент-Винсент подошел к нему, он как раз кончил завязывать узел и бросился вперед с видом человека, который спешит наверстать потерянное время. — Подождите! — закричал ему журналист. Бишоп бросил на него быстрый взгляд, но не остановился.

Сент-Винсент, пустившись бежать, наконец поравнялся с ним. — Эта дорога...

— На Французский Холм, — коротко ответил Дэл. — Я иду туда. Будьте здоровы.

Он устремился вперед, и журналист последовал за ним почти бегом, очевидно, желая идти вместе с ним. Корлисс, все еще лежавший в стороне, поднял голову и увидел их удалявшиеся фигуры. Когда же он заметил, что Дэл свернул направо, к Адамову Ручью, он вдруг все понял и рассмеялся.

Поздно ночью Дэл вернулся в лагерь Эльдорадо совершенно разбитый, но довольный.

— Я ничего ему не сделал! — крикнул он, не успев еще войти в палатку. — Дайте мне чего-нибудь поесть! (Схватив чайник, он стал лить себе в горло горячую жидкость.) Жир, остатки масла, старые мокасины, свечные огарки, все что угодно!

Затем он повалился на койку и стал растирать себе ноги, пока Корлисс поджаривал копченую грудинку и бобы.

— Вас интересует, что с ним? — бормотал Дэл с полным ртом. — Можете держать пари на вашу заявку, что он не дошел до Французского Холма. «Скажите, далеко ли туда?» — сказал Дэл (прекрасно имитируя покровительственный тон Сент-Винсента). — «Далеко ли еще?» (Уже совсем не покровительственно.) «Далеко ли до Французского Холма?» (Слабым голосом.) «Далеко ли, как вы думаете?» (Дрожащим от слез голосом.) «Как далеко?..»

Бишоп громко расхохотался и при этом захлебнулся чаем. Он стал откашливаться и на минуту замолчал.

— Где я его оставил? — проговорил он, придя в себя. — На спуске к Индейской Реке, задыхающегося, разбитого, изможденного. У него,

вероятно, только и хватило сил, что доползти до ближайшего лагеря, ни капельки больше. Я сам прошел ровно пятьдесят миль и адски хочу спать. Спокойной ночи. Не будите меня утром.

Он завернулся в одеяло и, засыпая, все еще бормотал: «Как далеко туда?», «Как далеко, я вас спрашиваю?»

Корлисс был очень раздосадован поведением Люсиль.

— Признаюсь, я не понимаю ее, — говорил он Трезвею. — Я думал, что эта заявка даст ей возможность разделаться с баром.

— Нельзя же вылезти из этого болота за один день, — отвечал полковник.

— Да, но с такими перспективами, как у нее, она уже может начать выкарабкиваться. Я принял это во внимание и предложил ей беспроцентный заем в несколько тысяч, но она не захотела. Сказала, что не нуждается. Правда, она была очень признательна, поблагодарила меня и просила заходить к ней, когда мне вздумается. Трезвей улыбался и играл часовой цепочкой. — Что вы хотите? Даже здесь мы с вами требуем от жизни не только еду, теплое одеяло и юконскую печку. А Люсиль — такое же общественное животное, как и мы, и даже больше. Ну, представьте, покинет она бар. Что же дальше? Будет ли она принята там, наверху, в обществе офицерских жен, сможет ли наносить визиты миссис Шовилл и дружить с Фроной?.. А вы согласитесь пройти с ней днем по людной улице? — А вы? — спросил Вэнс.

— Разумеется, с удовольствием, — ответил полковник, не колеблясь.

— И я тоже, но... — Вэнс запнулся и грустно посмотрел в огонь. — Но вы забываете о ее отношениях с Сент-Винсентом. Они закадычные, друзья и, повсюду бывают вместе. .

— Да, это меня поражает, — согласился Трезвей. — Я понимаю Сент-Винсента. Он ничего не хочет упустить-. Не забывайте, что у Люсиль заявка на Французском Холме. А что до Фроны, то я могу точно указать день, когда она согласится выйти за него замуж, если только она вообще когда-нибудь это сделает. — Когда же это произойдет?

— В тот день, когда Сент-Винсент порвет с Люсиль. Корлисс задумался, а полковник продолжал: — Но я не понимаю Люсиль. Что она находит в Сент-Винсенте?

— У нее вкус не хуже, чем... чем.... у других женщин. Я уверен, что... — поспешно сказал Вэнс.

— Вы, по-видимому, не допускаете, что у Фроны может быть дурной вкус?

Корлисс повернулся на каблуках и вышел. Полковник Трезвей мрачно

улыбнулся.

Вэнс Корлисс и не подозревал, сколько людей на рождественской неделе были прямо или косвенно заинтересованы в его судьбе. Особенно старались два человека — один за него, другой за Фрону. Пит Уипл, старожил, владевший заявкой как раз у подножия Французского Холма, был женат на туземной женщине, и притом не слишком красивой. Мать ее была индианкой и вышла замуж за русского торговца мехами тридцать лет тому назад в Кутлике на Большой Дельте. Как-то в воскресенье утром Бишоп зашел к Уиплу поболтать с ним часок, но застал только его жену. Она говорила на ломаном английском языке, от которого положительно вяли уши. Бишоп решил выкурить трубку и удалиться. Но язык у нее развязался, и она начала рассказывать такое, что он забыл о своем намерении уйти. Он курил трубку за трубкой и, когда она замолкала, просил ее продолжать. Он ворчал, хохотал и ругался, прерывая ее рассказ бесчисленными «ах, черт», что в зависимости от тона выражало испытываемые им чувства.

Посреди разговора женщина достала из ветхого сундука старую, засаленную книгу в кожаном переплете и положила на стол перед собой. Хотя книга оставалась закрытой, она все время ссылалась на нее взглядами и жестами, и каждый раз, как она это делала,» главах Бишопа вспыхивал жадный огонек. В конце концов рассказ был не только закончен, но и повторен от двух до шести раз, и лишь тогда Дэл открыл свой мешок. Миссис Уипл поставила на стол весы для золота, положила на них гири. а Дэл уравновесил их золотым песком на сто долларов. Затем он поднялся к себе на холм, крепко прижимая к груди покупку, вошел в палатку и подошел к Корлиссу, который чинил мокасины, сидя на одеяле.

— Теперь я его поймал! — небрежно проговорил Дэл и, погладив книгу, бросил ее на кровать.

Корлисс вопросительно посмотрел на него и открыл книгу. Она была на русском языке, страницы ее от времени пожелтели, а кое-где даже истлели.

— А я и не знал, что вы изучаете русский языке, Дэл, — пошутил Корлисс. — Я не могу прочесть тут ни строчки.

— Я, к сожалению, тоже, да и жена Уипла умеет лишь еле-еле говорить на непонятном жаргоне. Я достал эту книгу у нее. Но ее отец, вы помните, он был русский, читал ей книгу вслух. И она знает то, что знал ее о ней и что теперь знаю я. — И что ж вы все трое знаете?

— Вот в этом-то и вся штука, — ухмыльнулся Бишоп. — Вы себе сидите спокойно и ждите. Там видно будет Мэт Маккарти пришел по льду в начале рождественской недели и, разузнав все, что касалось Фроны и Сент-

Винсента, остался очень недоволен. Дэйв Харнине только снабдил его подробной информацией, но прибавил еще то, что узнал от Люсиль, с которой был в хороших отношениях. После этого Мэт немедленно соглашался со всеми, кто скверно отзывался о журналисте. Никто не Мог сказать, в чем тут дело, но мужчины не очень-то любили Сент-Винсента. Возможно, это объяснялось его слишком большим успехом у женщин, которые в его присутствии не обращали на других никакого внимания. Это было единственное резонное объяснение, так как в общем он держался с мужчинами прекрасно. В нем не чувствовалось никакого желания выказать свое превосходство, и со всеми он был на равной ноге.

Выслушав Люсиль и Харни, Мэт Маккарти воздержался от выводов. Он лишь захотел понаблюдать часок за Сент-Винсентом в доме Джекоба Уэлза. Мэт решил это сделать, несмотря на то, что слова Люсиль расходились с тем, что он знал о ее близости с этим человеком. Преданный друг и горячая голова, Мэт не привык тратить время попусту.

— Я сам займусь этим делом, как подобает представителю благородной династии Эльдорадо, — заявил он и пошел на холм к Дэйву Харни сыграть партию в вист. Про себя же он добавил: «Если сатана не желает присматривать за своим отродьем, то этого щелкопера я возьму на себя».

Однако в течение вечера он несколько раз изменял свои планы. Несмотря на хитрость, прикрытую личиной простака, Мэт временами чувствовал, что у него ускользает почва из-под ног. Сент-Винсент вел себя прекрасно. Он казался простым, веселым, искренним парнем. Он любил посмеяться и добродушно переносил насмешки других, был вполне демократичен, и Мэ(т Маккарти не мог уловить ни одной фальшивой нотки в его поведении.

«Ах, пес тебя заешь! — думал Мэт, рассматривая свои карты, среди которых было много козырей. — Неужели годы дают себя знать, и моя кровь уже не греет меня? Он кажется славным парнем. Почему же я должен плохо относиться к нему, если он нравится женщинам, если эти создания рады видеть его? Смелость и красивые глаза — вот что привлекает их в мужчинах больше всего. Дамы дрожат и взвизгивают, слушая рассказы о войне, и в кого же они влюбляются с первого взгляда, как не в мясника и солдата? Этот парень совершил много отчаянных поступков, и поэтому женщины так мило улыбаются ему. Но это еще ничего не значит. Для меня он прежде всего отродье сатаны. Ты старый хрыч, Мэт Маккарти! Твое лето больше уж не вернется. Ты скоро совсем окостенеешь! Но подожди немного, Мэт, подожди, — добавил он, — пока ты не покуешь вкус его

мяса».

Случай представился скоро, когда Сент-Винсент и сидящая против него Фрона взяли все тринадцать взяток.

— Ах, грабитель! — закричал Мэт. — Винсент, мой мальчик! Вашу руку, дорогой мой!

Это было крепкое пожатие, но Мэт не почувствовал в нем сердечности и с сомнением покачал головой.

— Х Чего тут думать, — бормотал он, тасуя карты. — Ты старый дурак! Сначала узнай, как обстоит дело с Фроной. И если она влюблена, то действуй!

— О, Маккарти всегда такой, — уверял Дэйв Харни, приходя на помощь Сент-Винсенту, который был не в восторге от грубых острот ирландца. Было уже поздно, и все надевали шубы и рукавицы. — Не говорил ли он вам, как он раз посетил собор, когда был в Штатах? Дело было так. Он сам рассказывал мне. Он вошел в собор во время службы, застал священников и певчих в полном облачении — в кухлянках, как он выразился, — и смотрел, как они кадят. И знаете, Дэйв, говорил он мне, они напустили дыма, черт его знает сколько, а там не было ни одного самого паршивенького москита.

— Верно. Так оно и было, — без тени смущения подтвердил Мэт. — А вот вам никто не рассказывал, как мы с Дэйвом опьянели от сгущенного молока?

— Боже, какой ужас! — воскликнула миссис Шовилл. — Расскажите.

— Это было во время свечного голода, на Сороковой Миле. В страшный мороз Дэйв прибежал ко мне убить время. При виде моего сгущенного молока у него разгорелись глаза. «Что вы скажете насчет глотка хорошей водки, той, что продает Моран?» — сказал он, рассматривая ящик с молоком. Должен сознаться, что при одной мысли о водке у меня потекли слюнки. «Что тут говорить, — отвечаю я, — когда мой мешок пуст». «Свечи стоят двенадцать долларов дюжина, — говорит он, — по доллару за штуку. Даете шесть банок молока за бутылку горяченькой?» «А как вы это устроите?» — спрашиваю я. «Будьте спокойны, — говорит он. — Давайте банки. На дворе холодно, и у меня есть несколько форм для свечей».

То, что я вам рассказываю, — святая истина. И если вы встретите Билла Морана, то он вам подтвердит мои слова. Что же делает Дэйв Харни? Он берет мои шесть банок, замораживает их в своих формах для свечей и продает Биллу Морану за бутылку виски.

Когда смех немного затих раздался голос Харни: — Все, что рассказывает Маккарти, верно. Но это только половина. Угадайте, Мэт, чем

это кончилось? Мэт покачал головой.

— Так как у меня не было ни молока, ни сахара, то в три банки я подлил воды и сделал свечи, а потом целый месяц пил кофе с молоком.

— На сей раз я вас прощаю, Дэйв, — сказал Маккарти, — и только потому, что я у вас в гостях и не хочу шокировать дам. Идите провожайте гостей, нам надо уходить.

— Нет, нет, дамский угодник, — сказал он, заметя, что Сент-Винсент подбирается к Фроне. — Сегодня она пойдет со своим приемным отцом.

Маккарти тихо рассмеялся и предложил Фроне руку. А Сент-Винсент под общий смех присоединился к миссис Мортимер и барону Курбертену.

— Что это я слышал относительно вас и Винсента? — прямо начал Мэт, как только они остались вместе.

Его сверлящие серые глаза так и впились в лицо Фроны, но она спокойно выдержала его взгляд.

— Как я могу знать, что вы слышали? — отпарировала она.

— Когда речь идет о мужчине и женщине, и когда женщина красива, а мужчина тоже не урод, и оба они не женаты, то может быть только один разговор. — А именно?

— Разговор о самом важном, что может быть в жизни.

— Так о чем же? — Фрона немного злилась и не хотела пойти ему навстречу.

— О браке разумеется, — выпалил Мэт. — Говорят, что у вас к этому идет дело.

— А о том, что к этому придет, ничего не говорят? — Разве на это похоже?

— Отнюдь нет! И вы достаточно пожили на свете, чтобы это знать. Мистер Сент-Винсент и я — большие друзья, вот и все. А если бы даже было так, как вы говорите? Ну и что тогда?

— Ладно, — осторожно сказал Мэт. — Говорят, что Винсент путается с одной городской девкой. Ее зовут Люсиль.

— Что же это доказывает? Она ждала, а Маккарти наблюдал за ней. — Я знаю Люсиль, и она нравится мне, — продолжала Фрона, с вызывающим видом прерывая молчание. — Ведь вы тоже ее знаете. Разве она вам не нравится?

Мэт хотел заговорить, откашлялся, но остановился. Наконец он выпалил в совершенном отчаянии: — Знаете, Фрона, я готов вас выпороть. Она рассмеялась.

— Не посмеете. Я больше не девчонка и не бегаю босиком по Дайе.

— Не дразните меня, — пригрозил он ей. — И не думаю. Так вам не

нравится Люсиль? — А вам-то что? — спросил он вызывающим тоном. — Я тоже спрашиваю: «Вам-то что?» — Ну, ладно. Тогда я вам скажу напрямик. Я старик и гожусь вам в отцы. Со стороны порядочного мужчины неприлично, дьявольски неприлично водить знакомство с молодой девушкой, когда он...

— Спасибо, — — засмеялась она, делая реверанс. Потом прибавила с горечью: — Были и другие... — Кто именно? — быстро спросил он. — Ничего, ничего. Продолжайте. Итак, вы сказали... — Что очень стыдно мужчине бывать у вас и в то же время путаться с такой женщиной, как она. — Но почему же?

— Якшаться с подонками, а потом приходить к чистой девушке! И вы еще спрашиваете, почему?

— Но подождите, Мэт, подождите минутку. Допуская ваше предположение...

— — Я и понятия не имею о предположениях, — проворчал он. — Факты налицо. Фрона закусила губу.

— Все равно. Пусть будет по-вашему, но я тоже располагаю фактами. Когда вы в последний раз видели Люсиль?

— А почему вас это интересует? — подозрительно спросил он.

— Неважно, почему. Выкладывайте факты. — Пожалуйста. Вчера вечером, если вам так хочется знать.

— И вы танцевали с ней?

— Виргинский рил и парочку кадрилей. Я только эти танцы и люблю.

Фрона шла, делая вид, что сердится. Оба не говорили ни слова. Слышен был только скрип снега под их мокасынами.

— Ну, так в чем же дело? — спросил он беспокойно. — О, ни в чем, — ответила она. — Я просто думаю, кто из нас хуже — мистер Сент-Винсент, вы или я, с которой вы оба дружите.

Мэт не был искушен в светских премудростях. И хотя он чувствовал что-то не то в поведении Фроны, он не мог выразить это словами и потому попытался незаметно увильнуть от опасной темы.

— Вы сердитесь на старого Мэта, а он только и думает о вашем благе и делает из-за вас тысячу глупостей, — заискивающе сказал он. — Я вовсе не сержусь. — Нет, сердитесь.

— Так вот же вам! — Она быстро наклонилась и поцеловала его. — Как я могу сердиться на вас, когда я помню Дайю!

— Ах, Фрона, дорогая, как хорошо, что вы это говорите. Лучше топчите ногами, только не смейтесь надо мной. Я готов умереть за вас или быть повешенным, только бы вы были счастливы. Я способен убить

человека, который причинит вам хоть малейшее огорчение. Я готов пойти за вас в ад с улыбкой на лице и с радостью в сердце.

Они остановились у дверей ее дома, и она благодарно пожала ему руку.

— Я не сержусь, Мэт. За исключением моего отца вы единственный человек, которому я позволяю говорить со мной в таком тоне. И хотя я люблю вас теперь больше, чем когда-либо, я все же очень рассержусь, если вы еще упомянете об этом. Вы не имеете на это права. Это касается меня одной, и вы поступили нехорошо.

— Что предупредил вас об опасности? — Да, если хотите. Он глубоко вздохнул. — Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Что вы можете заткнуть мне рот, но не можете связать мне руки.

— Но, Мэт, дорогой мой, вы не должны! Он пробормотал что-то невнятное.

— Вы должны обещать мне, что не будете ни словом, ни делом вмешиваться в мою жизнь. — Не обещаю. — Но вы должны.

— Нет. И, кроме того, становится холодно, и вы отморозите себе ваши маленькие розовые пальчики, помните, я вынимал из них занозы, когда вы жили у Дайи? Ну, марш домой. Фрона, девочка моя, спокойной ночи.

Мэт довел ее до порога и ушел. Дойдя до угла, он внезапно остановился и уставился на свою тень на снегу.

— Мэт Маккарти, ты дурак, каких свет не рожал! Слыханное ли это дело, чтобы кто-нибудь из Уэлзов не знал, что ему нужно? Разве ты не знаешь эту породу упрямцев? Эх ты, несчастный нытик!

И он двинулся дальше, продолжая ворчать себе под нос. Каждый раз, как его воркотня доносилась до волкодава, бежавшего за ним по пятам, собака настораживалась и показывала клыки.

ГЛАВА XVII

— Устала?

Джекоб Уэлз положил руки Фроне на плечи, и в глазах его отразилась вся любовь, которую не умел передать его скупой язык. Елка и шумное веселье, связанное с ней, были окончены. Приглашенные на праздник ребятишки вернулись домой, замерзшие и счастливые, последний гость ушел, и на смену сочельнику приходил первый день рождества.

Фрона радостно посмотрела на отца, и они уселись в широкие удобные кресла по обеим сторонам камина, где догорали дрова.

— Что случится через год в этот самый день? — как бы обратился он к пылающему полену; оно ярко вспыхнуло и рассыпалось миллионами искр. Это было похоже на зловещее предзнаменование. — Удивительно, — продолжал .он, отгоняя от себя мысль о будущем и стараясь не поддаваться дурному настроению. Эти последние месяцы, которые ты провела со мной, кажутся мне сплошным чудом. Ты ведь знаешь, со. времени твоего детства мы редко бывали вместе. Когда я думаю об этом серьезно, мне трудно представить, что ты действительно моя дочь, плоть от плоти моей. Пока ты была растрепанной маленькой дикаркой с Дайи, здоровым нормальным зверенышем и только, мне не требовалось большого воображения, чтобы видеть в тебе отпрыск Уэлзов. Но Фрону, женщину, какой ты была сегодня вечером, какой я вижу тебя с минуты твоего приезда, — это трудно... я не могу себе представить... я... — -он запнулся и беспомощно развел руками. — Я почти жалею, что дал тебе образование, а не оставил тебя при себе, чтобы ты сопровождала меня в моих путешествиях и приключениях, деля со мной все мои радости и неудачи. Тогда бы, сидя у камина, я узнал в тебе мою дочь. А теперь не узнаю. К тому, что было мне знакомо, прибавилось... не знаю, как это назвать... какая-то утонченность, сложность

— это твои любимые выражения, — нечто недоступное мне. Нет. — Движением руки он остановил ее. Она подошла ближе и, опустившись на колени, горячо сжала

его руку. — Нет, совсем не так. Я не могу подобрать слова. Не нахожу их. Я не умею высказывать то, что чувствую, но попытаюсь еще раз. Несмотря ни на что, в тебе сохранилась печать нашей породы. Я знал, что ты можешь измениться, и шел на риск, отсылая тебя, но я верил, что в твоих жилах течет кровь Уэлзов. Я боялся и сомневался, пока ты была

вдали от меня; ждал, молился без слов и начинал терять надежду. А затем наступил день, великий день! Когда мне сказали, что твоя лодка уже близко, я увидел около себя с одной стороны смерть, а с другой — вечную жизнь... Либо пан, либо пропал. Эти слова звучали в моей голове, доводя меня до безумия. Сохранилась ли в ней порода Уэлзов? Течет ли еще в ней наша кровь? Увижу ли я молодой росток прямым и высоким, полным жизненных сил? Или же он опустился, вялый и безжизненный, погубленный зноем другого мира, непохожего на простой, естественный мирок Дайи?

Да, то был великий день, и все же что-то похожее на трагедию скрывалось в этом напряженном, томительном ожидании. Ты ведь знаешь, как я прожил эти годы, борясь в одиночестве, а ты, единственный близкий мне человек, была далеко. Если бы этот опыт не удался... Когда твоя лодка вынырнула из-за льдин, я боялся взглянуть на нее. Меня никто еще не называл трусом, но здесь я впервые почувствовал себя малодушным. Да, в ту минуту я охотнее принял бы смерть. В этом было безумие, нелепость. Как мог я знать, радоваться мне или нет, когда твоя лодка виднелась лишь точкой на реке? Но я все же смотрел, и чудо пришло. Я это понял. Ты правила веслом, ты была дочерью Уэлза. Это может показаться пустяком, но для меня это было очень важно. Такого нельзя было ожидать от обыкновенной женщины, а только от дочери Уэлза. И когда Бишоп соскочил на лед, ты быстро сообразила, что нужно делать: налегла на весло и заставила сивашей подчиниться своей команде. Тогда наступил великий день.

— Я всегда старалась и помнила, — шепнула Фрона. Она тихо приподнялась, обвила руками шею отца и припала головой к его груди. Он слегка обнял ее одной рукой, а другой стал играть блестящими волнами ее волос.

— Повторяю, печать породы не стерлась. Но разница все же была и есть. Я проследил ее, изучил, старался ее понять. Я сидел рядом с тобой за столом, гордился тобой, но чувствовал себя подавленным. Когда ты говорила о мелочах, я мог следить за твоей мыслью, но в серьезных вопросах чувствовал свое ничтожество. Я понимал тебя, умел заинтересовать, и вдруг... ты отдалялась и исчезала, и я терял почву. Только дурак не сознает своего невежества; у меня хватило ума увидеть это. Искусство, поэзия, музыка — что я в них смыслю? А для тебя это — главное в жизни и важнее тех мелочей, которые я в состоянии понять. А я-то слепо надеялся, что мы будем так же родственны духом, как и плотью. Это было горько, но я понял и примирился с этим. Но видеть, как моя

собственная дочь отдаляется от меня, избегает меня, перерастает меня! Это действует ошеломляюще. Боже! Я слышал, как ты читала твое Браунинга — нет, нет, молчи, — я наблюдал за игрой твоего лица, за твоим страстным воодушевлением, и в то же время все эти слова казались мне бессмысленными, монотонными, раздражающими. А миссис Шовилл сидела тут же, с выражением идиотского экстаза, понимая не больше меня. Право, мне хотелось ее задушить.

Ну и что же. Я ночью прокрался к себе с твоим Браунингом и заперся, дрожа точно вор. Слова показались мне бессмысленными. Я колотил себя по голове кулаком, как дикарь, стараясь вбить в нее хоть искру понимания. Моя жизнь — узкая, глубокая колея. Я делал то, что было необходимо, и делал это хорошо; но время ушло, и я уже не могу повернуть обратно. Меня, сильного и властного, смело игравшего судьбой, меня, который в состоянии купить душу и тело тысячи поэтов и художников, поставили в тупик несколько грошовых печатных страниц! Он молча погладил ее волосы. — Вернемся к сути. Я хотел достигнуть невозможного, бороться с неизбежным. Я отослал тебя, чтобы ты могла научиться тому, чего не хватает мне, мечтая, что наши души останутся близкими. Как будто можно к двойке прибавить двойку и получить в результате тоже двойку. Итак, в конечном итоге порода сохранилась, но ты научилась чужому языку. Когда ты говоришь на нем, я глух. Больнее всего мне сознавать, что этот язык богаче и культурнее моего языка. Не знаю, зачем я все это говорю, зачем сознаюсь в своей слабости...

— О отец мой! Самый великий из людей! — Она подняла голову, рассмеялась и откинула назад густые пепельные волосы, падавшие ему на лоб. — Ты сильнее, ты совершил больше, чем все эти художники и поэты. Ты так хорошо знаешь изменчивые законы жизни. Разве та же жалоба не вырвалась бы у твоего отца, если бы он сейчас сидел рядом с тобой и видел тебя и твои дела?

— Да, да. Я сказал, что все понимаю. Не будем говорить об этом... минута слабости. Мой отец был великий человек. — Мой тоже.

— Он боролся до конца своих дней. Он всецело отдался великой борьбе в одиночку, — Мой тоже. — И умер в борьбе.

— Это участь моего отца и всех нас, Уэлзов. Он шутливо потряс ее за плечи в знак того, что к нему вернулось хорошее настроение.

— Но я решил разделаться с рудниками, компанией и всем остальным и приняться за изучение Браунинга.

— Опять борьба. Ты не можешь отречься от самого себя, отец.

— Почему ты не мальчик? — внезапно спросил он. — Ты была бы

чудесным мальчишкой. А теперь, как женщина, созданная для того, чтобы составить счастье какого-нибудь мужчины, ты уйдешь от меня — завтра, через день, через год, — кто знает, когда именно? Ах, теперь я понимаю, к чему клонилась моя мысль. Зная тебя, я считаю это правильным и неизбежным. Но этот человек, Фрона, этот человек?

— Не надо, — прошептала Фрона. — Расскажи мне о последней битве твоего отца, о великой, одинокой борьбе в Городе Сокровищ. Их было десять против него одного, но он боролся. Расскажи мне.

— Нет, Фрона. Сознаешь ли ты, что мы первый раз в жизни говорим с тобой серьезно, как отец с дочерью? У тебя не было матери, чтобы руководить тобой; не было отца, так как я понадеялся на кровь Уэлзов и отпустил тебя далеко. Как выяснилось, я не ошибся. Но приходит время, когда совет матери необходим, а ты никогда не знала своей матери.

Фрона сразу затихла и выжидала дальнейшего, крепко прижавшись к отцу.

— Этот человек, Сент-Винсент... Как обстоит дело между вами?

— Я... я... не знаю. Что ты хочешь сказать? — Помни, Фрона, ты свободна в своем выборе; последнее слово всегда за тобой. Но все-таки я хотел бы знать. Я, может быть... мог бы посоветовать... Ничего больше...

Во всем этом было что-то необъяснимо священное. Она не находила слов, и в голове ее носился вихрь бессвязных мыслей. Поймет ли он ее? Ведь между ними была разница, которая могла помешать ему признать мотивы, обязательные для нее. Она всегда ценила его природный здравый ум и любовь к правде. Но согласится ли он с тем, чему она научилась вдали от него? Она мысленно посмотрела на себя со стороны и почувствовала, что любые подозрения излишни.

— Между нами ничего нет, отец! — решительно сказала она. — Мистер Сент-Винсент ничего не говорил мне, ничего. Мы хорошие друзья, мы симпатичны друг другу, мы очень хорошие друзья. Кажется, это все.

— Но вы нравитесь друг другу, он тебе нравится. Но как? Так ли, как нравится женщине мужчина, с которым она может честно разделить жизнь, отдав ему себя? Чувствуешь ли ты то же, что и Руфь? Сможешь ли ты сказать, когда придет время: «Твой народ будет моим народом, твой бог — моим богом»?

— Нет. Но я не могу, не смею задать себе этот вопрос, как не могу не говорить и не думать об этом. Это — великое чувство. Никто не знает, как и почему оно приходит. Все это похоже на сверканье белой молнии, и в нем — откровение, озаряющее все на свете. Так я по крайней мере это себе представляю.

Джекоб Уэлз медленно, словно раздумывая, покачал головой. Он все понимал, но хотел еще раз обдумать и взвесить.

— Но почему ты спросил о нем, отец? О Сент-Винсенте? У меня есть и другие друзья.

— Они не вызывают у меня того чувства, что он. Будем откровенны, Фрона, и простим друг другу те огорчения, которые можем невольно причинить. Мое мнение не ценнее всякого другого. Каждому свойственно ошибаться. И я не могу объяснить своего чувства. Вероятно, я испытываю нечто вроде того, что будет с тобой, когда сверкание молнии ослепит твои глаза. Словом, мне не нравится Сент-Винсент.

— Это мнение почти всех мужчин, — заметила Фрона, испытывая неудержимое желание встать на защиту Сент-Винсента.

— Такое совпадение во взглядах только подтверждает мое мнение, — возразил он мягко. — Но я принимаю во внимание эту чисто мужскую точку зрения. Его популярность среди женщин, вероятно, объясняется тем, что у них свое особое мнение, которое отличается от мужского в такой же степени, в какой женщина отличается от мужчины физически и духовно. Это слишком сложно, и я не умею это объяснить. Я только слушаюсь своего внутреннего голоса и стараюсь быть справедливым.

— Ты не можешь высказаться более определенно? — спросила она, стараясь понять его. — Объясни мне хоть частицу того, что ты чувствуешь.

— Я не решаюсь. Интуиция не поддается определению. Впрочем, попытаюсь. Мы, Уэлзы, никогда не имели дело с трусами. Там, где налицо трусость, ничто не устоит. Это равносильно постройке здания на песке или скверной болезни, которая сидит внутри человека, и никто не знает, когда она наконец проявится.

— Мне кажется, что мистера Сент-Винсента никак нельзя заподозрить в трусости. Я не могу себе этого представить.

Уэлза огорчило расстроенное лицо дочери. — Я не знаю ничего определенного про Сент-Винсента. У меня нет доказательств, что он не то, за что хочет сойти. Но все же я это чувствую, хотя мне, как и всякому человеку, свойственно ошибаться. Я кое-что слышал о грязном скандале в баре. Пойми, Фрона, я не осуждаю драки — мужчины остаются мужчинами, — но, говорят, в эту ночь он вел себя не так, как подобает мужчине.

— Но, как ты сказал, отец, мужчины остаются мужчинами. Мы хотели бы их видеть другими, и мир от этого стал бы, несомненно, лучше. Но все же нам приходится принимать их такими, каковы они есть. Люсиль...

— Нет, нет, ты не поняла меня. Я не ее имел в виду, а драку. Он не

хотел... Он струсил.

— Ведь ты сам сказал, что об этом только говорят. Он рассказывал мне об этом происшествии. Вряд ли он решился бы на это, если бы здесь было что-нибудь такое...

— Я ни в чем не обвиняю его, — поспешно вставил Джекоб Уэлз. — Это только слухи, и предубеждение мужчин против него служит достаточным объяснением этой истории. Все это, во всяком случае, не имеет значения. Мне не следовало говорить об этом, потому что я знал в свое время прекрасных людей, которые внезапно поддавались страху. А теперь выбросим все это из головы. Я хотел только дать тебе совет и, кажется, сделал промах. Но пойми

одно, Фрона, — прибавил он, поворачивая к себе ее лицо. — Прежде всего ты моя дочь и можешь распоряжаться собой как найдешь нужным. Ты вольна хорошо устроить свою жизнь или испортить ее. В своих поступках ты должна быть самостоятельной, и мое влияние тут ничего не может изменить. Иначе ты не была бы моей дочерью. Никто из Уэлзов не подчинялся приказу. Они предпочитали умереть либо уходили на край света строить новую жизнь.

Если бы ты считала, что танцевальные вечера — подходящее место для проявления твоих способностей, то я, возможно бы, и огорчился, но на другой же день разрешил тебе посещать их. Было бы неразумно препятствовать тебе, и, кроме того, у нас это не принято. Уэлзы не раз единодушно поддерживали безнадежное дело. Обычаи не для таких, как мы. Они нужны черни, которая без них опустилась бы еще ниже. Слабые должны повиноваться, иначе их раздавят; но это не относится к сильным. Масса — ничто; личность — все; индивидуум всегда управляет массой и диктует ей свои законы. Я плюю на мнение света! Если бы кто-нибудь из Уэлзов произвел на свет незаконного ребенка — что ж, значит, такова его воля. Ты осталась бы дочерью Уэлза, и мы держались бы вместе, перед лицом ада и неба, перед лицом самого бога. В тебе течет моя кровь, Фрона.

— Ты лучше меня, — прошептала она, целуя его в лоб, и ее ласка показалась ему нежным прикосновением листа, падающего в тихом осеннем воздухе.

И при догорающем огне он начал рассказывать ей об их предке — отважном Уэлзе, который вел одинокую великую борьбу и умер, сражаясь в Городе Сокровищ.

ГЛАВА XVIII

«Кукольный дом» имел большой успех. Миссис Шовилл изливала свой восторг в таких неумеренных и неподходящих выражениях, что Джекоб Уэлз, стоявший рядом, уставился сверкающим взглядом на ее полную белую шею, а рука его сделала бессознательное движение, словно сжимая невидимое дыхательное горло. Дэйв Харни много распространялся о совершенстве драмы, хотя выразил сомнение в правильности философии Норы, и клялся всеми пуританскими богами, что Торвальд — самый длинноухий осел обоих полушарий. Миссис Мортимер, противница этой литературной школы, признала, что артисты сгладили недостатки пьесы. Маккарти заявил, что он нисколько не осуждает душечку Нору, но в частной беседе сообщил приисковому комиссару, что какая-нибудь песенка или танец не испортили бы спектакля.

— Понятно, Нора была права, — убеждал он Харни, идя вместе с ним вслед за Фроной и Сент-Винсентом. — Я бы... — Резина...

— К черту резину! — раздраженно воскликнул Мэт. — Как я уже говорил, — невозмутимо продолжал Харни, — резиновая обувь сильно подорожает к весне. Три унции за пару, на этом можно будет хорошо заработать. Если мы теперь наберем их побольше, по унции за пару, то наживемся на каждой сделке вдвое. Чудное дельце, Мэт!

— Ступайте к черту со своим дельцем! У меня сейчас на уме Нора.

Они простились с Фроной и Сент-Винсентом и пошли по направлению к бару, пререкаясь под звездным небом.

Грегори Сент-Винсент громко вздохнул. — Наконец-то.

— Что наконец-то? — равнодушно спросила Фрона. — Наконец-то мне представляется случай сказать вам, как вы прекрасно играли. Вы поразительно провели заключительную сцену, так хорошо, что мне казалось, будто вы действительно навсегда уходите из моей жизни. — Какое несчастье! — Это было ужасно. — Неужели?

— Да. Я все это применил к себе. Вы были не Норой, а Фроной, а я не Торвальдом, а Грегори. Когда вы вошли в пальто и шляпе, с дорожным чемоданом в руке, мне показалось, что я не в силах буду остаться и довести свою роль до конца. А когда дверь за вами захлопнулась и вы ушли, меня спас только занавес. Благодаря ему я пришел в себя, а то я чуть было не кинулся вслед за вами на глазах у всей публики.

— Странно, что заученная роль может так подействовать на

человека, — заметила Фрона.

— Или, скорее, скорее человек на роль, — заметил Сент-Винсент.

Фрона ничего не ответила, и они молча пошли дальше. Она все еще находилась под обаянием вечера, и приподнятое настроение, овладевшее ею на сцене, не покидало ее. Кроме того, она угадывала скрытый смысл слов Сент-Винсента, и ею овладела та робость, которая сковывает женщину перед решительным объяснением с мужчиной.

Стояла светлая, холодная ночь, не слишком холодная — не более сорока градусов мороза, — и вся окрестность была залита мягким, рассеянным светом, который шел не от звезд и не от луны, а, казалось, откуда-то с противоположной стороны земного шара. С юго-востока до северо-запада край неба был окаймлен бледно-зеленой полосой, — от нее-то и исходило это матовое сияние.

Внезапно, словно вспыхнул факел, небо перерезала белая полоса света. В одно мгновение ночь преобразилась в феерический день, а затем спустился еще более глубокий мрак. Но на юго-востоке было заметно какое-то бесшумное движение. Мерцающая зеленоватая дымка клубилась и бурлила, то поднимаясь, то опускаясь, и, словно нащупывая что-то, по небу метались огромные призрачные руки. Еще раз гигантский сноп света извилистой огненной линией перерезал небо и, как молния, скрылся за горизонтом. И опять наступила темная ночь. Но вот, становясь все шире и ярче, щедро разбрасывая вокруг себя потоки света, это сияние вспыхнуло вновь над головой и помчалось дальше на край неба, оставив позади себя светящийся мост, и теперь мост удержался!

Вслед за этим полыханием молчание земли было нарушено протяжным воем десяти тысяч волкодавов, которые излили в нем свой страх и тоску. Фрона вздрогнула, и Сент-Винсент обнял ее за талию. С легким трепетом смутного восторга проснувшись в ней женщина почувствовала прикосновение мужчины, но она не сопротивлялась. И в то время, как вокруг жалобно выли волкодавы, а северное сияние играло над головой, он заключил ее в свои объятия.

— Продолжать ли мне мой рассказ? — прошептал он.

Она положила усталую голову на его плечо, и они вместе залюбовались пылающим сводом, где тускнели и гасли звезды. То ослабевая, то сгущаясь, пульсируя в каком-то бешеном ритме, все краски спектра разлились по небу. Затем небо приняло очертания гигантского свода, где царственный пурпур переходил в зеленые переливы цвета морской волны; огненные нити свивались и переплетались с пылающими волнами, пока нежнейшая кисея, красочная и неповторимая, не упала

легкой воздушной вуалью на лицо изумленной ночи.

Без всякого предупреждения дерзкая черная рука разъединила светящийся мост, и он растаял, покраснев от смущения. Ключья темноты надвинулись со всех сторон. Тут и там массы рассеянных красок и угасающего огня робко прокрадывались к горизонту. А затем величественная ночь снова вернулась в свои владения, и звезды одна за другой высыпали на небе, и волкодавы начали выть снова.

— Я могу предложить вам так мало, дорогая, — сказал мужчина с едва заметной горечью. — Неверную судьбу бродяги-цыгана.

А женщина, взяв его руку и прижимая ее к сердцу, повторила то, что до нее сказала когда-то одна великая женщина: — «Шалаш и корка хлеба с вами, Ричард».

ГЛАВА XIX

Хау-Хэ была простой индианкой, многочисленные предки которой питались сырой рыбой и разрывали мясо зубами. Поэтому мораль ее была груба и примитивна. Но долгая жизнь среди белых сроднила ее с их нравами и обычаями, несмотря на то, что в глубине души она все еще продолжала презрительно фыркать на эти обычаи. Прослужив десять лет кухаркой в доме Джекоба Уэлза, она с тех пор всегда занимала здесь ту или иную должность. И когда в одно пасмурное январское утро в ответ на громкий стук она открыла дверь и увидела посетительницу, то даже от ее невозмутимости не осталось и следа. Обыкновенные мужчины или женщины не могли бы так скоро узнать гостью. Но способность Хау-Хэ наблюдать и запоминать мелкие подробности развилась в суровой школе, где смерть подстерегала ротозеев, а Жизнь приветствовала бдительных.

Хау-Хэ смерила взглядом стоявшую перед ней женщину. Сквозь густую вуаль она с трудом различила блеск ее глаз. Расшитая кухлянка с поднятым капюшоном скрывала волосы и очертания ее фигуры. Хау-Хэ в замешательстве продолжала смотреть на гостью. Было что-то знакомое в этом смутном облике. Она еще раз взглянула на голову, закрытую капюшоном, и узнала характерную посадку. Глаза Хау-Хэ затуманились, когда в ее нехитром сознании возникли аккуратно разложенные по полочкам скудные впечатления всей ее жизни. В них не было ни путаницы, ни беспорядка, не было противоречий и постоянного воздействия сложных эмоций, запутанных теорий, ошеломляющих абстракций, — были только простые факты, тщательно классифицированные и систематически подобранные. Из всех тайников прошлого она безошибочно отобрала и сопоставила только то, что помогло ей оценить настоящий момент. Тогда мрак, окружавший женщину, рассеялся, и Хау-Хэ разгадала ее всю до конца, со всеми ее словами, делами, обликом и биографией.

— Твоя лучше убираться быстро-быстро, — заявила Хау-Хэ.

— Мисс Уэлз... Мне нужно ее видеть. Незнакомка говорила спокойным, решительным тоном, в котором чувствовалась упрямая воля. Но это не подействовало на Хау-Хэ.

— Твоя лучше уйти, — упрямо повторила она. — Вот, передайте это, пожалуйста, Фроне Уэлз и, — она придержала коленом дверь, — оставьте дверь открытой. Хау-Хэ нахмурилась, но записку взяла; она не могла сбросить с себя ярмо десятилетнего служения высшей расе. «Можно мне

вас видеть? Люсиль Так гласила записка. Фрона выжидающе посмотрела на индианку.

— Она прет ногой вперед, — объяснила Хау-Хэ, — моя говорит ей убирайся подобра-поздорову. А? Как скажешь? Она нехороший. Она...

— Нет. — Фрона на минуту задумалась. — Приведи ее сюда. — А лучше бы... — Ступай!

Хау-Хэ, ворча, повиновалась, она не могла не повиноваться. Но когда она спускалась по лестнице к входной двери, в ее голове смутно промелькнула мысль о случайности происхождения белой или темной кожи, создающей господ и рабов.

Одним взглядом Люсиль охватила Фрону, которая стояла на переднем плане и, улыбаясь, протягивала ей руку, изящный туалетный столик, простую, но изысканную обстановку, тысячу мелочей девичьей комнаты; и вся эта дышащая чистотой и свежестью атмосфера заставила ее с болью вспомнить о своей юности. Но это продолжалось недолго. Затем она вновь приняла свой обычный сдержанный вид.

— Я рада, что вы пришли, — сказала Фрона. — Я очень хотела вас видеть и... но снимите, пожалуйста, эту тяжелую кухлянку. Какая она толстая! И что за чудесный мех! И какая отделка!

— Это из Сибири. — Люсиль хотелось еще прибавить, что это подарок Сент-Винсента, но вместо этого она заметила: — Там еще не научились работать кое-как.

Она опустила в низкую качалку с прирожденной грацией, которая не ускользнула от Фроны, любящей красоту, и, молча, с гордо откинутой головой слушала Фрону, весело наблюдая за ее мучительными попытками поддержать разговор.

«Зачем она пришла?» — думала Фрона, говоря о мехах, погоде и других безразличных вещах.

— Если вы ничего не скажете, Люсиль, я начну нервничать, — сказала наконец она в отчаянии. — Что-нибудь случилось?

Люсиль подошла к зеркалу и извлекла из-под разбросанных безделушек миниатюрный портрет Фроны.

— Это вы? Сколько вам здесь лет? — Шестнадцать. — Сильфида, но холодная, северная. — У нас кровь поздно согревается, — заметила Фрона, — но...

— Но от этого она не менее горяча, — засмеялась Люсиль. — А теперь сколько вам лет? — Двадцать.

— Двадцать, — медленно повторила Люсиль. — Двадцать. — Она вернулась на свое место. — Вам двадцать, а мне двадцать четыре. — Такая

маленькая разница.

— Но наша кровь рано согревается. — Люсиль бросила это замечание как бы через бездонную пропасть, которую не могли заполнить четыре года.

Фрона с трудом скрывала свою досаду. Люсиль снова подошла к туалетному столу, посмотрела на миниатюру и вернулась на место.

— Что вы думаете о любви? — неожиданно спросила она; в ее улыбке было слишком много откровенности. — О любви? — смутилась Фрона. — Да, о любви. Что вы знаете о ней? Что вы о ней думаете?

Поток определений, сияющих и красочных, промелькнул в уме Фроны, но она отказалась от них и ответила:

— Любовь — это самопожертвование. — Отлично. Жертва. И что же, она окупается? — Да. Окупается. Конечно, окупается. Кто может сомневаться в этом? Глаза Люсиль сверкнули насмешкой. — Чему вы улыбаетесь? — спросила Фрона. — Посмотрите на меня, Фрона! — Люсиль поднялась с пылающим лицом. — Мне двадцать четыре года. Я не пугало и не дура. У меня есть сердце. Во мне течет здоровая, горячая, красная кровь. И я любила. Но я не помню, чтобы это окупалось. Я знаю только, что расплачивалась всегда я.

— Это и было ваше вознаграждение, — горячо сказала Фрона. — В вашей жертве была ваша награда. Если любовь и обманчива, то вы все-таки любили, вы узнали, что это такое, вы жертвовали собой. Чего еще можно желать?

— Любовь собаки, — усмехнулась Люсиль. — О! Вы несправедливы.

— Я отдаю вам должное, — решительно ответила Люсиль. — Вы скажете мне, что вы все знаете, что вы смотрели на мир открытыми глазами и, коснувшись губами краев чаши, распознали приятный вкус напитка. Эх, вы! Собачья любовь! Я знаю, Фрона, вы настоящая женщина, с широкими взглядами и совсем не мелочная, но, — она ударила себя тонким пальцем по лбу, — у вас все это здесь. Это одурманивающий напиток, и вы слишком сильно надышались его парами. Осушите чашу до дна, переверните ее, а затем скажите, что этот напиток хорош. Нет, боже сохрани! — страстно воскликнула она. — Существует настоящая любовь. И вы должны найти не подделку, а прекрасное, светлое чувство.

Фрона поняла эту старую уловку, общую для всех женщин. Ее рука соскользнула с плеча Люсиль и сжала ее руку.

— То, что вы говорите, неверно, но я не знаю, как вам ответить. Я могу, но не решаюсь, не решаюсь противопоставить мои мысли вашим фактам. Я пережила слишком мало, чтобы спорить с вами, вы так хорошо

знаете жизнь.

— Тот, кто переживает несколько жизней, умирает много раз.

Люсиль вложила в эти слова всю свою боль, и Фрона, обняв ее, вдруг зарыдала у нее на груди. Легкие складки между бровями Люсиль разгладились, и она тихо и незаметно прикоснулась к волосам Фроны материнским поцелуем. Это продолжалось минуту, потом она снова нахмурила брови, сжала губы и отстранила от себя Фрону.

— Вы выходите замуж за Грегори Сент-Винсента? Фрона была поражена. С ее помолвки, которая держалась в секрете, прошло только две недели, и ни одна душа не знала об этом. — Откуда вы знаете?

— Вы мне ответили. — Люсиль вглядывалась в открытое лицо Фроны, не умевшей быть лживой, и чувствовала себя, как искусный фехтовальщик перед слабым новичком. — Откуда я знаю? — Она неприятно рассмеялась. — Когда человек внезапно покидает объятия женщины с губами, еще влажными от последних поцелуев, и ртом, полным бесстыдной лжи... — Дальше... — Забывает эти объятия...

— Так? — Кровь Уэлзов закипела и точно горячими лучами солнца высушила влажные глаза Фроны, которые вдруг засверкали. — Вот для чего вы пришли! Я догадалась бы сразу, если бы обращала внимание на доусонские сплетни.

— Еще не поздно, — сказала Люсиль с презрительной усмешкой.

— Я вас слушаю. В чем дело? Вы хотите сообщить мне, что он сделал, и рассказать, чем он был для вас? Уверю вас, это бесполезно! Он мужчина, а мы с вами женщины.

— Нет, — солгала Люсиль, скрывая свое удивление. — Я не предполагала, что его поступки могут повлиять на вас. Я знаю, что вы выше этого. Но вы подумали обо мне?

Фрона перевела дыхание. Потом протянула руки, словно для того, чтобы вырвать Грегори из объятий Люсиль.

— Вылитый отец! — воскликнула Люсиль. — Ах вы, Уэлзы, Уэлзы! Но он не стоит вас, Фрона Уэлз, — продолжала она. — Мы же подходим друг к другу. Он нехороший человек, в нем нет ни величия, ни доброты. Его любовь нельзя сравнить с вашей. Что здесь скажешь? Чувство любви ему недоступно, мелкие страстишки — вот все, на что он способен. Вам это не нужно. А это все, что он в лучшем случае может вам дать. А вы, что вы можете ему дать? Самое себя? Ненужная щедрость. Но золото вашего отца... — Довольно! Я не хочу вас слушать! Это нечестно. — Фрона заставила ее замолчать, а потом вдруг дерзко опросила: — А что может дать ему женщина, Люсиль?

— Несколько безумных мгновений, — последовал быстрый ответ. — Огненное наслаждение и адские муки раскаяния, которые потом выпадут ему на долю так же, как и мне. Таким образом сохраняется равновесие, и все кончается благополучно. — Но... но...

— В нем живет бес, — продолжала Люсиль, — бессоблазнитель, который дает мне наслаждение, он действует на мою душу. Не дай вам бог, Фрона, его узнать. В вас нет беса. А его бес под стать моему. Я откровенно признаюсь вам, что нас связывает только взаимная страсть. В нем нет ничего устойчивого, и во мне также. И в этом красота. Вот как сохраняется равновесие.

Фрона откинулась в кресле и лениво смотрела на свою гостью. Люсиль ждала, чтобы она высказалась. Было очень тихо.

— Ну? — спросила наконец Люсиль тихим, странным голосом, вставая, чтобы надеть кухлянку. — Ничего. Я жду. — Я кончила.

— Тогда позвольте вам сказать, что я не понимаю вас, — холодно произнесла Фрона. — Я не вижу цели вашего прихода. Ваши слова звучат фальшиво. Но я уверена в одном: по какой-то непонятной причине вы сегодня изменили самой себе. Не спрашивайте меня, — я не знаю, в чем именно и почему. Но мое убеждение непоколебимо. Я знаю, что вы не та Люсиль, которую я встретила на лесной дороге по ту сторону реки. То была настоящая Люсиль, хоть я и видела ее мало. Женщина, которая пришла сегодня ко мне, совершенно чужая мне. Я не знаю ее. Моментами мне казалось, что это Люсиль, но это было очень редко... Эта женщина лгала, лгала мне о самой себе. А то, что она сказала о том человеке, — в лучшем случае только ее мнение. Может быть, она оклеветала его. Это весьма вероятно. Что вы скажете?

— Что вы очень умная девушка, Фрона. Вы угадываете иногда вернее, чем сами предполагаете. Но вы бываете слепы, и вы не поверите, как вы иногда слепы! — В вас есть что-то, из-за чего я могла бы вас полюбить, но вы это так далеко запрятали, что мне не найти.

Губы Люсиль дрогнули, словно она собиралась что-то сказать. Но она только плотнее закуталась в кухлянку и повернулась, чтобы уйти.

Фрона проводила ее до дверей, и Хау-Хэ долго размышляла о белых, которые создают законы и сами преступают их.

Когда дверь захлопнулась, Люсиль плюнула на мостовую.

— Тьфу! Сент-Винсент! Я осквернила свой рот твоим именем! — И она плюнула еще раз.

— Войдите!

В ответ на приглашение Мэт Маккарти дернул за шнурок, открыл

дверь и осторожно притворил ее за собой.

— А, это вы! — Сент-Винсент с угрюмой рассеянностью взглянул на гостя, потом овладел собой и протянул ему руку. — Алло, Мэт, старина. Мои мысли были за тысячу миль отсюда, когда вы вошли. Садитесь и будьте как дома. Табак у вас под рукой. Попробуйте его и скажите свое мнение.

«Понятно, почему его мысли были за тысячу миль отсюда», — подумал Мэт: идя сюда, он встретил женщину, и в темноте ему показалось, что она удивительно похожа на Люсиль. Но вслух он сказал:

— Вы хотите сказать, что замечтались? Это не удивительно.

— Почему? — весело спросил журналист. — А потому, что по дороге сюда я встретил Люсиль, и следы от ее мокасинов вели к вашей лачуге. У нее иногда бывает острый язычок.

— И это хуже всего, — ответил Сент-Винсент совершенно искренне. — Стоит мужчине бросить на женщину благосклонный взгляд, как ей уже хочется претворить эту минуту в вечность.

— Трудненько разделаться со старой любовью, а? — Да уж, можно сказать. И вы поймете меня. Сразу видно, Мэт, что вы были в свое время мастером по этой части.

— В свое время? Я и теперь еще не так стар. — Конечно, конечно. Это видно по вашим глазам. Горячее сердце и острый глаз, Мэт! — Он ударил гостя по плечу и дружелюбно рассмеялся.

— Да и вы парень не промах, Винсент. Где мне до вас! Вы умеете обхаживать женщин. Это ясно, как апельсин. Много вы роздали поцелуев и много разбили сердец. Но, Винсент, было ли у вас когда-нибудь настоящее?

— Что вы хотите этим сказать?

— Настоящее... настоящее... то есть... ну, вы были когда-нибудь отцом?

Сент-Винсент отрицательно покачал головой. — И я не был. Но вам знакомо отцовское чувство? — Не знаю. Не думаю.

— А мне оно знакомо. И это самое настоящее, могу вас уверить. Если есть на свете мужчина, который когда-либо вынянчил ребенка, так это я или почти что я. Это была девочка, теперь она выросла, и я люблю ее больше, чем родной отец, если только это возможно. Мне не повезло: кроме нее, я любил только одну женщину, но она слишком рано вышла замуж за другого. Я никому не говорил об этом ни словечка, верьте мне, даже ей самой. Но она умерла, да помилует бог ее душу.

Он опустил голову на грудь и задумался о белокурой саксонке, которая однажды, словно солнечный луч, нечаянно заглянула в бревенчатый склад

на берегу реки Дайи. Вдруг он заметил, что Сент-Винсент уставился глазами в пол, размышляя о чем-то другом. — Довольно глупостей, Винсент!

Журналист с усилием оторвался от своих мыслей и обнаружил, что маленькие голубые глазки ирландца престо впились в него. — Вы храбрый человек, Винсент? Секунду они как будто старались заглянуть друг ДРУГУ в душу. И Мэт мог поклясться, что увидел чуть заметный трепет и колебание в глазах собеседника. Он торжествующе ударил кулаком по столу. — Честное слово, нет!

Журналист подвинул жестянку с табаком и начал скручивать сигарету. Он тщательно делал это; тонкая рисовая бумага хрустела в его твердых, ни разу не дрогнувших руках, и густой румянец, выступивший над воротом рубашки, постепенно покрыл впадины щек и, бледнея на скулах, залил все его лицо.

— Это хорошо, потому что избавит мои руки от грязной работы. Винсент, послушайте. Девочка, ставшая взрослой, спит сейчас в Доусоне. Помогите нам бог, но мы с вами никогда уже не коснемся головой подушки такими невинными и чистыми, как она! Винсент, примите это к сведению: руки прочь от нее!

Бес, о котором говорила Люсиль, насторожился, злобный, раздражительный, безрассудный бес.

— Вы мне не нравитесь. К этому у меня есть основания. И хватит. Запомните твердо: если у вас хватит безумия жениться на этой девушке, то вы не дождетесь конца этого проклятого дня, вы не увидите брачной постели. Подумайте, мой милый. Я мог бы вас уложить на месте вот этими двумя кулаками. Но я надеюсь, что найду более правильный способ разделаться с вами. Будьте спокойны. Обещаю вам это. — Свинья ирландская!

Бес вырвался наружу совершенно неожиданно, и Мэт увидел перед глазами дуло кольца.

— Он заряжен? — спросил он. — Я вам верю. Чего же вы медлите? Взведите курок, ну?

Палец журналиста взвел курок. Раздался предостерегающий треск.

— Ну, нажимайте! Нажимайте, говорю я вам! Да разве вы способны на это, когда глаза так и бегают у Вас?

Сент-Винсент попытался отвернуться в сторону. — Смотрите на меня, вы!

— приказал Маккарти. — Не отводите глаз, когда будете стрелять!

Сент-Винсент неохотно повернул голову и посмотрел на ирландца. —

Ну Сент-Винсент стиснул зубы и спустил курок. По крайней мере ему показалось это, как часто бывает во сне. Он сделал над собой усилие, отдал себе мысленно приказ, но душевная растерянность помешала ему.

— Да что он, парализован, что ли, ваш нежный пальчик? — Мэт усмехнулся прямо в лицо измученному, противнику. — Теперь отведите его в сторону, так, и опустите его... осторожней... осторожней... осторожней...

Он постепенно понизил голос до успокоительного шепота.

Когда курок занял исходное положение, Сент-Винсент уронил револьвер на пол и с едва слышным стоном бессильно опустился на стул. Он попытался выпрямиться, но вместо этого уронил голову на стол и закрыл лицо дрожащими руками. Мэт надел рукавицы, посмотрел на него с сожалением и ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА XX

Суровая природа делает и людей суровыми. Приятные стороны жизни проявляются только в теплых странах, где жаркое солнце и тучная земля. Сырой и влажный климат Британии побуждает англичан к пьянству. Благоухающий Восток влечет к сказочным сновидениям. Рослый северянин с белой кожей, грубый и жестокий, ревет от гнева и ударяет врага прямо в лицо тяжелым кулаком. Гибкий южанин с вкрадчивой улыбкой и ленивыми движениями выжидает и действует тайком, укрывшись от посторонних глаз, грациозно и деликатно. У всех них одна цель, разница только в образе действий. И здесь решающим фактором является климат и его влияние. И тот и другой — грешники, как все существа, рожденные женщиной; но один грешит явно, не скрываясь перед богом, а другой, точно бог его не может видеть, обряжает порок в блестящие одежды, пряча его, словно дивную тайну.

Таковы обычаи людей, зависящие от солнечного света, от порывов ветра, от природы, от семени отца и молока матери. Каждый человек является продуктом воздействия множества сил, которые могущественнее его, и они-то отливают его в заранее предназначенную форму. Но, если у него здоровые ноги, он может убежать и подвергнуться давлению иных сил. Он может бежать дальше и дальше, встречая на своем пути все новые силы. И так, пока он не умрет, и конечный образ его жизни будет зависеть от множества сил, которые он встретил на своем пути. Если подменить двух младенцев в колыбели, то раб будет с царственным величием носить пурпур, а царский сын так же подобострастно просить милостыню и униженно раболепствовать под кнутом, как самый жалкий из его подданных. Какой-нибудь Честерфилд с пустым желудком, случайно напав на хорошую пищу, будет так же жадно объедаться, как свинья в ближайшем хлеву. А Эпикуру в грязной хижине эскимосов пришлось бы либо наслаждаться китовым жиром и ворванью моржа, либо умереть.

Люди, попав на юный Север, морозный, негостеприимный и полный опасностей, сбрасывали с себя южную лень и боролись, не щадя своих сил. Они соскабливали с себя налет цивилизации: всю ее нелепость, большинство ее недостатков, а возможно, и часть ее добродетелей. Возможно. Но они сохраняли великие традиции и по крайней мере жили честно, искренне смеялись и смело смотрели друг другу в глаза.

Поэтому женщине, рожденной на юге и изнеженной воспитанием, не

следует блуждать по северным странам, если она не сильна духом. Она может быть кроткой, нежной, чувствительной, она может обладать глазами, не утратившими блеска и наивного выражения, и слухом, привыкшим только к сладким звукам. Но, если у нее здоровые и устойчивые воззрения, к тому же достаточно широкие, с ней не случится ничего дурного, и она сможет все понять и простить. Если же нет, — она увидит и услышит многое такое, что оскорбит ее; она будет глубоко страдать и потеряет веру в человека, а это будет для нее самым страшным несчастьем. Такую женщину следует тщательно оберегать, отдавать под опеку ближайшим родственникам мужского пола. Очень разумно было бы поселить ее в хижине на холме, высящемся над Доусоном, или, лучше всего, на западном берегу Юкона, запретить ей выходить без провожатых и защитников. Склон холма за хижинкой может служить подходящим местом для прогулок на свежем воздухе, где слух не будет осквернен крепкими словечками мужчин, стремящихся к великим достижениям.

Вэнс Корлисс вытер последнюю оловянную тарелку, убрал ее на полку и, закулив трубку, развалился на койке. Он принялся рассматривать законопаченные мхом щели на потолке своей хижины. Эта хижина стояла у подножия Французского Холма на берегу ручья Эльдорадо, недалеко от главной проезжей дороги; единственное окно ее приветливо подмигивало ночью запоздалым путникам.

Дэл Бишоп, открыв дверь пинком ноги, ввалился в хижину с вязанкой дров. Лицо его так заиндевело, что он едва мог говорить. Это обстоятельство было для него всегда крайне тягостным, и он прежде всего подставил свое лицо горячему воздуху, шедшему от плиты. Иней растаял в один миг, и капли бешено запрыгали по раскаленной поверхности плиты. Небольшие льдинки, срываясь с его бороды, шумно ударялись о заслонки, со злобным шипением превращаясь в пар.

— Вы видите перед собой явление природы, объясняющее три вида материи, — рассмеялся Вэнс, подражая монотонному голосу лектора. — Твердое тело, жидкость и пар. Еще минута — и вы увидите газ.

— В-в-все это очень хорошо, — бормотал Бишоп, сражаясь с непокорной льдинкой. Наконец ему удалось оторвать ее от верхней губы и бросить на плиту.

— Сколько, по-вашему, градусов мороза, Дэл? Пятьдесят будет?

— Пятьдесят? — переспросил старатель с невыразимым презрением и вытер свое лицо. — Ртуть уже несколько часов как замерзла, а с тех пор становится все холоднее и холоднее. Пятьдесят? Я готов поставить свои новые рукавицы против ваших стертых мокасин, что сейчас никак не

меньше семидесяти градусов. — Вы думаете? — Хотите пари? Вэнс, смеясь, кивнул головой.

— По Цельсию или по Фаренгейту? — спросил Бишоп, внезапно насторожившись.

— О, если вам так нужны мои старые мокасины, — возразил Вэнс, притворяясь, что оскорблен недоверием Дэла, — то забирайте их без всякого пари!

Дэл фыркнул и бросился на противоположную койку.

— Вы думаете, это остроумно? — Не получив ответа, он счел свое возражение исчерпывающим, перевернулся на другой бок и начал изучать щели на потолке.

Этого развлечения хватило на пятнадцать минут. — Не сыграть ли нам партию в криб на сон грядущий? — обратился он к другой койке.

— Идет! — Корлисс встал, потянулся и переставил керосиновую лампу с полки на стол. — Вы думаете, хватит? — спросил он, рассматривая уровень керосина сквозь дешевое стекло.

Бишоп бросил на стол доску для игры, потом смерил глазами содержимое лампы.

— Забыл налить керосину. Теперь уже поздно. Завтра налью. На один-то роббер хватит наверняка. Корлисс, тасовавший карты, остановился. — Через месяц нам предстоит длинный путь, приблизительно в середине марта, как только удастся собраться. Мы поедем вверх по реке Стюарт к Макквестчену; потом по Макквестчену и назад по Мао; потом наперерез к Мэйзи-Мэй, заворачивая у ручья Гендерсона. — По Индейской Реке?

— Нет, — ответил Корлисс, сдавая карты. — Ниже. Там, где Стюарт подходит к Юкону. А потом вернемся в Доусон до вскрытия льда. Глаза старателя засверкали.

— Надо торопиться! Вот это поездка! Чувствуете? — Я получил извещение от группы Паркера, работающей на Мао, а Макферсон не дремлет на Гендерсоне... Вы его не знаете. Они там сидят тихо, и, конечно, трудно сказать, но...

Бишоп глубокомысленно кивнул головой, в то время как Корлисс перевернул побитый козырь. Перед старателем мелькнуло ослепительное видение двадцати четырех очков, когда снаружи послышался гул голосов и дверь задрожала от сильного стука.

— Войдите! — крикнул он. — И нельзя ли потише? Посмотрите, — обратился он к Корлиссу, разглядывая свои карты, — пятнадцать — восемь, пятнадцать — шестнадцать и восемь составляют двадцать четыре. Мне повезло!

Корлисс быстро вскочил, а Бишоп повернул голову. Две женщины и мужчина неуклюже ввалились в хижину и остановились, на минуту ослепленные светом.

— Силы небесные! Да это Корнелл! — Старатель потряс мужчине руку и провел его вперед.

— Вы помните Корнелла, Корлисс? Джек Корнелл. Тридцать седьмая миля на полпути к Эльдорадо.

— Ну как же не помнить! — сердечно отозвался инженер, пожимая ему руку.

— Ужасная была ночь прошлой осенью, когда вы приютили нас, ужасная ночь, но зато бифштексы из лося, которыми вы угостили нас за завтраком, были великолепны.

Джек Корнелл, волосатый человек с мертвенно-бледным лицом, выразительно потрянул головой и поставил на стол объемистую бутылку. Затем он снова кивнул головой и свирепо посмотрел вокруг. Он заметил плиту, подошел к ней, поднял конфорку и сплюнул комок желтоватой жидкости. Еще шаг — и он вернулся на прежнее место.

— Понятно, я помню эту ночь, — прогремел он, в то время как льдинки со звоном падали с его волосатых челюстей. — И я чертовски рад вас видеть. Факт! — Он неожиданно опомнился и прибавил довольно робко: — Факт! Мы все

чертовски рады вас видеть, правда, девочки? — Он повертел головой и одобряюще кивнул своим спутникам. — Бланш, дорогая, мистер Корлисс. Я рад э... хм... рад... случаю вас... хм... познакомиться. Карибу Бланш, сэр. Карибу Бланш.

— Очень рада. — Карибу Бланш дружески протянула руку Корлиссу и внимательно осмотрела его. Это была нежная блондинка, должно быть, когда-то довольно миловидная. Но теперь черты ее лица огрубели, морщины стали глубже, как на сильно обветренных лицах мужчин.

Джек Корнелл, восхищенный своей светскостью, прочистил горло и вывел вперед другую женщину.

— Мистер Корлисс, Дева, будьте знакомы. Хм! — прибавил он, отвечая на вопросительный взгляд Вэнса: — Ну да, Дева. Точно, Дева.

Женщина улыбнулась и поклонилась, но не подала руки. «Аристократ», — втайне определила она инженера, и ее ограниченный опыт подсказал ей, что среди «аристократов» рукопожатие не принято. Корлисс нерешительно повертел рукой, затем поклонился и с любопытством посмотрел на нее. Это была хорошенькая смуглянка с низким лбом, прекрасно сложенная. Несмотря на вульгарность ее типа,

Корлисс невольно поддался очарованию ее бьющей через край жизнерадостности, которая как бы сочилась из всех пор ее тела. Каждое движение Девы, быстрое и непринужденное, казалось, было вызвано избытком горячей крови и энергии.

— Недурной экземплярчик, а? — спросил Джек Корнелл, одобрительно следя за взглядом хозяина дома.

— Бросьте ваши шутки, Джек, — резко возразила Дева и презрительно скривила губы, чтобы произвести впечатление на Вэнса. — Мне кажется, вам следует позаботиться о бедняжке Бланш.

— Дело в том, что мы порядочно прозябли, — сказал Джек. — А Бланш провалилась под лед у самой дороги и отморозила себе ноги.

Бланш улыбнулась, когда Корлисс провел ее к табуретке у плиты, но с ее строгих губ не слетело ни слова, несмотря на боль, которую она испытывала. Он отвернулся, когда Дева начала снимать с нее мокрую обувь. Бишоп сразу же принялся искать чистые носки и мокасины.

— Она провалилась только до лодыжек, — конфиденциально заявил ему Корнелл, — но этого довольно в такую ночь.

Корлисс утвердительно кивнул головой. — Мы увидели свет у вас в окне, ну и пришли. Вы ничего не имеете против? — Конечно, нет! — Мы вам помешали?

Корлисс успокоил его, положив руку ему на плечо и дружелюбно заставив его сесть. Бланш с наслаждением вздохнула. От ее мокрых чулок, повешенных над плитой, уже шел пар, а ноги ее нежились в теплых сивашских носках Бишопы. Вэнс придвинул гостям жестянку с табаком, но Корнелл вытащил из кармана пачку сигар и предложил их всем присутствующим.

— Исключительно плохая дорога на этом повороте, — заявил он громовым голосом, бросая красноречивые взгляды на бутылку. — Там, где бьют ключи, лед стал непрочным, но этого не замечаешь, пока не угодишь туда йогой. — Он повернулся к женщине у плиты. — Как вы себя чувствуете, Бланш?

— Шикарно, — ответила она, лениво потягиваясь всем телом и шевеля ступнями. — Хотя мои ноги менее гибки, чем были, когда мы пустились в путь.

Взглядом попросив разрешения хозяина, Корнелл откупорил бутылку и почти доверху наполнил четыре жестяные кружки и банку из-под варенья.

— А как насчет грога? — вмешалась Дева. — Или пунша? У вас найдется лимонный сок? — обратилась она к Корлиссу. — Есть?

Замечательно! — Она устремила свои черные глаза на Дэла. — Эй вы, кухарь! Доставайте вашу миску и тащите сюда котел для горячей воды. Живей! Все за дело! Джек угощает, но без меня ничего не выйдет! Сахар есть, мистер Корлисс? А мускатный орех? Ну, хоть корица? Ладно! Годится! Живее, кухарь!

— Ну, разве она не милашка? — шепнул Корнелл Вэнсу, следя осолопевшими глазами, как она размешивала кипящую смесь.

Но Дева обращала внимание только на инженера. — Плюньте на него, сэр, — посоветовала она, — он уже почти готов. Он прикладывался к бутылке на каждой остановке.

— Но, дорогая... — запротестовал Джек. — Я вам не дорогая! — фыркнула она. — Вы мне совсем не нравитесь. — Почему?

— Потому... — Она осторожно разлила пунш по кружкам и задумалась. — Потому что вы жуете табак. Потому что у вас все лицо заросло бородой. Мне нравятся только молодые люди с бритыми лицами.

— Не придавайте значения ее болтовне, — сказал Корнелл. — Она говорит все это нарочно, чтобы разозлить меня.

— Ну, теперь займитесь лучше вашим пуншем! — резко приказала она. — Это вернее будет!

— За кого мы выпьем? — крикнула Бланш, все еще сидевшая у плиты. Все подняли кружки и на мгновение замерли.

— За здоровье Королевы! — быстро произнесла Дева первый тост.

— И Билла! — добавил Дэл Бишоп. Опять произошла непредвиденная задержка. — Какого Билла? — подозрительно спросила Дева. — Маккинли. Она наградила его улыбкой.

— Спасибо, кухарь. Вы молодец. Ну, валяйте, джентльмены!

— Выпьем стоя за здоровье Королевы и Билла Маккинли!

— До дна! — прогремел Джек Корнелл, и кружки звонко ударились о стол.

Вэнс Корлисс развеселился и почувствовал, что ему становится интересно. Согласно теории Фроны, подумал он с иронией, это называется изучать жизнь и пополнять запас своих знаний о людях. Это была ее фраза, и он несколько раз мысленно повторил ее. Затем он снова вспомнил о ее помолвке с Сент-Винсентом и привел Деву в восторг, попросив ее спеть что-нибудь. Однако она стеснялась и согласилась лишь после того, как Бишоп исполнил несколько куплетов из «Летучего облака». Ее слабенький голосок охватывал не более чем полторы октавы, ниже этого он подвергался странным изменениям, а выше дрожал и срывался. Все же она пропела «Возьмите прочь ваше золото» с трогательным воодушевлением,

вызвавшим жгучие слезы у Корнелла, который жадно слушал ее и, по-видимому, испытывал в эту минуту незнакомое ему чувство тоски.

Деву наградили шумными аплодисментами, после чего Бишоп провозгласил тост в честь певицы, назвав ее «Царицей волшебных колокольчиков», а Джек Корнелл без устали гремел: «Пьем до дна!»

Двумя часами позже Фрона Уэлз постучалась в хижину. Это был настойчивый стук, который перекрыл наконец шум, царивший в хижине. Корлисс поспешил к дверям.

Она радостно вскрикнула при виде его. — Ой! Это вы, Вэнс! Я не знала, что вы здесь живете.

Он пожал ей руку и заслонил дверь своим телом. За его спиной хохотала Дева, и Джек Корнелл ревел:

«Пусть вести об этом летят, Прод с Запада едет назад; Зажарьте побольше телят, Тру-ла-ла, ла-ла, ла-ла!»

— В чем дело? — спросил Вэнс. — Что-нибудь случилось?

— Мне кажется, вы могли бы пригласить меня войти. — В ее голосе слышались упрек и нетерпение. — Я провалилась в лужу и отморозила себе ноги.

— Батюшки! — зазвенел за спиной Вэнса голос Девы. Вслед за этим раздался дружный смех Бланш и Бишопы и громкие протестующие крики Корнелла. Корлиссу показалось, что вся его кровь прилила к лицу. — Вам нельзя войти, Фрона. Разве вы не слышите?

— Но это необходимо! — настаивала она. — У меня замерзают ноги.

Он покорно отступил и закрыл за ней дверь. Войдя в освещенную хижину, она на секунду остановилась. Но вскоре она освоилась с ярким светом и сразу поняла, что здесь происходит. Воздух был насыщен табачным дымом, от которого в закрытом помещении мутило человека, пришедшего с улицы. Над огромной миской, стоявшей на столе, клубился пар. Дева отбивалась от Корнелла длинной ложкой для горчицы. Ускользая, она успевала выбрать удобную минуту и усердно мазала его нос и щеки желтой кашицей. Бланш отвернулась от плиты и наблюдала за потехой, а Дэл Бишоп, с кружкой в руках, аплодировал каждому удачному мазку. У всех были разгоряченные лица.

Вэнс бессильно прислонился к двери. Создавшееся положение казалось ему совершенно невыносимым. У него появилось дикое желание рассмеяться, разрешившееся припадком кашля. Но Фрона, чувствуя, как все больше Хмертвеют ее ноги, шагнула вперед. — Алло, Дэл! — окликнула она Бишопы. При звуке знакомого голоса веселье застыло на лице Дэла, и он медленно и неохотно повернул голову. Фрона откинула

капюшон своей кухлянки, и лицо ее, свежее и румяное от мороза, показалось на фоне темного меха лучом света в грязном кабаке. Они все знали ее. Кто же не знал дочери Джекоба Уэлза? Дева с испуганным криком выронила ложку, а Корнелл, растерявшись, еще больше размазал по лицу желтые пятна и в замешательстве опустился на ближайшую табуретку. Одна Карибу Бланш сохраняла самообладание и тихо смеялась.

Бишоп заставил себя сказать: «Алло!» — но не нарушил этим воцарившегося молчания. Фрона подождала минуту, затем произнесла: — Добрый вечер, господа.

— Сюда! — Вэнс пришел в себя и усадил ее у плиты, напротив Бланш. — Поскорей снимайте вашу обувь и остерегайтесь жары. Постараюсь что-нибудь найти для вас.

— Холодной воды, пожалуйста, — попросила она. — Это лучше всего при отмораживании. Дэл принесет мне воду.

— Надеюсь, это не серьезно?

— Нет. — Она покачала головой и улыбнулась ему, стараясь снять обледенелые мокасины. — Успела промерзнуть только поверхность. В худшем случае сойдет кожа.

В хижине воцарилось гробовое молчание. Было слышно только, как Бишоп наливает воду из кадки в таз да Корлисс роется в своих вещах, стараясь найти самые маленькие и изящные мокасины и самые теплые носки.

Фрона, энергично растиравшая себе ноги, сделала передышку и подняла глаза.

— Я не хочу замораживать ваше веселье из-за того, что сама замерзла, — улыбнулась она. — Пожалуйста, продолжайте.

Джек Корнелл выпрямился и крикнул, а Дева приняла величественный вид; но Бланш подошла к Фроне и взяла у нее полотенце.

— Я промочила ноги в том же месте, — сказала она и, став на колени, начала растирать замерзшие ступни Фроны.

— Думаю, что вы как-нибудь приладите это. Вот! — И Вэнс бросил им домашние мокасины и шерстяные носки, которые обе женщины начали осматривать, тихо смеясь и перешептываясь.

— Но что вы делали ночью дна на дороге? — спросил Вэнс. В глубине души он был поражен тем, как спокойно и смело Фрона справлялась с затруднительным положением.

— Я знаю заранее, что вы будете меня ругать, — ответила она, помогая Бланш подвешивать мокрую обувь над огнем. — Я была у миссис Стентон. Дело в том, что мы с миссис Мортимер неделю гостили у Пентли.

Словом, я начну сначала. Я думала уйти от миссис Стентон засветло, но ее ребенок облил себя керосином, а муж ее был в Доусоне, и мы только полчаса тому назад убедились, что ребенок вне опасности. Она ни за что не хотела отпустить меня одну, хотя бояться было нечего. Я только не ожидала, что в такой мороз можно попасть в лужу.

— Чем же вы помогли ребенку? — спросил Дэл, желая поддержать начатый разговор.

— Жевательным табаком. — И, когда смех утих, она продолжала: — Там не было горчицы, и я не могла придумать ничего лучшего. К тому же Мэт Маккарти спас мне однажды жизнь этим же средством, когда у меня в детстве был круп. Но вы пели, когда я вошла. Продолжайте, пожалуйста, — попросила она. Джек Корнелл нерешительно произнес: — Я уже кончил.

— Тогда вы, Дэл, спойте «Летучее облако», как вы когда-то пели на реке. — Он уже пел это, — сказала Дева. — Тогда спойте вы. Я уверена, что вы поете. Она ласково улыбнулась Деве, и последняя исполнила какую-то балладу с большим искусством, чем сама от себя ожидала. Холодок, внесенный появлением Фроны, быстро растаял, и снова начались песни, тосты и веселье. Фрона из чувства товарищества не отказалась поднести к губам банку из-под варенья и, в свою очередь, спела «Анну Лори» и «Бена Болта». Она втайне наблюдала за действием вина на Корнелла и Деву. В этом было что-то новое для нее, и она была довольна, хотя ей было жаль Корлисса, неохотно исполнявшего роль хозяина.

Впрочем, он не нуждался в жалости. Любая другая женщина... — повторял он про себя двадцатый раз, смотря на Фрону и представляя себе, что было бы, если бы в его дверь постучалась и вошла любая из многочисленных женщин, виденных им за чайным столом его матери. Не далее как вчера ему было бы неприятно видеть Бланш, растиравшую ноги Фроны. Но сегодня он восхищался тем, что Фрона позволила ей это сделать, и почувствовал большую симпатию к Бланш. Его приподнятое настроение, может быть, объяснялось пуншем, но так или иначе он находил признаки каких-то доселе неведомых ему достоинств на огрубевшем лице Бланш.

Фрона надела высохшие мокасины и стояла, терпеливо слушая Джека Корнелла, произносившего, заикаясь, последний бессвязный тост.

— За... за... че... человека, — бормотал он хриплым голосом, спотыкаясь на каждом слого, — который создал... создал...

— Эту благословенную страну, — подсказала Дева. — Правильно, дорогая.. За... че... че... человека, который создал эту благословенную страну... За... э... э... Джекоба Уэлза!

— И добавьте, — крикнула Бланш, — за дочь Джекоба Уэлза!

— Bravo! Почтить вставанием! Пьем до дна! — О, она замечательный товарищ! — заявил Дэл, покрасневший от пунша.

— Я хотела бы хоть один раз пожать вам руку, — тихо сказала Бланш, в то время как другие галдело хором.

Фрона сняла рукавицу, которую уже успела надеть, и они обменялись крепким рукопожатием.

— Нет, — сказала Фрона Корлисс, видя, что он надел шапку и завязывает наушники. — Бланш говорит, что Пентли живут всего в полумиле отсюда, и дорога идет все прямо. Я не хочу, чтобы меня провожали. Нет! — Она сказала это таким повелительным тоном, что Вэнс швырнул шапку на койку. — Спокойной ночи, господа! — крикнула она, наградив пирующих улыбкой.

Корлисс проводил ее до двери и вышел из хижины. Она посмотрела на него. Ее капюшон был наполовину откинут, и лицо обольстительно сияло при свете звезд.

— Я... Фрона... я хотел бы...

— Не беспокойтесь, — прошептала она. — Я не выдам вас, Вэнс.

Он заметил насмешливый блеск в ее глазах, но все-таки попытался продолжать. — Я только хочу вам объяснить... — Не нужно. Я все поняла. Не могу, однако, сказать, что одобряю ваш вкус.

— Фрона! — Страдание в его голосе тронуло ее. — Ах, какой глупый! — засмеялась она. — Разве я не знаю? Ведь Бланш мне сказала, что она промочила ноги. Корлисс опустил голову.

— Право, Фрона, вы самая последовательная женщина, какую я встречал. К тому же, — он выпрямился во весь рост, и в его голосе зазвучали повелительные нотки, — ведь между нами не все кончено. Она пыталась остановить его, но он продолжал, — Я знаю, я чувствую, что все выйдет по-иному. Говоря вашими же словами, не все факты были приняты во внимание. А что касается Сент-Винсента... Вы еще будете моей. Но, возможно, это будет не так скоро!

Он протянул к ней жадные руки, но она успела предупредить его движение, засмеялась и, быстро повернувшись, легко побежала по дороге.

— Вернитесь, Фрона! Вернитесь! — кричал он ей вслед. — Простите меня!

— Не надо, — донесся ответ. — А то я буду огорчена. Спокойной ночи!

Он подождал, пока она не исчезла во мраке, потом вернулся в хижину. Он совершенно забыл о том, что там происходило, и в первую минуту его

поразило это зрелище. Карибу Бланш тихо плакала в стороне. У нее были блестящие влажные глаза, и, когда он на нее взглянул, одинокая слеза катилась по ее щеке. Лицо Бишопа стало серьезным. Дева легла головой на стол, среди опрокинутых кружек и пролитой жидкости. Корнелл наклонился над ней и, икая, бессмысленно повторял: «Вы молодец, дорогая! Вы молодец!» Но Дева была безутешна.

— О, боже! Когда я подумаю, что есть и что было... и не по моей вине. Не по моей вине, говорю вам! — крикнула она в порыве злобы. — Где я родилась, спрашиваю я вас? Кто был мой старик? Горький пьяница. А моя старуха? Ее знал весь Уайтчепел! Кто истратил на меня хоть грош? Кто воспитывал меня? Кто заботился обо мне? Хоть чуточку! Хоть чуточку! Корлиссом овладело внезапное отвращение. — Замолчите! — приказал он.

Дева подняла голову, растрепанные волосы делали ее похожей на фурию.

— Кто она? — язвительно спросила она. — Ваша возлюбленная?

Корлисс повернулся к ней с бледным от ярости лицом, его голос дрожал от гнева.

Дева вся съежилась и инстинктивно защитила лицо руками.

— Не бейте меня, сэр! — захныкала она. — Не бейте меня!

Корлисс испугался своего порыва и постарался овладеть собой.

— Теперь, — спокойно сказал он, — одевайтесь и уходите. Все. Проваливайтесь!

— Это недостойно мужчины, — проворчала Дева, видя, что ей не угрожают побои.

Но Корлисс сам проводил ее до двери, оставив сказанное без внимания.

— Выгнать дам! — фыркнула она, споткнувшись о порог.

— Прошу прощения, — бормотал Джек Корнелл успокаивающе, — прошу прощения.

— Спокойной ночи. Мне очень жаль, — сказал Корлисс, обращаясь к выходящей Бланш с извиняющейся улыбкой.

— Вы франтик! Вот что вы такое! Проклятый франтик! — кинула ему Дева, закрывая дверь.

Корлисс тупо посмотрел на Дэла Бишопа, затем увидел беспорядок на столе и, подойдя к своей койке, бросился на нее. Бишоп оперся локтями о стол и стал возиться со своей шипящей трубкой. Лампа начала дымить, замигала и потухла. Но Бишоп не сходил с места, все снова набивая свою трубку и бесконечно чиркая спичками. — Дэл! Вы не спите? — окликнул его наконец Корлисс.

Дэл что-то проворчал. — Я поступил по-хамски, выгнав их в метель. Мне стыдно самого себя. — Понятно, — ответил Дэл.

Последовало продолжительное молчание. Дэл выбил пепел из трубки и встал. — Спите? — спросил он.

Не получив ответа, Дэл тихо подошел к койке и накрыл инженера одеялом.

ГЛАВА XXI

— Да что все это значит? — Корлисс лениво потянулся и положил ноги на стол. Он не проявлял особого интереса к тому серьезному разговору, который затеял полковник Трезвей.

— То-то и оно! Старый и вечно новый вопрос, который человек задает миру.

Полковник уткнулся носом в свою записную книжку. — Вот, — сказал он, протягивая грязный листок бумаги. — Я списал это много лет тому назад. Послушайте. «Что за чудовищное создание человек; это нездоровый комок склеенных частиц пыли. Он либо переставляет ноги, либо лежит в бесчувственном сне. Он убивает, питается, растет, создает себе подобных, покрытый волосами, как травой, с блестящими глазами. Он может испугать ребенка. Бедняга, его ждет недолгий век, и на каждом шагу его подстерегают невзгоды. Он полон непомерных и противоречивых желаний. Окруженный дикарями, от которых он происходит, он безжалостно осужден нападать на себе подобных. Вечный ребенок, зачастую поразительно храбрый, зачастую трогательно добрый, он спокойно сидит, разглагольствуя о добре и зле и о свойствах божества, и вдруг вскакивает на ноги, чтобы сражаться из-за выеденного яйца или умереть за идею!»

— И к чему все приведет?.. — с жаром спросил Трезвей, отбрасывая листок. — Этот нездоровый комок склеенных частиц?

Корлисс зевнул в ответ. Он весь день был в пути, и ему хотелось спать.

— Вот, например, я, полковник Трезвей. Мне немало лет, но я довольно хорошо сохранился, занимаю приличное положение в обществе, у меня кое-что лежит в банке, и мне незачем больше утруждать себя. А между тем я в течение всей своей жизни и даже сейчас напряженно работаю с рвением, достойным человека вдвое моложе меня. Ради чего? Я могу съесть, выкурить и проспать только свою долю, а этот клочок земли, который люди называют Аляской, — самое худшее место в мире в смысле пищи, табака и одеяла.

— Но эта напряженная жизнь поддерживает вас, — возразил Корлисс.

— Философия Фроны, — насмешливо сказал полковник. — И ваша и моя...

— И нездорового комка склеенных частиц пыли. — Оживленного страстями, с которыми вы не считаетесь, — чувством долга, расы, верой. — А вознаграждение? — спросил Трезвей. — Каждый ваш вздох! Майская

муха живет всего один час. — Не понимаю.

— «Кровь и пот! Кровь и пот!» Вы крикнули это после суматохи и потасовки в баре, и вы могли бы расписаться под этими словами. — Философия Фроны. — И ваша и моя...

Полковник пожал плечами, но, помолчав, признался: — Видите ли, мне никак не удастся стать пессимистом, сколько бы я ни старался. Мы все получаем награду, и я больше многих других. Ради чего? — спросил я себя и получил следующий ответ: поскольку конечный итог не в сфере наших достижений, займемся ближайшим. Побольше компенсации, здесь и сию же минуту.

— Чистейший гедонизм!

— Вполне разумная точка зрения. Я сейчас же примусь за ее осуществление. Я могу купить продовольствие и одеяла для двадцати человек, но в состоянии есть и спать только за себя. Следовательно, отчего бы мне не заботиться о двоих?

Корлисс спустил ноги и уселся на койке. — Иными словами?

— Я женюсь и шокирую общество. Оно ведь любит, чтобы его шокировали. Это одна из форм вознаграждения за то, что я нездоровый комок склеенных частиц.

— Я могу представить себе только одну женщину... — неуверенно сказал Корлисс, протягивая руку. Полковник медленно пожал ее. — Это она.

Корлисс выпустил его руку, и лицо его отразило тревогу. — Но Сент-Винсент? — Пусть это заботит вас, а не меня. — Значит, Люсиль?..

— Ну, разумеется! Она чуть уподобилась Дон-Кихоту и провела свою роль блестяще.

— Я... я не понимаю. — Корлисс растерянно потер себе лоб.

Трезвей посмотрел на него с улыбкой превосходства. — И понимать нечего. Весь вопрос в том, будете ли вы моим шафером?

— Конечно. Но долго же вы крутились вокруг да около! Это не в вашем духе.

— С ней я действовал иначе, — заявил полковник, гордо покручивая ус.

Начальник Северо-западной горной полиции может в экстренных случаях совершать брачный обряд, так же как и творить суд. Поэтому капитан Александер удостоился визита полковника Трезвея, а после его ухода отчеркнул в своей записной книжке завтрашний день. Затем жених пошел к Фроне. Люсиль не просила его об этом, поспешил он объяснить, но у нее нет других знакомых женщин, а главное, он (полковник) знает,

кого бы Люсиль хотела пригласить, если бы посмела. Поэтому он берет это на свою ответственность. И он знает, что такой сюрприз доставит ей большую радость.

Внезапность этого приглашения смутила Фрону. Только третьего дня Люсиль обратилась к ней с просьбой по поводу Сент-Винсента, а теперь... Причем же тут полковник Трезвей? Здесь и раньше была какая-то фальшь, но теперь это чувствовалось вдвойне. Возможно ли, что Люсиль притворялась? Эта мысль промелькнула у нее в то время, как полковник тревожно следил за ее лицом. Она знала, что должна немедленно дать ответ, но ее отвлекало невольное восхищение его смелостью. Она волей-неволей послушалась голоса сердца и согласилась.

И все же чувствовалась какая-то натянутость, когда они на следующий день сошлись вчетвером в кабинете капитана Александра. Здесь было холодно и неприветливо. Люсиль едва удерживалась от слез и выказывала волнение, несвойственное ей, а Фрона, несмотря на все старания пробудить в себе прежнюю симпатию к Люсиль, не могла победить холодность, которая незаметно возникала между ними. Это, в свою очередь, повлияло на Вэнса. В его манерах появилась отчужденность, отдалявшая его даже от полковника.

Полковник Трезвей словно скинул двадцать лет со своих прямых плеч, и то несоответствие возрастов, которое видела Фрона в этом браке, сглаживалось, когда она смотрела на него. «Он хорошо прожил свою жизнь», — подумала она и, следуя какому-то таинственному инстинкту, почти с тревогой перевела взгляд на Корлисса. Но, хотя полковник помолодел на двадцать лет, Вэнс ничуть не отставал от него. После их последней встречи он принес в жертву морозу свои каштановые усы, и его чистое лицо, дышавшее здоровьем и энергией, казалось совсем мальчишеским; обнажившаяся верхняя губа говорила об упорстве и решительности. Кроме того, черты его лица свидетельствовали о духовном росте, и во взгляде его, выражавшем прежде мягкую настойчивость, теперь чувствовалась твердость с примесью резкости или суровости, которые развивает в человеке борьба с трудностями и привычка к быстрым решениям. Все это как бы наложило на него печать энергии, присущую всем людям дела, независимо от того, погонщики ли они собак, мореплаватели или вершители судеб государства.

По окончании несложного обряда Фрона поцеловала Люсиль. Но Люсиль почувствовала, что в этом поцелуе чего-то не хватает, и глаза ее наполнились слезами.

Трезвей, с самого начала уловивший эту отчужденность, улучил

минуту, чтобы переговорить с Фроной, пока капитан Александер и Корлисс любезничали с миссис Трезвей.

— В чем дело, Фрона? — спросил полковник без обиняков. — Я надеюсь, что вы пришли сюда не против своей воли. Мне было бы это очень неприятно, не ради вас, так как неискренность ничего лучшего не заслуживает, но ради Люсиль. Это нехорошо по отношению к ней.

— Здесь от начала до конца все неискренне, — сказала она дрогнувшим голосом. — Я старалась, как могла, я надеялась, что мне это удастся лучше. Но я не умею притворяться. Мне очень жаль... но... я... я огорчена. Нет я не могу объяснить это, в особенности вам.

— Будем говорить прямо, Фрона. Тут замешан Сент-Винсент? Она кивнула головой.

— Я попал в точку. Во-первых, — и он перехватил тревожный взгляд Люсиль, — она только третьего дня напела вам о Сент-Винсенте. Во-вторых, на этом основании вы считаете, что ее сердце не участвует в сегодняшней церемонии, словом, что она выходит за меня ради положения и денег. Не так ли?

— Разве этого недостаточно? Ах, дорогой полковник, я страшно разочаровалась в ней, в вас, в себе самой!

— Не глупите! Я слишком хорошо к вам отношусь, чтобы видеть вас в дурацком положении. Игра развивалась слишком быстро. Ваши глаза не уследили за ней. Послушайте. Мы держим это в тайне, но Люсиль — пайщик Французского Холма. Ее паи считаются самыми крупными в деле. Они сейчас стоят по меньшей мере полмиллиона. С ее именем не связано никаких обязательств. Разве она не могла забрать эти деньги, уехать и начать жить заново где угодно? Вы теперь можете вообразить, что я женюсь на ней по расчету. Фрона, она любит меня, и скажу вам по секрету, я не стою ее. Надеюсь, что в будущем я сумею это загладить. Но не в этом сейчас дело. Вы считаете ее чувство слишком скороспелым. Да будет вам известно, что наше сближение происходило постепенно. Оно началось, когда я впервые приехал сюда. И мы ни на что не закрывали глаза. Сент-Винсент? Тьфу! Мне все было известно с самого начала. Она вбила себе в голову, что он не стоит вашего мизинца, и сделала попытку расстроить ваши отношения. Вы никогда не узнаете, как она относилась к Сент-Винсенту. Я предупреждал ее, что она не знает Уэлзов, и она потом согласилась со мной. Вот как все было. Теперь решайте, как знаете. — Что вы думаете о Сент-Винсенте? — Что я думаю, это неважно, но скажу вам по совести: я согласен с мнением Люсиль. И не в этом суть. Как вы теперь относитесь к этому... к ней?..

Фрона, не отвечая, подошла к поджидавшей их группе. Люсиль издали следила за выражением ее лица. — Он вам сказал?..

— Что я идиотка, — ответила Фрона. — И мне кажется, что так оно и есть. Принимаю это пока на веру, — прибавила она с улыбкой. — Я еще плохо соображаю, но...

Капитан Александер только что вспомнил какой-то свадебный анекдот и повел полковника к печке, чтобы поделиться с ним. Вэнс пошел за ними.

— Это в первый раз, — говорила Люсиль, — и это для меня имеет такое огромное значение! Гораздо более серьезное, чем... чем для большинства женщин. Я боюсь. Мне страшно. Но я люблю его, люблю...

И, когда мужчины, основательно переварив анекдот, вернулись, Люсиль рыдала: милая, милая Фрона...

Как раз в этот удачный момент в комнату без стука вошел Джекоб Уэлз в шапке и рукавицах.

— Незваный гость, — сказал он вместо приветствия. — Все кончено? Так?

— И прямо в медвежьей шубе он обнял Люсиль. — Полковник, вашу руку. Прощу извинения за свою навязчивость и жду ваших сожалений за то, что вы меня не известили. Ну, скорее кончайте с ними! Алло, Корлисс! Капитан Александер, здравствуйте!

— Что я натворила? — застонала Фрона. Она также удостоилась медвежьего объятия и сама крепко, почти до боли пожала руку отца. — Мне пришлось поддержать твою затею, — прошептал он, и его рукопожатие действительно сделало ей больно.

— Ну, полковник, я не имею чести знать, каковы ваши планы, и не интересуюсь ими. Отложите их. У меня в доме предполагается маленькое пиршество, причем имеется единственный ящик самого лучшего во всей округе шампанского. Конечно, вы составите нам компанию, Корлисс, и... — Его взгляд, почти не останавливаясь, скользнул мимо капитана Александра.

— С удовольствием, — последовал молниеносный ответ, хотя главное должностное лицо Северо-западной горной полиции успело уже взвесить возможные результаты этих неофициальных действий. — У вас есть экипаж?

Джекоб Уэлз расхохотался, выставив вперед ногу в мокасине.

— К черту пешее хождение! — Капитан порывисто кинулся к дверям. — Я вызову сани, прежде чем вы успеете оглянуться. Трое саней и упряжь с бубенчиками!

Все, что предвидел Трезвей, оправдалось. Потрясенный Доусон

протирали кулаками глаза, когда по главной улице промчались трое саней с тремя полицейскими в красных мундирах, размахивающими кнутами; и Доусон снова протер глаза, узнав седоков в этих санях.

— Мы будем жить замкнуто, — сказала Люсиль Фроне. — Клондайк еще не весь мир, и все лучшее у нас впереди.

Но Джекоб Уэлз держался другого мнения. — Мы должны наладить это дело, — сказал он капитану Александеру, и капитан Александер заявил, что он не привык отступать.

Миссис Шовилл метала громы и молнии, особенно в женском обществе, часто доходя до безумия.

Люсиль бывала только у Фроны. Но Джекоб Уэлз, редко посещавший соседей, частенько сидел у камина полковника Трезвея; обычно он приходил не один, а захватывал еще кого-нибудь с собой.

— Вы заняты сегодня вечером? — говорил он, встречаясь с кем-либо из знакомых. — Нет? Так идемте со мной!

Порой он говорил это с видом невинного ягненка, иногда вызываясь сверкая глазами из-под густых бровей. Так или иначе, ему почти всегда удавалось привести с собой гостя. У всех таких гостей были жены, и этими посещениями в ряды оппозиции вносилось разложение.

Кроме того, у полковника Трезвея можно было найти нечто лучшее, чем слабый чай и болтовню; журналисты, инженеры и праздношатающиеся джентльмены заботились о том, чтобы тропа к жилищу полковника не зарастала, хотя ее и проложили самые влиятельные в Доусоне люди. Таким образом, дом Трезвея стал понемногу центром местной жизни, и, встретив коммерческую, финансовую и официальную поддержку, он не мог не приобрести значения в обществе.

Единственная скверная сторона всего этого заключалась в том, что жизнь миссис Шовилл и подобных ей женщин стала более скучной, потому что они потеряли веру в некоторые устарелые и нелогичные правила поведения. Кроме того, капитан Александер, как высшее должностное лицо, имел большое влияние в округе, и Джекоб Уэлз олицетворял Компанию, а в обществе считалось неблагоприятным держаться в стороне от Компании. Так в самом скором времени осталось не более полудюжины семейств, сохранивших свою отчужденность; на них махнули рукой.

ГЛАВА XXII

Весной из Доусона начался массовый отъезд. Одни — те, что сделали заявки, другие — те, что их не сделали, скупили всех пригодных собак и отправились к Дайе по последнему льду. Случайно выяснилось, что Дэйв Харни

— обладатель большинства собак.

— Уезжаете? — спросил его Джекоб Уэлз в один прекрасный день, когда полярное солнце впервые начало пригревать землю.

— Полагаю, что нет. Я зарабатываю по три доллара на каждой паре мокасин, которые я захватил, не говоря уже о сапогах. Знаете, Уэлз, вы здорово провели меня на сахаре, хоть я и не могу сказать, чтобы я был окончательно выбит из седла. Не так ли? Джекоб Уэлз улыбнулся.

— Мне помогла хитрость! Послушайте, у вас есть резиновые сапоги?

— Нет, все проданы еще в начале зимы. Дэйв тихо хихикнул:

— И я та самая компания, которая это сделала. — Нет. Я дал особое предписание приказчикам. Их не продавали оптом.

— Так оно и было. По человеку на пару и по паре на человека, а всего-то их было пар двести. Но ваши приказчики клали в кассу мои деньги, только мои, других там не было. «Не хотите ли выпить чего-нибудь?» — спрашивал я. Они не возражали. Пожалуйста! Но за это я получал то, что мне нужно. Называйте это своего рода уступкой. Мне это было по карману. Так вы говорите — уехать? Нет, в этом году я не уеду.

Стачка на Гендерсон-Крике в середине апреля, обещавшая быть сенсационной, привела Сент-Винсента на реку Стюарт. Немного позже Джекоб Уэлз, заинтересовавшись ущельем Галлахера, а также медными залежами у реки Белой, прибыл в тот же район вместе с Фроной, так как эта поездка была скорее увеселительной, чем деловой. Тем временем Корлисс и Бишоп, объехавшие в течение месяца с лишним районы Мао и Макквестчен, свернули на левый приток Гендерсона, где надо было разобрать множество заявок.

В мае установилась настоящая весна, и путешествовать по речному льду стало опасно. Старатели по остаткам талых льдов пробрались к группе островов ниже устья Стюарт, где одни из них устроили себе временное жилище, а другие воспользовались гостеприимством владельцев хижин. Корлисс и Бишоп поселились на Острове Распутья (получившем свое название из-за того, что партии старателей с материка обыкновенно

делились здесь на группы, расходившиеся в разные стороны, где Томми Макферсон уже раньше устроился довольно уютно. Двумя днями позже Джекоб Уэлз и Фрона подъехали сюда после опасного путешествия по реке Белой и расположились на возвышенности в верхнем конце острова. Несколько измученных чечако, первых ласточек золотой лихорадки по этой весне, разбили лагерь на берегу реки. Здесь же были какие-то молчаливые люди, которым преградил путь тающий лед; они выходили на берег и строили плоты, выжидая, когда река станет судоходной, либо скупали лодки у местных жителей. Среди них особенно выделялся барон Курбертен.

— О! Сногшибательно! Великолепно! Не правда ли?

Фрона первая столкнулась с ним на следующий день. — Что именно? - спросила она, подавая ему руку — Вы! Вы!.. — Он снял шляпу. — Какая прелесть!

— Я уверена... — начала она.

— Нет! Нет! — тряхнул он кудрявой головой. — Нет, вы посмотрите! — Он повернулся к очень знакомой рыбацкой лодке: только что его надул Макферсон, взяв за перевоз тройную цену. — Вот это каноэ! Прелестное каноэ, ведь, кажется, так говорят янки?

— А! Вы про лодку, — сказала она с легким оттенком грусти.

— Да нет же! Извините... — Он раздраженно топнул ногой. — Дело не в вас и не в лодке. Ага! Дело в вашем обещании. Вы помните, мы как-то разговорились у мадам Шовилл о лодке и о моем неумении с ней обращаться, и вы обещали, вы сказали... — Что я дам вам первый урок?

— Ну разве это не чудесно? Послушайте! Слышите? Журчание! О, журчание, глубоко, в самом сердце реки! Вода скоро сбросит оковы. Вот лодка! Здесь мы встретились! Первый урок! Чудесно? Чудесно!

Ближайший к Распутью остров носил название Острова Рубо и был отделен от первого узким проливом. Сюда, когда от дороги почти ничего уже не осталось и собакам приходилось передвигаться вплавь, прибыл Сент-Винсент, последний, кто осмелился ехать по зимнему пути. Он поселился в хижине Джона Борга, угрюмого, мрачного субъекта, мизантропа. Роковая случайность заставила Сент-Винсента выбрать во время ледохода именно хижину Борга в качестве убежища.

— Ладно, — ответил Борг, когда Сент-Винсент пришел к нему. — Бросьте ваши одеяла в угол. Бэлла уберет свое барахло с койки. Вторично он заговорил только вечером. — Вы можете сами себе стряпать. Когда баба освободит плиту, будет ваш черед.

Его «баба», иначе Бэлла, была молодая, хорошенькая индианка,

красивее всех виденных Сент-Винсентом. Она вовсе не была грязновато-смуглой, как многие ее подруги; ее чистая кожа отливала бронзой, и черты ее лица были вовсе не так резко очерчены, как у иных ее соплеменниц.

После ужина Борг положил оба локтя на стол и, поддерживая подбородок и челюсти уродливыми руками, сидел неподвижно, уставившись перед собой, покуривая вонючий сивашский табак. Его взгляд мог бы показаться задумчивым, если бы глаза его щурились или мигали. Но теперь лицо его точно застыло в трансе.

— Вы давно в этой местности? — спросил Сент-Винсент, стараясь завести разговор.

Борг мрачно взглянул на него своими черными глазами, не то видя его насквозь, не то глядя куда-то мимо. Казалось, он забыл о существовании Сент-Винсента. Должно быть, обдумывает какие-то важные проблемы, вероятнее всего, собственные грехи, решил журналист, нервно скручивая себе папиросу. Когда растаяли клубы желтого дыма и Сент-Винсент собирался скрутить себе вторую папиросу, Борг внезапно заговорил.

— Пятнадцать лет, — вымолвил он и снова мрачно задумался.

Словно зачарованный, Сент-Винсент с полчаса изучал его непроницаемую физиономию. Прежде всего бросалась в глаза массивная, неправильной формы голова с сильно развитой верхней частью. Ее поддерживала толстая, бычья шея. Она была вылеплена с расточительностью, свойственной первобытным формам, и все относящееся к ней носило печать той же первобытной асимметричной необработанности. Волосы, растущие целым лесом, густые и лохматые, местами переплетались в причудливые седые пряди, а кое-где, как бы издеваясь над старостью своего обладателя, свивались тусклыми черными кудрями необычайной густоты, похожими на толстые скрюченные пальцы. Жесткая борода местами совершенно вылезла, а местами торчала седоватыми пучками, напоминая кустарник. Она разрослась по всему лицу и спускалась космами на грудь, не закрывая, однако, впалых щек и кривого рта. Его тонкие губы были бесстрастно жестоки. И больше всего обращал на себя внимание его лоб, служивший необходимым дополнением к неправильности всего лица. Это был великолепный лоб, крутой и широкий; в нем было что-то величественное. Он казался вместилищем великого ума; за ним могла скрываться мудрость.

Бэлла, мывшая посуду и расставлявшая ее на полке за спиной Борга, уронила тяжелую оловянную чашку. В хижине было очень тихо, и резкий звон прозвучал неожиданно. В ту же минуту раздался звериный рев, и Борг, опрокинув стул, вскочил со сверкающими глазами и искаженным лицом.

Бэлла издала нечленораздельный, животный крик ужаса и припала к его ногам. Сент-Винсент почувствовал, что волосы у него встают дыбом, и жуткий холодок, словно струя ледяного воздуха, пробежал по спине. Вдруг Борг, придвинув стул, опять принял прежнюю позу и, подперев подбородок руками, глубоко о чем-то задумался. Никто не проронил ни слова. Бэлла как ни в чем не бывало продолжала убирать посуду, а Сент-Винсент крутил папиросу дрожащей рукой и спрашивал себя, не было ли все это сном.

Джекоб Уэлз рассмеялся, когда журналист рассказал ему об этой сцене.

— Это его манера вести себя, — сказал Уэлз, — такая же необычная, как вся его внешность. Он антиобщественное животное. Он прожил в этой стране много лет, но знакомых так и не приобрел. По правде говоря, у него вряд ли найдется приятель во всей Аляске, даже среди индейцев, а он не раз жил среди них. «Джонни-ворчун», называют они его, но ему больше подошла бы кличка «Джонни-головорез»: у него вспыльчивый нрав и тяжелая рука. Как-то между ним и агентом из Серкла возникло маленькое недоразумение. Он был прав, ошибался агент, но он немедленно решил, что будет бойкотировать Компанию, и целый год питался одним мясом. Затем я случайно встретился с ним в Танане, и, выслушав мои объяснения, он наконец согласился опять покупать у нас продукты.

— Он добыл эту женщину у истоков реки Белой, — сообщил Сент-Винсенту Билл Браун. — Уэлз считает себя пионером на этом пути, но Борг мог бы дать ему много очков вперед. Он уже бывал там несколько лет тому назад. Да, странный тип этот Борг. Мне бы не хотелось быть его постояльцем.

Но Сент-Винсенту не мешали эксцентричные выходки старика, так как большую часть времени он проводил на Острове Распутья с Фроной и бароном. Впрочем, как-то раз Сент-Винсент невольно вызвал гнев Борга. Два шведа, которые охотились на белок по всему острову, остановились у хижины Борга, чтобы попросить спичек и поболтать под теплыми солнечными лучами на просеке. Сент-Винсент и Борг разговорились с ними, причем последний по большей части задумчиво мычал. За их спиной у дверей хижины Бэлла стирала белье. Чан, громоздкая, домашнего изготовления вещь, до половины наполненный водой, был слишком тяжел для женщины. Журналист заметил, что Бэлле не поднять его, и поспешил на помощь.

Они вместе понесли чан в сторону, чтобы слить воду в канаву. Сент-Винсент поскользнулся на талом снегу, и мыльная вода пролилась. Потом поскользнулась Бэлла, потом оба вместе. Бэлла хихикала и смеялась, а

Сент-Винсент вторил ей. Весна трепетала в воздухе и у них в крови, и жизнь казалась прекрасной. Только обледенелое сердце могло не радоваться такому дню. Бэлла снова поскользнулась, постаралась удержать равновесие, поскользнулась другой ногой и внезапно уселась на землю. Они оба весело засмеялись, и журналист взял ее за руки, чтобы помочь ей подняться. Борг, дико рыча, одним прыжком оказался возле них. Он резко разъединил их руки и грубо отшвырнул Сент-Винсента. Тот покачнулся и чуть не упал. Затем повторилась сцена, имевшая место в хижине. Бэлла ползала по земле на коленях, а ее повелитель в гневе стоял над ней.

— Смотрите, вы! — сказал он Сент-Винсенту хриплым, гортанным голосом. — Можете спать в моей хижине и готовить в моей кухне. Но мою бабу оставьте в покое.

После этого все пошло обычным порядком, как будто ничего не случилось. Сент-Винсент держался в стороне от Бэллы и, по-видимому, забыл о ее существовании. Но шведы вернулись на свой конец острова, посмеиваясь над пустячным инцидентом, которому суждено было сыграть в будущем большую роль.

ГЛАВА XXIII

Лаская землю нежными теплыми лучами, явилась чудесная весна и, уже готовясь превратиться в цветущее лето, как бы предавалась томным мечтам. В ущельях и долинах снега уже не осталось, он держался только на северных склонах обледенелых гор. Вот-вот должно было начаться таяние ледников, и каждый ручеек грозил внезапно выйти из берегов. Солнце вставало все раньше и заходило все позже. В три часа теперь начинался холодный рассвет, а в девять вечера наступали мягкие сумерки. Скоро золотой шар будет непрестанно кружить по небу, и глубокая полночь превратится в светлый, яркий полдень. Ивы и осины давно покрылись почками и уже наряжались в новый зеленый убор, а на стволах сосен выступила смола.

Природа-мать, пробудившись от сна, торопливо принялась за работу. Сверчки пели по ночам в тихих хижинах, и северные насекомые, привлеченные солнечным светом, выползали из расщелин и трещин в скалах; эти большие, шумные, безобидные создания, родившиеся в прошлом году и пролежавшие зиму в спячке, теперь ожили, чтобы, чуть пожужжав в воздухе, умереть снова. Все ползающие, пресмыкающиеся и порхающие существа вылезли на свет божий и торопились вырасти, размножиться и погибнуть. Только раз вдохнуть ароматный воздух, а там опять бесконечные морозы! Они знали это слишком хорошо и не теряли времени. Береговые ласточки отрывали свои старые ходы в мягких глиняных берегах, и малиновки пели на лесистых островах. Над головой настойчиво стучал дятел, а в глубине чащи кричала куропатка, словно гордясь, что пришло и ее время...

Юкон не принимал участия во всей этой лихорадочной суете. Он тянулся на протяжении тысяч миль, холодный, неподвижный, мертвый. Шумные косяки диких птиц, принесенные южным ветром, тщетно искали открытой воды и неустрашимо мчались дальше к северу. От берега до берега тянулся сплошной лед. Кое-где сквозь трещины просачивалась вода. Но в холодные ночи все замерзало снова. Легенда говорит, что в старину бывали времена, когда Юкон оставался подо льдом в течение трех лет. Глядя на него, можно было поверить и в менее правдоподобные вещи.

Так лето проходило в ожидании вскрытия реки, и медлительный Юкон со дня на день откладывал свое освобождение, лишь потрескивая своими крепкими оковами. Иногда на поверхности реки образовывались полыньи и

трещины, которые все увеличивались и уже больше не замерзали. Тогда оторвавшийся от берегов лед проплывал по воде какой-нибудь ярд. Но река все еще не хотела освободиться от его власти. Это был тяжкий, медленный труд, и человек, привыкший украшать природу с искусством пигмея, сумевший обуздать смерчи и водопады, ничего не мог поделать с миллиардами тонн замерзшей воды, которые отказывались катиться вниз к Берингову морю.

На Острове Распутья все ожидали вскрытия реки. Водные пути были издавна первыми проезжими дорогами, а Юкон оставался единственным из них во всей стране. Лодочники с верховьев реки сбивали плоты, скрепляя их железом. Лодочники с нижнего течения конопатили лодки и баржи и топором и стругом выкраивали запасные весла. Джекоб Уэлз бездельничал и радовался полному затишью в работе, и Фрона радовалась вместе с ним. Барон Курбертен сильно нервничал из-за отсрочки. Его горячая кровь бурлила после долгой зимы, и весеннее солнце возбуждало в нем пылкие фантазии.

— О! О! Река никогда не вскроется! Никогда! — Он смотрел на неподвижный лед, осыпая его учтивыми проклятиями. — Это заговор, бедная моя «Бижу», настоящий заговор!

И он нежно поглаживал «Бижу», как окрестил он свое сверкающее каноэ, точно это была лошадь.

Фрона и Сент-Винсент смеялись и толковали ему о терпении, которое он упорно посылал ко всем чертям, пока однажды Джекоб Уэлз не сказал ему:

— Смотрите, Курбертен! Вон там, к югу от утеса. Можете разглядеть? Что-то движется! — Будто бы собака. — Слишком медленно для собаки. Фрона, принеси бинокль. Курбертен и Сент-Винсент вместе кинулись за биноклем, но последний знал, где он хранится, и вернулся победителем. Джекоб Уэлз приставил бинокль к глазам и смотрел, не отрываясь, на противоположный берег. До острова была добрая миля, и солнечный блеск на льду сильно мешал ему.

— Человек! — Он передал бинокль и напряженно уставился на реку. — Что-то там неладно.

— Он ползет! — воскликнул барон. — Этот человек ползет на четвереньках! Смотрите! Вы видите? — Его рука вздрагивала, когда передавала бинокль Фроне.

По ту сторону искрящегося белого пространства почти невозможно было различить небольшой темный предмет, смутно выступавший на таком же темном фоне земли и кустов. Но Фрона ясно увидела человека и, сузив

глаза, уже могла следить за каждым его движением, в особенности когда он добрался до поваленной ветром сосны. С трудом она продолжала наблюдать. Человек дважды тщетно пытался, карабкаясь и извиваясь, переползти через огромный ствол и лишь после третьей попытки почти на исходе сил одолел его только для того, чтобы беспомощно свалиться в густой кустарник.

— Да, человек. — Фрона передала бинокль Сент-Винсенту. — Он едва двигается. Только что упал по ту сторону ствола.

— Шевелится? — спросил Джекоб Уэлз. И, когда Сент-Винсент покачал головой, старик принес из палатки свою винтовку и выстрелил в воздух шесть раз подряд.

— Шевелится! — Журналист напряженно следил за ним. — Он ползет к берегу. Ах!.. Нет, подождите секунду. Да! Теперь он лежит на земле и поднимает шляпу или что-то другое на палку. Машет... (Джекоб Уэлз сделал еще шесть выстрелов.) Снова машет. Все. Уронил палку и лежит без движения.

Все трое вопросительно посмотрели на Джекоба Уэлза. Он пожал плечами.

— Откуда мне знать? Белый или индеец? Наверно, изголодался или ранен...

— Но ведь, может быть, он умирает? — умоляюще сказала Фрона, как будто для ее отца, совершившего в жизни так много, не существовало ничего невыполнимого. — Мы ничего не можем сделать.

— Ах! Ужас! Ужас! — ломал руки барон. — На наших глазах! И мы ничего не можем сделать! Нет! — воскликнул он, внезапно решившись. — Нельзя! Перейду по льду.

Он побежал было вниз, но Джекоб Уэлз схватил его за руку.

— Не торопитесь, барон! Не теряйте головы. — Но...

— Никаких «но». Что нужно этому человеку — пища, лекарства, что еще? Подождите минутку. Пойдем вместе.

— Считайте, что я иду с вами, — немедленно вызвался Сент-Винсент, и глаза Фроны заблестели.

Пока она в палатке готовила сверток с провизией, мужчины достали шестьдесят или семьдесят футов легкой веревки. Джекоб Уэлз и Сент-Винсент привязали себя к обоим концам ее, а барона посередине. Барон заявил, что о провизии будет заботиться он, и навьючил сверток на свои широкие плечи. Фрона следила за ними с берега. Первые сто ярдов они прошли без труда, но она сразу заметила перемену, когда они перешли границу сравнительно плотного прибрежного льда. Ее отец уверенно вел их

вперед, нащупывая путь палкой и постоянно меняя направление.

Сент-Винсент, шедший последним, прежде всех провалился под лед. Но голова его не окунулась в воду, несмотря на сильное течение, и спутники вытащили его, сильно дернув за веревку. Фрона видела, как они посоветовались минуту и барон все показывал на что-то и жестикулировал, после чего Сент-Винсент отвязал себя и пошел обратно к берегу.

— Бр-р-р... — поежился он, приближаясь к Фроне. — Это невозможно.

— Так отчего же они не вернулись? — спросила она с легким оттенком неудовольствия в голосе.

— Они сказали, что сделают еще одну попытку. Этот Курбертен — горячая голова, вы же знаете.

— И отец мой — упрямец, — улыбнулась она. — Не хотите ли переодеться? В палатке есть запасная смена.

— О. нет! — Он прилег на землю рядом с ней. — На солнце тепло.

Целый час они следили за обоими мужчинами, которые тем временем превратились в черные точки. Им удалось пробраться на середину реки и продвинуться на милю вверх по течению. Фрона внимательно следила за ними в бинокль, но они часто исчезали за ледяными глыбами.

— Это нечестно с их стороны, — жаловался ей Сент-Винсент, — они сказали, что сделают только еще одну попытку. Иначе я бы не вернулся. Но им это все равно не удастся. Это совершенно невозможно.

— Да... Нет... Да! Они возвращаются, — заявила она. — Но слушайте! Что это?

Глухой гул, словно отдаленный гром, шел с середины реки. Фрона испуганно вскочила. — Грегори, неужели река вскрывается? — Нет, конечно, нет! Видите, как все стихло. Гул, поднявшийся сверху, замер где-то внизу реки. — Вот! Опять!

Второй раскат, более глухой и зловещий, спугнул малиновок и белок. Он прозвучал, словно грохот поезда, мчащегося по эстакаде. Третий раскат, перешедший в продолжительный рев, начался сверху и пронесся мимо них. — О, чего они медлят!

Обе точки остановились: по-видимому, путники совещались. Фрона поспешно навела бинокль на реку. Снова раздался гул, но она не видела никаких изменений. Лед оставался по-прежнему спокойным и неподвижным. Малиновки снова запели, а белки начали верещать, казалось, с некоторым злорадством.

— Не бойтесь, Фрона! — Сент-Винсент покровительственно обнял ее. — Если есть опасность, то они понимают ее лучше нас и выжидают.

— Я никогда не видела, как вскрывается большая река, — сказала она, примиряясь с необходимостью ждать.

Тул то раздавался вновь, то затихал, но других признаков начала ледохода не было, и двое мужчин, бредя по воде, постепенно продвигались к берегу. Они промокли насквозь и дрожали от холода, поднимаясь вверх.

— Наконец-то! — Фрона схватила отца за руки. — Х Я боялась, что вы никогда не вернетесь.

— Хорошо, хорошо. Давай скорее обедать. — Джекоб Уэлз засмеялся. — Опасности не было никакой. — Но что же это было?

— Река Стюарт вскрылась, и ее лед заплыл под ледяную корку Юкона. Мы там ясно слышали треск ломающихся глыб.

— О, это было ужасно! Ужасно! — воскликнул барон. — И тот несчастный! Мы не можем его спасти!

— Нет, можем. Мы еще раз попытаемся после обеда. Отправим собак. Поторапливайся, Фрона.

Но и собаки потерпели неудачу. Джекоб Уэлз выбрал самых умных вожakov, привязал к их спинам пакеты с провизией и хотел заставить их спуститься с берега. Но собаки не могли понять, что от них требуется. При каждой попытке вернуться их снова гнали к реке палками, камнями и криками. Это только сбивало их с толку, и, отойдя на почтительное расстояние, они поднимали свои мокрые, холодные лапы и жалобно выли, глядя на берег.

— Если бы удалось согнать вниз хоть одну, они поняли бы, что мне от них нужно, и дело пошло бы как часы. А ну, вперед, Мириам! Вперед! Вся суть в том, чтобы хоть одна из них спустилась на лед.

Джекоб Уэлз наконец заставил Мириам, вожaka упряжки Фроны, пойти по следу, проложенному им и бароном. Собака храбро поднималась вперед, карабкалась и барахталась, иногда пускаясь вплавь. Но, добравшись до того места, откуда они повернули назад, Мириам беспомощно села на задние лапы. Потом она бросилась наперерез к берегу, выбралась на пустынный остров, расположенный выше, и через час вернулась домой без пакета с провизией. Тогда две собаки, притаившиеся в сторонке, окончательно испортили дело, пожрав Друг у друга продовольствие. После этого пришлось отказаться от дальнейших попыток, и собак позвали домой.

В течение дня гул все учащался, а ночью стал непрерывным. К утру он, однако, совершенно прекратился. Река поднялась на восемь футов, и во многих местах вода просочилась сквозь ледяной покров. Всюду слышался треск и хруст, и трещины разбегались по всем направлениям.

— Лед с реки Стюарт застрял ниже между островами, — пояснил Джекоб Уэлз. — Это вызвало подъем Юкона. А в самом устье реки Стюарт образовался затор, и теперь лед идет обратно. Когда же он прорвется назад, то пойдет к нижнему затору у островов. — И тогда? Тогда? — ликовал барон. — «Бижу» поплывет.

Когда рассвело, они принялись высматривать человека на той стороне реки. Он не сдвинулся с места, но в ответ на ружейные выстрелы слабо шевелился.

— Ничего нельзя сделать, пока не вскрыется река, барон. Но скоро мы махнем на «Бижу». Сент-Винсент, вам лучше принести ваши одеяла и переночевать здесь. Нам понадобятся трое гребцов, и я думаю взять Макферсона.

— У меня нет необходимости оставаться здесь, — поспешил ответить журналист. — Лед тверд, как алмаз, и я поднимусь с зарей.

— А я? Обо мне забыли? — спросил барон Курбертен. Фрона засмеялась.

— Вспомните, что вы еще не взяли первого урока. — И что для него завтра едва ли найдется время, — прибавил Джекоб Уэлз. — Мы должны спешить. Боюсь, что команда будет состоять из Сент-Винсента, Макферсона и меня. Очень сожалею, барон. Поживите с нами еще год, и тогда мы от вас не откажемся.

Но барон Курбертен никак не мог утешиться и дулся еще целых полчаса.

ГЛАВА XXIV

— Проснитесь! Эй вы, сони! Проснитесь! Едва услышав голос Дэла Бишопа, Фрона сбросила меховые одеяла, которыми укрывалась, но прежде чем она успела накинуть юбку и сунуть босые ноги в мокасины, ее отец, спавший за занавеской, откинул полы палатки и вышел.

Река вздулась. В холодной предрассветной дымке Фрона увидела, как лед мягко терся о высокий берег, местами покрывая его. Огромные глыбы колыхались на расстоянии многих футов от них. Вдали ледяное поле сливалось с тусклым, серым утренним небом. До Фроны донеслись легкий плеск, журчание и едва заметный скрип.

— Когда река тронется? — спросила она Дэла. — Мы и так уже заждались. Смотрите! Он указал на воду, которая пробивалась сквозь лед и жадно подползала к ним. Каждые десять минут она поднималась на несколько футов.

— Опасно? — усмехнулся он. — Ничего подобного. Все будет хорошо. Те острова, — он неопределенно махнул в сторону реки — не смогут выдержать более сильный напор. Если они задержат лед, то он вообще сметет их с лица земли. Наверняка! Но мне надо бежать домой. Наша стоянка расположена ниже. Вода залила пол в хижине дюймов на пятнадцать, и Макферсон с Корлиссом прячут провизию на койки.

— Скажите Макферсону, чтобы он был готов, когда мы пошлем за ним! — крикнул вслед ему Джекоб Уэлз.

Потом он обратился к Фроне:

— Теперь Сент-Винсент как раз должен переходить пролив.

Барон, продрогший, босоногий, вынул часы. — Без десяти минут три, — стуча зубами, сказал он. — Идите домой и наденьте мокасины, — сказала Фрона. — Вы еще успеете.

— И пропущу все это великолепие? Слушайте! Неизвестно откуда раздался сильный треск, постепенно замерший вдали лед тронулся и медленно, очень медленно поплыл вниз по течению. Не было ни шума, ни оглушительного грома, ни грандиозной борьбы стихий — уплывал безмолвный белый поток, чинная процессия плотного льда, настолько плотного, что не было видно ни одной капли воды. Она притаилась где-то под ледяной коркой, но это приходилось принимать на веру. Слышался не то неясный гул, не то тихий скрип, такой слабый, что ухо едва улавливало его. — А где же великолепие? Это обман!

Барон сердито погрозил кулаками реке, и густые брови Джекоба Уэлза поползли вниз, словно для того, чтоб скрыть насмешливо улыбающиеся глаза.

— Ха-ха-ха! Просто смешно. Плевать я хотел на этот лед! Черт с ним!

И, сказав это, барон Курбертен наступил на льдину, которая медленно скользила мимо его ног. Это случилось так неожиданно, что, когда Джекоб Уэлз попытался удержать его, он уже уплыл.

Лед двигался все быстрее, а гул становился все более громким и угрожающим. Грациозно раскачиваясь, точно цирковой наездник, француз скользил вдоль берега. Он сделал около пятидесяти футов, причем с каждой минутой его рысак казался все ненадежнее, а затем ловко прыгнул на сушу. Он вернулся, смеясь, и получил в награду за свои подвиги несколько самых отборных словечек, которые Джекоб Уэлз извлек из своего особого лексикона, предназначенного только для мужчин. — За что? — спросил Курбертен, сильно задетый. — За что? — раздраженно передразнил его Джекоб Уэлз, указывая на вязкий поток, скользивший мимо них.

На тридцать футов ниже громадная льдина врезалась в русло реки и стремилась перевернуться. Вся полоса льда за ней дрожала и выгибалась, точно лист бумаги. Затем застрявшая льдина перевернулась, показав свое тинистое острие. Но, казалось, здесь было тесно, льдины насккивали на нее, пока наконец вся глыба льда и ила в пятьдесят футов вышины не взлетела на воздух. Она с треском упала на движущуюся массу льда, и куски ее отскочили к ногам наблюдателей. Втянутая в этот хаос, она была стерта в порошок и исчезла.

— Боже! — произнес барон с благоговением и страхом.

Фрона схватила одной рукой за него, а другой за отца. Теперь лед двигался быстрыми скачками. Где-то внизу тяжелая льдина ударила о берег, и земля задрожала под ногами зрителей. Потом появилась другая, ближе к поверхности, и они едва успели отскочить, как льдину с силой подбросило вверх. Неся добрую тонну ила на широкой спине, она дерзко пронеслась дальше. Затем еще одна, зацепившись за берег огромной рукой, вырвала с корнем три беспечных сосны и увлекла их за собой.

К восходу белый поток загромоздил Юкон от берега до берега. Под напоромдвигающейся воды лед несея с головокружительной быстротой. Льдины, не переставая, врезались в берег, и остров дрожал и колебался до самого основания.

— О, это замечательно, замечательно! — обращалась Фрона к мужчинам. — Ну, где тут обман, барон?

— Ах! — Он покачал головой. — Ах! Я был не прав. Я раскаиваюсь.

Но это величественно! Смотрите!

Он указал на группу островов, загромождавших излучину реки. Здесь течение в милю шириной разделялось на несколько рукавов, труднопроходимых для плотного льда. Ударяясь о верхушки заливаемых холодным потоком деревьев, льдины отскакивали и взлетали высоко в воздух. Они напирали друг на друга, вылезали из воды, скользили, скрипели, поднимались все выше, на них нагромождались новые льдины, пока между деревьями не образовались ледяные холмы и горы.

— Здесь, вероятно, и будет затор, — сказал Джекоб Уэлз. — Достань бинокль, Фрона. — Он долго и пристально смотрел в него. — Ледяной поток растет и ширится. Стоит какой-нибудь льдине попасть вовремя в подходящее место.

— Но вода спадает! — воскликнула Фрона. Действительно, уровень воды стал на шесть футов ниже самого высокого места на берегу, и барон Курбертен измерил разницу своей палкой.

— Тот человек все еще лежит на месте, но он уже не шевелится.

Совсем рассвело, и солнце сияло на северо-востоке. Они поочередно смотрели в бинокль через реку.

— Обратите внимание! Разве это не поразительно? — Курбертен указал на сделанную им отметку. Вода упала еще на один фут. — Ах, какая неприятность! Затора не будет!

Джекоб Уэлз внимательно посмотрел на него. — Что будет? — спросил барон с воскресшей надеждой. Фрона вопросительно взглянула на отца.

— Заторы не всегда приятны, — сказал он с отрывистым смехом. — Все зависит от того, в каком месте они происходят и где вы в это время находитесь.

— Но вода! Посмотрите! Она спадает буквально на глазах!

— Еще не поздно! — Джекоб Уэлз скользнул взглядом по излучине реки и увидел, что ледяные горы все растут, громоздясь одна на другую. — Идите в палатку, Курбертен, и наденьте мокасины, которые стоят у плиты. Ступайте! Вы ничего не пропустите. А ты, Фрона, разведи огонь и приготовь нам кофе.

Через полчаса они увидели, что лед все еще медленно продвигается вперед, хотя уровень воды упал на двадцать футов.

— Теперь начнется потеха! Ну, посмотрите чуть в сторону, нетерпеливый француз. Пролив налево, дружище! Ну вот! Она сворачивает.

Курбертен увидел, как закрылся вход в пролив налево, а затем поднялась белая громада и начала странствовать от острова к острову. Лед,

плывший мимо них, замедлил свой ход и остановился. После этого вода сразу же стала прибывать. Это происходило с такой быстротой, как будто ничто, кроме неба, не могло ее остановить. И, как бы пробужденные, льдины сталкивались между собой и плыли к берегу, гоня перед собой тинистую воду, указывавшую им путь.

— Боже мой! Это уж совсем не так приятно. — Зато великолепно, барон, — поддразнила его Фрона. — Все-таки вы напрасно мочите себе ноги.

Он отошел как раз вовремя. Снежная лавина с грохотом обрушилась на то место, где он только что стоял. Под напором воды лед поднимался все выше, пока не встал над островом сплошной стеной.

— Но он быстро опустится, когда затор прорвется. Смотрите, лед уже почти стоит на месте. Затор прорвался.

Фрона следила за белой громадой у островов. — Нет, — сказала она.

— Но вода уже не прибывает так стремительно. — Но она все-таки прибывает.

Барон притворился смущенным. Затем его лицо просияло.

— О! Теперь я знаю! Где-нибудь выше есть еще один затор. А вдруг он еще больше, чем этот?

Она схватила его трепещущую руку и задержала в своей.

— Подумайте, что будет, если верхний затор прорвется, а нижний еще удержится?

Барон спокойно смотрел на нее, пока не понял значения ее слов. Его лицо вспыхнуло, он порывисто задышал, выпрямился и откинул голову назад. Потом сделал широкий жест рукой, указывая на остров, и произнес:

— Тогда вы и я, палатка, лодки, хижины, деревья — все и даже «Бижу» полетит к черту. Фрона покачала головой. — Ужасно досадно! — Досадно? Нет. Великолепно!

— Нет-нет, барон. Я не то хочу сказать. Досадно, что вы не англосакс. Вы были бы гордостью науки. — А вы, Фрона, могли стать украшением Франции.

— Опять говорите друг другу комплименты, — ухмыльнулся Дэл Бишоп, собираясь так же быстро исчезнуть, как и появился. — Закругляйтесь скорей. В хижине есть несколько больных. Идите туда. Вы им нужны. Не теряйте времени! — крикнул он через плечо, скрываясь за деревьями.

Вода все еще прибывала, но уже медленно. Как только они покинули высокое место, им пришлось шлепать по воде, доходящей до лодыжек. Пробираясь между деревьями, они набрали на лодку, оставшуюся здесь с

прошлой весны. Трое чечако, которым удалось добраться до острова по льду, влезли в нее вместе с палаткой, санями и собаками. Но лодка находилась в опасной близости от ледяного потока, который выл, извивался и вздымался всего в нескольких футах от нее.

— Уходите! Выбирайтесь отсюда, дурачье! — крикнул Джекоб Уэлз мимоходом. Дэл Бишоп, пробегая, посоветовал им: — Убирайтесь отсюда ко всем чертям. Но чечако не услышали их. Один из них поднял недоумевающее, перепуганное лицо. Другой, не обращая ни на что внимания, лежал ничком поперек лодки, совершенно обессиленный, а третий, с физиономией клерка, раскачиваясь взад и вперед, монотонно стонал:

— О господи! О господи!

Барон остановился, чтобы дать ему встряску. — Черт возьми! — воскликнул он. — Действуйте ногами, приятель! Не призывайте бога, а действуйте ногами. Ну! Ну, бодрее! Ну! Пошевеливайтесь! Отойдите от берега! Спрячьтесь где-нибудь в лесу или где угодно!

Он сделал попытку вытащить его из лодки, но человек яростно отбивался и в конце концов остался на месте.

— Мой лексикон пополняется, — с гордостью сказал барон Фроне, спешившей вместе с ним вперед. — Пошевеливайтесь! Это крепкое словцо и вполне уместное.

— Вам следовало бы путешествовать с Дэлом! — рассмеялась она. — Он моментально увеличил бы ваш запас слов. — Неужели? — Конечно!

— Ох, уж этот ваш язык! Я никогда не научусь говорить на нем. — И он с отчаянием схватился за голову руками.

Они вышли на просеку, где у самой реки стояла хижина. На ее плоской земляной крыше лежали двое больных, завернутых в одеяла, а Бишоп, Корлисс и Джекоб Уэлз разыскивали узлы с платьем и прочую поклажу, ступая по колено в воде. В самом низком месте уровень воды равнялся двум футам, но пол хижины был углублен для сохранения тепла, и вода здесь доходила до пояса.

— Не дайте табаку промокнуть! — сказал слабым голосом один из больных, лежавших на крыше.

— К черту табак! — заявил его товарищ. — Позаботьтесь о муке и сахаре, — добавил он, подумав.

— Это потому, что Билл не курит, мисс, — объяснил первый. — Присмотрите за табаком, будьте добры, — умолял он.

— Вот, и заткнись! — Дэл бросил ему жестянку с табаком, в которую больной вцепился, точно это был мешок с самородками золота.

— Нужна ли моя помощь? — спросила Фрона, посмотрев вверх. — Нет. У них цинга. Им могут помочь только царство небесное и сырой картофель. — Старатель минуту разглядывал ее. — Что, собственно говоря, вы здесь делаете? Возвращайтесь на более высокое место.

Но тут со страшным грохотом обрушилась ледяная стена. Огромная глыба в пятьдесят тонн рассыпалась на мелкие куски у самой двери хижины, обрызгав их грязной водой. Льдина поменьше ударилась о выступающие угловые бревна, и хижина покачнулась. В ней находились Курбертен и Джекоб Уэлз.

— После вас, — услышала Фрона голос барона, за которым последовал отрывистый смешок отца, и галантный француз вышел последним, протискиваясь между льдиной и бревнами.

— Послушай, Билл! Если этот нижний затор удержится, мы покойники! — крикнул человек с жестянкой своему товарищу.

— Определенно! — последовал ответ. — Я видел ниже Нулато, как остров Биксби был начисто выметен — не хуже, чем пол в кухне моей старухи матери. Мужчины торопливо окружили Фрону. — Так не годится. Их нужно перенести в вашу хибарку, Корлисс.

С этими словами Джекоб Уэлз ловко взобрался на крышу хижины и посмотрел вниз на огромную преграду. — Где Макферсон? — спросил он. — Он окаменел от страха и сидит верхом на распорке палатки. Джекоб Уэлз помахал рукой. — Пролом. Река тронулась.

— К черту пол в кухне, Билл, при всем уважении к твоей старухе! — закричал любитель табака. — Верно, — ответил невозмутимый Билл. Вся река словно пришла в движение и покатила вниз свой тяжелый груз. Под его возрастающим напором ледяная стена рухнула во многих местах. Скрип и треск вырываемых с корнем деревьев был слышен вдоль всего берега.

Корлисс и Бишоп подняли Билла и направились к хижине Макферсона. А Джекоб Уэлз и барон только что начали спускаться с крыши его товарища, как надвинулась огромная льдина, которая накрыла хижину. Фрона видела это и криком предостерегла их, но в то же мгновение плохо сколоченные бревна рассыпались, как карточный домик. Она видела, как Курбертен и больной были сметены лавиной, а ее отец погрузился в воду вместе с обломками. Она кинулась к нему, но он не мог выплыть. Тогда она постаралась приподнять его голову так, чтобы его рот был над уровнем воды, но, несмотря на ее усилия, голова Джекоба Уэлза едва показалась на поверхности. Она отпустила его и внимательно обследовала воду, пока не убедилась, что правая рука отца застряла между бревнами. Фрона не могла

их сдвинуть, но просунула между ними стропило, видневшееся из-под грязного мха, грубый и малопригодный для этой цели рычаг. Под тяжестью ее тела он начал сгибаться и трещать. Это послужило ей предостережением. Она отошла на несколько футов и принялась в виде опыта осторожно раскачивать стропило, пока бревна не поддались и не показалось лицо Джекоба Уэлза, перепачканное тиной. Он несколько раз глубоко вздохнул и воскликнул: — Ничего! Все годится! А затем, быстро оглянувшись, добавил: — Фрона, Дэлу Бишопу можно верить. — А в чем дело? — спросила она с недоумением. — Он сказал, что ты молодец.

Джекоб Уэлз поцеловал ее, и они оба, смеясь, стерли тину с губ.

Курбертен показался из-за развалин. — В жизни не встречал подобного человека! — весело воскликнул он. — Он просто сумасшедший! Неугомонный какой-то! У него при падении треснул череп и табак пропал. Но его больше огорчает не череп, а табак!

Впрочем, череп был цел, только на коже зияла рана дюймов в пять длиною.

— Вам придется подождать, пока не вернутся другие. Я не могу нести. — Джекоб Уэлз показал на свою правую руку, которая висела, как плеть.

— Только вывих, — пояснил он. — Кости не сломаны.

Барон театральным жестом указал на ноги Фроны. — О, вода отхлынула, но здесь осталось сокровище, бесценная жемчужина!

Поношенные мокасины Фроны разлезлись от воды, и маленький белый палец выглядывал наружу.

— Значит, я очень богатая, барон. Ведь у меня их еще девять.

— Кто с этим не согласится! Кто с этим не согласится! — пылко воскликнул он.

— Какой вы потешный, сумасбродный, славный парень!

— Припадаю к вашим перстам! — И он галантно опустил на колени в грязь.

Она, запустив обе руки в его гриву, шутя оттаскала его за волосы. — Что мне делать с ним, папа? Джекоб Уэлз пожал плечами и засмеялся. Фрона приподняла лицо Курбертена и поцеловала его в губы. И Джекоб Уэлз понял, что на долю барона пришлась самая большая радость.

Уровень реки опустился до зимнего уровня, и она помчала дальше свой ледяной груз. Но вдоль берега осталась двадцатифутовая ограда льдин. Огромные глыбы, словно исполинские останки какого-то полярного чудовища, были разбросаны по острову среди сваленных деревьев и покрытых илом цветов и трав. Солнце светило вовсю, смывая грязь и тину

с ледяных гор, пока они не засверкали под его лучами, точно груды алмазов молочно-голубоватого отлива. Они напоминали небрежно нагроможденные друг на друга сверкающие башни и радужные минареты, которые то и дело с грохотом обваливались в реку. У образовавшейся таким образом ямы стояла «Вижу», окруженная обитателями Острова Распутья, спасавшими чечачо и больных.

— Нет, нет! Двоих за глаза хватит! — Томми Макферсон оглядывался, ища помощников. — Трех в лодке девать некуда.

— Нам надо слетать одним духом, либо вовсе не браться за это дело, — сказал Корлисс. — Поэтому и требуется три человека, Томми, и вы это прекрасно знаете.

— Нет, нет, двоих хватит, говорю я вам. — К сожалению, нам действительно придется удовольствоваться двумя. Канадский шотландец громко выразил свое удовольствие.

— Третий только помешал бы. Я не сомневаюсь, что вы справитесь, приятель.

— Но вы будете одним из двух, Томми, — настаивал неумолимый Корлисс.

— Зачем? И без меня найдутся люди! — Нет. Не найдутся, Курбертен не знает самых простых вещей, Сент-Винсент, по-видимому, не может перебраться через пролив. Мистер Уэлз вывихнул руку. Только мы с вами остались, Томми.

— Я не хочу вмешиваться, но Дэл Бишоп — самый подходящий человек. Он хорошо гребет.

Шотландец не питал большой привязанности к суровому старателю, но хорошо знал его твердый характер и ухватился за возможность спасти самого себя, утопив другого.

Дэл Бишоп вышел на середину маленького кружка и, прежде чем заговорить, посмотрел в глаза каждому из присутствующих.

— Есть тут человек, который решится назвать меня трусом? — спросил он без обиняков. Он снова посмотрел всем в глаза. — Или, может быть, кто-нибудь посмеет сказать, что я поступил когда-либо подло? — Он еще раз оглянулся кругом. — Ладно. Я терпеть не могу воды, но я ее никогда не боялся. Я не умею плавать, но я все же прыгал за борт, и лучше уж не вспоминать, сколько раз. Я не могу двинуть веслом, чтобы не хлопнуться на дно лодки. Что касается того, чтобы править рулем, то знатоки утверждают, что в компасе тридцать два румба. Но когда я берусь за дело, приходится накинуть еще тридцать. Я ни черта не понимаю в гребле, это факт. Я опрокидываю любое каноэ, едва вступив в него ногой. Я

пробил дно у двух лодок. В Ущелье я пошел на дно, а недалеко от Уайтхорса меня вытащили из воды. Я могу грести в такт только с одним человеком, и этот человек— ваш покорный слуга. Но, джентльмены, я по первому призыву готов занять место на «Бижу» и вести ее хоть в ад, если она не перевернется по дороге.

Барон Курбертен сжал его в своих объятиях. — Вы настоящий мужчина! Это факт!

Томми побледнел и поспешил прервать воцарившееся молчание:

— Конечно, я умею обращаться с веслом, а в спину мне всегда дует попутный ветер. Но если мы пустимся в путь, то попадем в следующий затор. Я считаю, что торопиться нечего. Подождем, пока река не очистится от льда.

— Этот номер не пройдет, Томми, — заметил Джекоб Уэлз. — Здесь не может быть оправданий. — Но помилуйте! Совершенно ясно, что... — Довольно!

— сказал Корлисс. — Вы отправитесь со мной. — Ничего подобного. Я...

— Заткнитесь! — Дэл родился на свет с кожаными легкими и медной гортанью. Его окрик заставил шотландца присмиреть.

— Смотрите! Смотрите! — Серебристый голосок Фроны, прозвучавший по острову между деревьями, пришел на смену трубному реву Дэла. — Смотрите! Смотрите! Открытая вода! Подождите минуту! Я поеду с вами!

В трех милях вверх по течению, там, где Юкон делал резкий поворот на восток, показалась полоска воды. Как-то не верилось в это чудо после долгой, суровой зимы. Макферсон, лишенный воображения, начал решительно отступать.

— Подождите немножко! Подождите немножко! — протестовал он, когда старатель схватил его за шиворот. — Я забыл свою трубку.

— Что ж, подождем вместе, Томми, — издевался Дэл. — Я угостил бы вас моей трубкой, если бы ваша не торчала у вас из кармана. — Но ведь я забыл табак.

— Прошу вас! — Дэл сунул свой кисет в дрожащую руку Макферсона.

— Вам лучше снять куртку. Я вам помогу. И между нами, Томми, если вы не будете вести себя как Мужчина, я вам покажу, где раки зимуют. Честное слово!

Корлисс снял свою толстую фланелевую рубашку, чтобы легче было двигаться, и, когда Фрона подошла к ним, оказалось, что она также последовала его примеру.

На ней не было ни жакета, ни верхней юбки, а нижняя юбка из темной материи спускалась немного ниже колен.

— Вы подходите к нашей компании, — заметил Дэл. Джекоб Уэлз тревожно посмотрел на дочь и зашел с другой стороны лодки в то время, как она ощупывала рукоятки нескольких весел. — Неужели ты?.. — начал он. Она кивнула головой.

— Вы добрая девушка, — вмешался Макферсон. — У меня дома жена, не говоря уже о трех малютках...

— Готово! — Корлисс оглянулся, приподнимая нос «Бижу».

Мутные ручьи сбегали в реку с крутого берега. Курбертен поддерживал корму, а Дэл подгонял упиравшегося Томми. Плоская льдина, спущенная с горы, стала причальными мостками. — Ступайте на нос, Томми.

Шотландец застонал, но, услышав за собой тяжелое дыхание Бишопа, повиновался. Фрона села на корму, чтобы удержать равновесие.

— Я умею править, — уверяла она Корлисса, только теперь сообразившего, что она едет с ними.

Он поднял глаза на Джекоба Уэлза, словно спрашивая разрешения, и получил утвердительный ответ.

— Скорей! Двигайтесь! — нетерпеливо понукал их Дэл. — Не теряйте времени!

ГЛАВА XXV

«Бижу» была совершеннейшим воплощением всего изящного и тонкого, что таится в душе судостроителя. Легкая и хрупкая, как яичная скорлупа, обшивки ее в три восьмых дюйма толщиной была плохой защитой от льдин величиной даже в человеческую голову. Несмотря на то, что вода уже была чистой, «Бижу» мешали плавучие льдины, оторвавшиеся от береговой кромки.

Сидя на корме и искусно управляя рулем, Фрона сразу же внушила Корлиссу доверие к себе.

Картина была величественная: черная река катила свои волны между хрустальными берегами; а там, дальше, зеленые леса поднимались к летнему небу, усеянному облаками; и над всем этим знойное солнце дышало жаром, точно раскаленная печь. Величественная картина! Но мысли Корлисса почему-то обратились к его матери и ее обязательному чаепитию, к мягким коврам, чопорным горничным из Новой Англии, канарейкам, поющим на широких окнах, и он задумался над тем, могла ли бы она все это понять. И когда он подумал о девушке, сидевшей позади него, и прислушался к плеску ее опускавшегося и поднимавшегося весла, перед ним прошла вереница женщин, знакомых его матери. Бледные, мерцающие призраки, подумал он, и карикатуры на тех, кто некогда населял землю и будет населять ее впредь.

«Бижу» обогнула крутящуюся льдину и через узкий пролив выскочила в открытое место. Ледяная стена со скрежетом сомкнулась за ними. Томми застонал. — Ловко! — одобрительно сказал Корлисс. — Сумасшедшая женщина! — раздалось ворчание за их спиной. — Что ей стоило немного подождать?

Услышав его слова, Фрона ответила на них вызывающим смехом. Взглянув на нее через плечо, Вэнс был околдован ее улыбкой. Небрежно надетая шапочка соскользнула с головы, и распущенные волосы, сверкающие на солнце, обрамляли ее лицо, как тогда, по дороге от Дайи.

— Мне хочется запеть, но надо беречь силы. «Песню о мече», например, или «Песню о якоре». Или «Первую матросскую песню», — сказал Корлисс. — «Моей была женщина смуглая», — промурлыкал он многозначительно.

Она погрузила весло в воду с другой стороны лодки, чтобы обогнуть небольшую льдину, и, по-видимому, не расслышала.

— Я могла бы так плыть без конца, — сказала она. — И я тоже, — горячо поддержал ее Корлисс. Но она добавила только:

— Вэнс, я очень рада, что мы с вами друзья. — Не я виноват в том, что мы только друзья.

— Вы не гребете, сударь, — заметила она, и он молча склонился над веслами.

«Бижу» плыла под углом в сорок пять градусов к течению. Это помогало ей достигнуть западного берега как раз против точки отправления и отсюда повернуть вверх, в более спокойную часть реки. Им предстояло сделать милю вдоль скалистого берега. И тогда их будет отделять от погибающего сотня ярдов бушующего потока.

— Теперь можно ослабить ход, — предложил Корлисс, когда они попали в водоворот и были отнесены встречным течением к огромной стене берегового льда.

— Кто бы подумал, что сейчас середина мая? — Фрона посмотрела на плывущие льдины. — Вам все это кажется реальным, Вэнс? Он покачал головой.

— Мне тоже нет. Я знаю, что это я, Фрона. нахожусь здесь в рыбацкой лодке и вместе с двумя мужчинами гребу для спасения другого человека. Год по нашему летосчислению тысяча восемьсот девяносто восьмой, место действия Аляска, река Юкон; я вижу воду и плавающие в ней льдины; мои руки устали, мое сердце учащенно бьется, я покрыта испариной, и все же это кажется сном. Подумайте только! Лишь год назад я была в Париже!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через реку на противоположный берег, где на фоне темной зелени леса белела палатка Джекоба Уэлза.

— Просто не верится, что на свете существует город, — прибавила она. — Парижа нет.

— А я год тому назад был в Лондоне, — задумчиво сказал Корлисс. — Но с тех пор я стал другим. Лондон? Теперь нет Лондона. Это невозможно. Откуда на свете столько людей? Мир — это то, что нас сейчас окружает, в нем очень мало людей, а то иначе где бы были все эти льды, море и небо. Вот Томми, я знаю, он с любовью вспоминает о месте, которое называет Торонто. Но он ошибается. Оно существует только в его воображении, это — воспоминание о его прежней жизни. Вряд ли, конечно, подозревает он об этом. И к чему ему подозревать? Ведь он не философу и не заботится о...

— Заткнитесь! — злобно прошептал Томми. — Ваша болтовня нас погубит.

На Севере жизнь коротка, и пророчества там сбываются молниеносно.

Предостерегающий трепет пронесся по воздуху, и радужная стена над ними покачнулась. Все три весла дружно зачерпнули воду. «Бижу» понеслась вперед. Раздался оглушительный треск, и тысячи тонн льда с грохотом обрушились позади них. Взбаламученная вода пенилась и бурлила. «Бижу», отчаянно барахтаясь, вынырнула из-под нависшей над ней льдины и, зачерпнув бортом воду, стала лавировать между валами.

— Я предупреждал вас, болтливые идиоты! — Сидите смирно и гребите, — резко прервал его Корлисс. — Или вам больше не придется раскрыть рта.

Он покачал головой, глядя на Фрону, и она подмигнула ему в ответ; и они оба, как дети, начали смеяться над приключением, которое сперва казалось катастрофическим, но неожиданно приняло благоприятный оборот.

Робко продвигаясь под сенью нависших льдин, «Бижу» бесшумно миновала последний водоворот. Край скалы грозно выступал из реки — чудовищная масса голого камня, изъеденного и разрушенного столетиями, ненавидящая реку, которая ее подтачивала, ненавидящая дождь, избороздивший ее мрачный лик незаметными морщинами, ненавидящая солнце, не желавшее подарить ей новый зеленый ковер, который помог бы скрыть ее безобразие. Река обрушивала на нее всю свою силу, но, ударившись о зубчатые края, спешила вернуться в прежнее русло. Вокруг скалы каскадами вздымались бушующие волны, а из ее расщелин и источенных водой пещер доносился шум невидимой борьбы. — Ну! Налегайте на весла! Покрепче! Это был последний приказ, который мог отдать Корлисс, ибо в том диком гуле, который неся им навстречу, человеческий голос звучал, как удар крокетного молотка во время землетрясения. «Бижу» метнулась вперед и одним взмахом обогнула водоворот, глубоко погрузившись в воду. Вниз— вверх, вниз— вверх. Весла работали сильно и ритмично. Волны бурлили и увлекали лодку, крутя ее во все стороны; и хрупкая скорлупка дрожала и трепетала, противясь напору волн. Она лихорадочно металась из стороны в сторону, но Фрона сдерживала ее железной рукой. На расстоянии ярда перед ними в скале зияла расщелина. «Бижу» взметнулась и понеслась вперед, но вода, ускользавшая из-под нее, удерживала ее на одном месте. Лодка то удалялась от расщелины, то приближалась к ней; и расщелина как будто издевалась над усилиями гребцов.

Пять минут, из которых каждая казалась вечностью, — и они миновали расщелину. Еще десять минут, и она уже была в ста футах за кормой. Вниз — вверх, вниз— вверх. Небо, земля, река— все слилось перед их глазами.

Сознание сосредоточилось на одной тонкой полоске пены, которой разъяренные волны окаймляли зловещую скалу. В этой полоске было все. Она была границей между жизнью и смертью. Их влекло туда.

Фрона все еще сдерживала яичную скорлупку железной рукой. Они сохраняли то, что приобрели, и продолжали бороться, отвоевывая каждый дюйм. Вниз — вверх. Все сошло бы хорошо, если бы не страх, закравшийся в душу Томми. Обломок льдины, втянутый течением вниз, весь в пене всплыл под его веслом и, показав зубчатые края, снова опустился в глубину. Это зрелище вызвало у Томми представление о нем самом, с прилипшими волосами и руками, судорожно хватающими пустоту; ему казалось, что он уходит все глубже и глубже в воду ногами вперед. Широко открытыми глазами уставился он на предвестника гибели, и его поднятое весло застыло в воздухе. Еще минута — и расщелина глянула им прямо в лицо. Они очутились под скалой, медленно погружаясь в водоворот.

Фрона лежала с откинутой головой и всхлипывала, глядя на солнце. Корлисс с сильно бьющимся сердцем растянулся в лодке, а на корме шотландец, еле переводя дух и совершенно обессиленный, опустил голову на колени. «Бижу» мягко потерлась о льдины и остановилась. Радужная стена висела над ними, как сказочная громада; солнце, отражаясь в бесчисленных гранях, разукрасило ее роскошными драгоценными камнями. Серебристые струи стекали по ее хрустальным уступам, а светлая глубина, казалось, сбрасывала один покров за Другим, открывая тайны жизни, смерти и человеческих стремлений, — бледно-лазурные видения, похожие на сон, сулившие здесь, в холодной глубине, вечный покой и вечный отдых.

Самая верхняя башня высотой в двадцать футов, изящная и в то же время массивная, тихо покачивалась над их головами: казалось, то колышется пшеница при легком летнем ветерке. Корлисс смотрел на нее, ничего не замечая. Ему хотелось только одного: лежать здесь, на границе тайны, лежать здесь и жадно глотать воздух — больше ничего. Дервиш, который вертится на одном каблуке, пока все окружающее не сливается перед его глазами, может схватить сущность вселенной и познать невидимое божество. И точно так же человек, который работает веслом, гребет и гребет, может отрешиться от всего земного и подняться над временем и пространством. Так было с Корлиссом.

Но постепенно его кровь перестала бешено пульсировать, воздух утратил сладость нектара, и к нему вернулось сознание действительности и грозящей опасности.

— Мы должны выбраться отсюда, — сказал он хриплым, точно с

перепою, голосом. Он сам испугался этого хриплого голоса, но быстро поднял дрожащее весло и оттолкнулся от льдины.

— Да, давайте пробиваться во что бы то ни стало. — произнесла Фрона чуть слышно; казалось, ее голос звучал издали.

Томми поднял голову и оглянулся. — Я думаю, надо бросить это дело. — Налегайте! — Попытаться еще раз? — Налегайте! — повторил Корлисс. — Пока у вас не разорвется сердце, Томми, — добавила Фрона.

Они еще раз вступили в борьбу с течением, продвигаясь вдоль узкой полосы пены. Весь мир исчез, кроме этой полоски, бушующих волн и зияющей расщелины. Но они мало-помалу оставили ее позади, устремляясь к широкому изгибу реки впереди; только скала, беспощадная и враждебная, у подножия которой ревели злые волны, преграждала им путь. «Бижу» поднялась на гребень, рванулась вперед, покачнулась, но встречное течение отнесло ее на прежнее место. Вниз — вверх, вниз — вверх. Казалось, не будет конца усилиям и мукам, и даже полоска пены постепенно растаяла и исчезла, и борьба потеряла смысл. Их души растворились в ритме гребли; непрерывно поднимая и опуская весла, они как бы превратились в огромные маятники. Впереди них и за ними мерцала вечность, и между одной вечностью и другой они непрерывно, широкими движениями поднимали и опускали весла. Они уже больше не были людьми, а лишь воплощенным ритмом. Они плыли по течению, пока их весла не коснулись зловещей скалы, но они не заметили этого, несясь вперед, невредимые по прихоти судьбы, через зубчатый лед. Они не чувствовали ни ударов весел по волнам, ни ветерка, освежающего их лица...

«Вижу» сделала поворот, и их весла, механически взметнувшиеся в лучах солнца, удержали ее под прямым углом к реке. Когда к ним вернулось чувство времени и действительности и Остров Распутья вновь замаячил перед их глазами, точно берег нового мира, они начали грести длинными свободными ударами, чтобы отдышаться и восстановить силы.

— Третья попытка была бы бесполезной, — сказал Корлисс глухим, прерывистым шепотом. И Фрона ответила:

— Да, у нас, наверно, был бы разрыв сердца. Жизнь, приветливый костер в лагере, мирный отдых, полуденная тень — все это представилось воображению Томми, когда лодка стала приближаться к берегу. И прежде всего он вспомнил благословенный Торонто, его дома, которые никогда не качаются, и людные улицы. Каждый раз, когда его голова наклонялась вперед и он делал взмах веслом, улицы расширялись, словно он смотрел на них в телескоп, постепенно наводя на фокус. И каждый раз, когда весло

было в воде и его голова поднималась, остров вырастал все больше. Его голова опускалась, и перед ним возникали улицы. Он поднимал голову, и Джекоб Уэлз и еще двое мужчин стояли на берегу в нескольких ярдах от него.

— Что я вам говорил? — крикнул им Томми с торжеством.

Но Фрона неожиданным толчком направила лодку параллельно берегу, и он вдруг с изумлением взглянул вверх по течению. Остановив весло на полпути, он бросил его на дно лодки.

— Поднимите весло! — резко и безжалостно приказал Корлисс.

— И не подумаю! — Томми возмущенно посмотрел на своего мучителя и заскрипел зубами от гнева и разочарования.

Лодка плыла по течению, и Фрона только сохраняла направление. Корлисс на коленях подполз к Макферсону.

— Я не хочу прибегать к насилию. Томми, — сказал он тихим от напряжения голосом. — Поднимите весло... Ну, по-хорошему! — Нет!

— Тогда я убью вас, — продолжал Корлисс тем же спокойным, бесстрастным тоном, вынимая из ножен охотничий нож.

— А если я не послушаюсь? — упрямо спросил шотландец, но все же отодвинулся в сторону.

Корлисс осторожно притронулся к нему ножом, лезвие коснулось спины Томми прямо против сердца, медленно прошло сквозь рубашку и вонзилось в кожу. Но оно не остановилось и все так же, не ускоряя движения, медленно продолжало свой путь. Томми, вздрогнув, оглянулся назад.

— Эй, вы! Уберите нож! — закричал он. — Я буду грести.

Фрона страшно побледнела, но в глазах ее не было ни капли жалости, и она одобрительно кивнула головой.

— Мы попытаемся пройти с другой стороны и начнем повыше! — крикнула она отцу. — Что? Я не слышу! Томми? У него слабое сердце? Ничего серьезного. — Она приветствовала его взмахом весла. — Мы слетаем в минуту, папочка. В одну минуту.

Река Стюарт была совершенно свободна от льда. и они проплыли по ней четверть мили, прежде чем достигли ее устья и повернули дальше по Юкону. Но, когда они приблизились к человеку на противоположном берегу, то наткнулись на новое препятствие. Милей выше размытый остров отчаянно цеплялся за дно реки. Он заканчивался песчаной косой, которая, перерезая реку, упиралась в непроходимые скалы. Сотни тысяч тонн льда громоздились здесь, ослепительно сверкая на солнце.

— Вот тут мы и переправимся волоком, — сказал Корлисс, когда

Фрона повернула лодку прочь от берега.

«Бижу» через узкий пролив пронеслась к песчаной косе и оказалась в маленьком ущелье, где стены были менее круты. Они причалили к ледяному выступу, который без всякой опоры возвышался на добрых тридцать футов над водой. Их очень интересовало, как глубоко он уходит вниз. Они вскарабкались на его вершину, таща за собой лодку, и оглянулись вокруг. Лдины громоздились друг на друга в хаотическом беспорядке. Колоссальные глыбы служили пьедесталом белым махинам, которые горели и сверкали на солнце, как чудовищные алмазы.

— Приятное местечко для прогулки, — издевался Томми. — Тем более, что новый затор может образоваться каждую минуту. — Он решительно уселся на снег. — Покорно благодарю, с меня хватит. Фрона и Корлисс карабкались выше, неся лодку. — Персы бичами гнали своих рабов в бой, — заметила она, посмотрев назад. — Я раньше не могла этого понять. Не вернуться ли вам за ним?

Корлисс пинком ноги заставил хнычущего Томми подняться и идти вперед. Лодка весила очень немного, но все же им приходилось трудно на крутых подъемах и поворотах. Солнце палило немилосердно. Глазам было больно от его раскаленных лучей. Они обливались потом и задыхались. — О Вэнс! Знаете ли...

— Что? — Быстрым движением руки он вытер со лба пот.

— Я жалею, что не позавтракала более плотно. Вэнс сочувственно промычал что-то. Они дошли до середины косы, откуда открывался вид на реку, и ясно разглядели за ней незнакомца, который подавал сигналы бедствия. Ниже лежал живописный в своей зелени Остров Распутья. Они обвели глазами широкий изгиб Юкона. Река лениво нежилась под лучами солнца, и трудно было поверить, что в любую минуту она может превратиться в смертоносный поток. Лед у их ног образовал миниатюрное ущелье, пересеченное широкой тенью, падавшей от солнца.

— Идите вперед, Томми, — приказала Фрона. — Мы прошли полпути, и под нами еще вода.

— Вы только и думаете о воде, — огрызнулся он, — а сами ведете человека на смерть.

— Я боюсь, что у вас на душе есть какой-то большой грех, Томми, — сказала Фрона, укоризненно качая головой. — Отчего вы так боитесь смерти? — Она вздохнула и ухватила за свой конец лодки. — Хотя, я думаю, это естественно. Вы не умеете умирать...

— Я вовсе и не желаю умирать, — яростно перебил ее Томми.

— Но для всех настает время, когда приходится умереть, когда ничего

другого не остается. И мы, может быть, переживаем этот момент сейчас.

Томми осторожно скользнул на сверкающий уступ и растянулся во весь рост.

— Все это очень хорошо, — ухмыльнулся он, — но не думаете ли вы, что у меня не хватит здравого смысла судить самому? Я хочу сам решать за себя.

— Но вы не умеете этого делать самостоятельно. Сильные всегда задавали тон таким, как вы. Они указывали им, как и где надо умирать, и бичами гнали их на смерть.

— Вы здорово говорите, — возразил Томми. — Мне даже жаловаться не пристало, так у вас все отлично получается.

— Вы правильно поступаете! — рассмеялся Корлисс когда Томми скрылся, расположившись в глубине ущелья. — Несговорчивая скотина! Он будет спорить даже в день страшного суда.

— Где вы научились грести? — спросила она. — Гимнастика... В колледже, — кратко ответил он. — Но разве это не прекрасно? Смотрите!

Тающий снег образовал пруд на дне ущелья. Наклонившись, Фрона коснулась прохладной воды пылающим ртом. Она легла ничком, показав подошвы разорванных мокасин или, вернее, подошвы ног (так как мокасины и чулки были изорваны в клочья). Они были очень белы и все изранены от хождения по льдинам. Местами на них выступила кровь, а из одного пальца даже текла струей.

— Такие крошечные, красивые, нежные! — язвил Томми. — Никто бы не подумал, что они способны повести сильного человека в ад.

— Судя по вашему ворчанию, вы быстро окажетесь там, — раздраженно ответил Корлисс,

— Сорок миль в час, — отпарировал Томми и отошел, радуясь, что за ним осталось последнее слово.

— Пойдите минутку. У вас две рубашки. Дайте мне одну.

На лице шотландца отразилось любопытство. Наконец он сообразил, что от него требуется, покачал головой и пошел дальше. Фрона встала на ноги. — В чем дело? — Ничего. Сидите. — Но в чем же дело?

Корлисс положил ей руки на плечи и заставил ее сесть.

— Ваши ноги. Их нельзя оставить в таком виде. Они изранены. Посмотрите! — Он провел рукой по одной из подошв и показал ей окровавленную ладонь. — Отчего вы мне не сказали? — Они меня не очень беспокоили. — Дайте мне одну из ваших юбок, — попросил он. — У меня... — Она запнулась. — У меня всего одна. Он оглянулся вокруг. Томми исчез среди льдин. — Нам надо двигаться дальше, — сказала

Фрона, пытаюсь встать. Но он удержал ее.

— Ни шагу дальше, пока я не перевяжу вам ноги. Закройте глаза.

Она повиновалась, и когда открыла глаза, то он был обнажен до пояса и перевязывал ей ноги своей рубашкой, разорванной на полосы. — Вы сидели спиной, и я не знал... — Пожалуйста, не извиняйтесь, — перебила она его. — Я сама могла бы сказать вам.

— Я не извиняюсь. Наоборот, я упрекаю вас. Ну, теперь другую. Приподнимите ее.

Близость Фроны сводила Корлисса с ума, и он слегка коснулся губами того маленького пальца, из-за которого барону достался поцелуй.

Она не отшатнулась, но лицо ее вспыхнуло, и она затрепетала, как трепетала всего один раз в жизни.

— Вы пользуетесь вашей собственной добротой, — упрекнула она его.

— Ну, так я вознагражу себя вдвойне. — Не делайте этого, — попросила она. — Почему? На море существует обычай выпивать все вино, когда корабль идет ко дну. И так как мое положение безнадежно, то я имею право... — Но...

— Но что, госпожа Недотрога?

— О, вы ведь знаете, несмотря ни на что, я не заслуживаю этого прозвища! Если бы мне не о ком было вспоминать, то при сложившихся обстоятельствах...

Он затянул последний узел и опустил ее ногу. — Будь он проклят — Сент-Винсент! Идем! — Я на вашем месте поступила бы так же, — засмеялась она, поднимая свой конец лодки. — Но как вы изменились, Вэнс. Вы совсем не гот человек, которого я встретила по дороге от Дайи. Вы тогда, между прочим, не умели ругаться.

— Я не тот, что был. И за это я должен благодарить бога и вас. Но мне кажется, что я честнее вас. Я живу согласно своим убеждениям.

— Сознайтесь, что вы несправедливы. Вы хотите слишком многого в этих условиях... — Только крошечный пальчик.

— Или же вы любите меня только как старший брат? В таком случае вы можете, если действительно желаете...

— Замолчите! — грубо прервал он ее. — Или я сделаю глупость.

— И перецелую все ваши пальцы, — dokonчила она. Он что-то буркнул, но не удостоил ее ответом. Крутой подъем не давал им возможности разговаривать, пока они не спустились с последнего уступа к реке, где их ждал Макферсон. — Дэл ненавидит Сент-Винсента, — смело сказала Фрона. — За что?

— Да, по-видимому. — Он испытующе посмотрел на нее. — И куда бы

Дэл ни отправился, он повсюду таскает с собой старую книгу на русском языке, которую не может прочесть, но почему-то считает, что в ней заключено возмездие Сент-Винсента. И знаете, Фрона, он так твердо верит в это, что почти заражает меня своей верой. Не знаю, вы ли придете ко мне, или я к вам, но...

Она опустила свой конец лодки и рассмеялась. Это задело его, и он сильно покраснел от обиды. — Если я... — начал он.

— Вздор! — сказала она. — Не глупите! И, главное, не напускайте на себя важности — это вам сейчас не к лицу. Волосы у вас всклокочены, сбоку торчит смертоносный нож, сами вы обнажены до пояса, точно пират, готовый к бою. Приходите в ярость, хмурьте брови, ругайтесь, все что угодно, только, пожалуйста, не напускайте на себя важности. Я жалею, что у меня нет с собой фотографического аппарата. Много лет спустя я могла бы сказать: «Это, друзья мои, Корлисс, знаменитый исследователь Севера. Так он выглядел по окончании своего прославленного путешествия по неизведанным местам Аляски».

Он укоризненно ткнул в нее пальцем и строго спросил: — Где ваша юбка?

Она невольно посмотрела вниз. Вид висевших на ней лохмотьев успокоил ее, но все-таки она зарделась. — Как вам не стыдно!

— Пожалуйста, не напускайте на себя важности! — засмеялся он. — По правде говоря, это вам сейчас не к лицу. Если бы у меня был фотографический аппарат...

— Замолчите! Пойдем дальше, — сказала она. — Томми ждет. Я надеюсь, что солнце сдерет с вас всю кожу, — злорадно шепнула она, когда они, спустив лодку с последнего уступа, сталкивали ее в воду.

Десять минут спустя они взбирались по ледяному откосу, где впервые был замечен сигнал бедствия. Они увидели человека, распростертого на земле. Он лежал так спокойно, что они испугались, не пришла ли помощь слишком поздно. Вдруг он слегка шевельнул головой и застонал. Его грубая одежда была изорвана в клочья, и смуглые израненные ноги торчали из рваных мокасин. В его исхудалом теле не было ни жира, ни мускулов, а кости, казалось, сейчас прорвут туго натянутую кожу. Когда Корлисс пощупал его пульс, он открыл глаза и уставился на него стеклянным взглядом. Фрона содрогнулась.

— Здорово жутко, — пробормотал Макферсон, поглаживая иссохшую руку больного.

— Идите к лодке, Фрона, — сказал Корлисс. — Мы с Томми понесем его.

Но она сжала губы и заставила их принять ее помощь, чтобы облегчить спуск. И все-таки по дороге к лодке больного так растрясло, что у него появились проблески сознания. Он открыл глаза и хрипло прошептал:

— Джекоб Уэлз... депеша... из большого мира... — Он слабо рванул расстегнутую рубашку, и они увидели, что его исхудалую грудь перерезал ремень, к которому была привязана почтовая сумка.

На обоих концах лодки было много свободного места, но Корлисс приходилось грести, поддерживая коленями больного. «Вижу» весело отчалила от берега. Теперь они плыли вниз по течению и могли не напрягаться.

Вдруг Фрона заметила, что руки, плечи и спина Вэнса стали ярко-пунцовыми.

— Мое желание исполнилось, — ликовала она и, протянув руку, мягко погладила его обнаженное предплечье. — Придется смазать вашу кожу кольдкремом, когда мы вернемся.

— Продолжайте! — поощрял он ее. — Это страшно приятно.

Она обрызгала его пылающую спину ледяной водой из реки. У него захватило дыхание, и он вздрогнул, Томми оглянулся на них.

— Мы сегодня неплохо потрудились, — благодушно заметил он. — Помочь погибающему — богоугодное дело.

— А кто боялся? — засмеялась Фрона. — Что ж, — задумчиво сказал он, — мне, понятно, было страшновато, но...

Он не окончил фразы и вдруг словно окаменел. Его глаза с ужасом уставились куда-то поверх плеча Фроны. А затем медленно, точно во сне, с торжественностью, точно при обращении к божеству, он прошептал: — Боже милостивый!

Они оглянулись. Ледяная стена скользила по излучине реки, и на их глазах ее правый угол, не успевший обогнуть берег, ударился об него, подбросив вверх целую грудку ледяных гор.

— Боже милостивый! Боже милостивый! Попали в ловушку, как крысы. — Томми бессильно уронил весло в воду.

— Гребите! — прошипел ему в ухо Корлисс, и «Бижу» понеслась дальше.

Фрона правила наперерез течению, под прямым углом к Острову Распутья. Но, когда песчаная коса, по которой они волокли лодку, дрогнула под напором миллионов тонн льда, Корлисс тревожно посмотрел на Фрону. Она улыбнулась и покачала головой, замедляя ход.

— Нам с ними не совладать, — прошептала она, оглядываясь на

льдины, которые неслись на расстоянии двухсот футов за ними. — Единственное спасение

— плыть впереди них, постепенно ускоряя ход.

Она ревниво сберегала каждый дюйм,, стараясь, чтобы лодка не сбивалась с курса и была все время на одинаковом расстоянии от льдин.

— Я не выдержу этой скорости, — захныкал Томми, но молчание Корлисса и Фроны показалось ему зловещим. и он продолжал грести.

Ближе остальных плыла льдина толщиной в пять или шесть футов и в два акра площадью. Перегнав подруг, она мчалась, рассекая волны, пока с каждой стороны ее не образовалось вытянутое углубление, как при быстром течении в узком канале. Увидев эту льдину, Томми лишился бы чувств, если бы Корлисс между двумя взмахами не ударил его концом весла.

— Нам удастся удержаться впереди, — сказала Фрона, задыхаясь, — но мы должны выиграть время, чтобы причалить. — Улучите момент и поверните «Бижу» носом вперед, — посоветовал Корлисс. — А когда она ударится о берег, прыгайте из нее и бегите.

— Мне придется карабкаться. Хорошо, что у меня короткая юбка.

Оттолкнувшись от утесов левого берега, льдины свернули направо. Огромная глыба, опередившая остальные, направлялась прямо на Остров Распутья.

— Если вы оглянетесь, я разможу вам веслом голову! — пригрозил Корлисс. — Ох! — застонал Томами.

Корлисс и Фрона оглянулись. Огромная льдина со страшным грохотом ударилась о берег и на протяжении пятидесяти футов совершенно разрушила остров. Несколько сосен испуганно закачались и упали, а над ними выросла колышущаяся ледяная гора. Немного ниже стоял выбежавший вперед Дэл Бишоп, и они едва могли расслышать среди шума его крик: «Гоните! Гоните!» Затем прибрежная кромка льда сморщилась, и он отскочил назад.

— К открытому месту! — прохрипел Корлисс. Фрона открыла рот, но не могла ничего сказать и только понимающе кивнула головой. Они понеслись вдоль радужной стены, лихорадочно отыскивая место, где бы можно было быстро обогнуть ее. Но напрасно объехав вокруг всего Острова Распутья, они лишь слышали, как трещит берег за их спиной.

Пролетая мимо входа в пролив, ведущий к Острову Рубо, они увидели перед собою открытое место среди прибрежного льда. «Бижу» устремила туда полным ходом и, наполовину высунувшись из воды, врезалась в ледяной уступ. Все трое выскочили из лодки. Фрона и Корлисс попытались

вытащить ее на берег. Томми, бежавший впереди, думал только о себе. Ему бы удалось спастись, но он поскользнулся и упал как раз на полпути. Приподнявшись, он снова упал. Корлисс, волочивший лодку за нос, перешагнул через него. Томми быстро ухватился за планшир. Корлисс и Фрона были уже почти без сил. и этот новый груз заставил их остановиться. Корлисс оглянулся и крикнул: «Отпустите лодку!» Но Томми жалобно, словно утопающий, посмотрел на него и вцепился еще крепче. Громыхающие позади льды грозили им гибелью. Корлисс и Фрона делали отчаянные усилия, пытаясь втащить лодку на берег, но добавочный груз заставил их упасть на колени. Больной вдруг приподнялся в лодке и безумно захохотал. «Вот черт!» — воскликнул он.

Остров Рубо дрогнул от первого толчка, и льдины закачались у них под ногами. Фрона схватила весло, ударила шотландца по палым, и как только он разжал руки, Корлисс мгновенно втащил лодку наверх с помощью Фроны, подталкивавшей ее сзади. Радужная стена свернулась, как свиток бумаги, и Томми исчез в ее складках, точно пчела в лепестках громадной орхидеи.

Они упали на землю совершенно обессиленные. Чудовищная льдина, оторвавшаяся от остальной массы, качаясь, повисла над ними. Фрона пыталась встать, но не могла и опустилась на колени. Корлиссу пришлось подхватить ее вместе с лодкой. Они снова упали, на этот раз под деревьями. Солнце светило на них сквозь зеленые иглы сосен, малиновки пели где-то высоко, и целая колония кузнечиков стрекотала, радуясь теплу.

ГЛАВА XXVI

Фрона медленно очнулась, как после долгого сна. Она лежала в том положении, как упала: поперек ног Корлисса. Он же, вытянувшись неподвижно на спине, обратил лицо к жгучему солнцу. Она подползла к нему. Он дышал ровно, глаза его были закрыты. Почувствовав на себе ее взгляд, он открыл их и улыбнулся. Она снова опустилась на землю. Потом он повернулся на бок, и они посмотрели друг на друга. — Вэнс? — Да.

Она протянула руку, он сжал ее. Их веки дрогнули и опустились. Река все еще бурлила где-то в бесконечной дали, и ее шум напомнил им шепот забытого мира. Приятная нега овладела ими. Золотые лучи падали на них сквозь трепетавшую зелень, и все живое на теплой земле, казалось, пело. Наслаждаясь покоем, они задремали еще на пятнадцать минут, потом проснулись снова. Фрона приподнялась.

— Я... я... трусила, — сказала она. — Нет, не вы.

— Боялась, что мне может стать страшно, — разъяснила она, поправляя волосы. — Оставьте их распущенными. Сегодняшний день достоин этого. Она повиновалась, тряхнув головой, вокруг которой заплясал ореол золотых кудрей.

— Томми погиб, — задумчиво сказал Корлисс, вспоминая состязание со льдинами.

— Да, — ответила она. — Я ударила его по пальцам. Это было ужасно. Но будем надеяться, что у нас в лодке лежит более достойный человек. Кстати, нам надо сейчас же о нем позаботиться. Алло! Посмотрите.

На расстоянии не более двадцати футов сквозь деревья она увидела стену большой хижины.

— Никого не видно. Должно быть, там никто не живет, или же хозяева ушли в гости. Вы присмотрите за нашим больным, Вэнс, а я пойду на разведку. У меня более приличный вид.

Фрона обогнула хижину, довольно большую для здешних мест, и подошла к ней со стороны реки. Дверь была открыта, и, когда она остановилась, чтобы постучать, ее глазам представилась необычайная картина. Сначала она увидела толпу мужчин, занятых решением какого-то серьезного вопроса. Услышав стук, они инстинктивно раздвинулись, и между двумя рядами стоявших плечом к плечу людей образовался проход. В глубине на длинных койках сидели два ряда мужчин со строгими лицами. Их разделял стол, одним концом упиравшийся в стену. Этот стол, по-

видимому, являлся центром внимания. После ослепительного солнечного света комната показалась Фроне тусклой и мрачной, но она все же разглядела бородатого американца, сидевшего за столом и ударившего по нему деревянным молотком. А с противоположной стороны сидел Сент-Винсент. Она успела заметить его усталое, измученное лицо, прежде чем к столу проковылял человек скандинавского типа.

Человек с молотком медленно поднял правую руку и бойко произнес.

— Вы должны поклясться, что все, что вы доложите суду... — Он внезапно остановился и воззрился на стоявшего перед ним человека. — Снимите шапку! — заревел он, и в толпе послышалось хихиканье, когда тот повиновался.

Затем человек с молотком начал снова: — Вы должны торжественно поклясться, что все, что вы доложите суду, будет правдой, и да поможет вам бог.

Скандинав кивнул головой и опустил руку. — Одну минутку, господа. — Фрона вошла в проход, который сомкнулся за ней.

Сент-Винсент вскочил с места и протянул к ней руки. — Фрона! — воскликнул он. — Фрона, я невиновен! Эта неожиданная фраза подействовала на нее, как удар, и мгновение она ничего не видела, кроме круга бледных лиц с горящими в полутьме глазами.

«Виновен? В чем?» — подумала она и, взглянув на Сент-Винсента, все еще стоявшего с протянутыми руками, смутно почувствовала, что произошло что-то неприятное. — «Виновен. В чем? Он мог бы проявить больше выдержки. Он мог бы дожидаться обвинения». — Она не знала, в чем его обвиняют.

— Знакомая подсудимого, — авторитетно сказал человек с молотком. — Предложите ей стул, вы, там!

— Одну минуту... — Она подошла к столу и оперлась на него рукой. — Я ничего не понимаю. Все это так неожиданно... — Она случайно взглянула на свои ноги, обернутые в грязные лохмотья, и вспомнила, что на ней короткая, рваная юбка, локоть вылезает из прорехи в рукаве, а волосы растрепаны. Ее щеки и шея были запачканы какой-то липкой массой. Она провела по ним рукой, и кусок грязи упал на пол.

— Ладно, — сказал председатель довольно мягко. — Садитесь. Мы в таком же положении, как вы. Мы тоже ничего не понимаем. Но, верьте моему слову, мы собрались сюда, чтобы выяснить правду. Садитесь. Она подняла руку. — Одну минуту!

— Садитесь! — закричал он громовым голосом. — Не прерывайте заседания суда.

В толпе послышался ропот, раздались протесты, и председатель ударил молотком по столу, призывая к тишине. Но Фрона решительно продолжала стоять. Когда шум затих, она обратилась к человеку за столом:

— Господин председатель, я полагаю, что это собрание старателей? (Он кивнул головой.) У меня равный со всеми голос при решении дел нашей общины, и поэтому я прошу слова. Необходимо, чтобы меня выслушали.

— Но вы нарушаете порядок, мисс... э... э... — Уэлз! — подсказал десяток голосов. — Мисс Уэлз, — продолжал председатель более почтительным тоном. — Я, к сожалению, должен заметить вам, что вы нарушаете порядок. Соблаговолите сесть.

— Не хочу! — ответила она. — Я должна сделать важное сообщение, и, если вы откажетесь выслушать меня, я буду апеллировать к собранию. Она скользнула взглядом по толпе. — Дайте ей высказаться! — раздались крики. Председатель вынужден был подчиниться и жестом разрешил ей продолжать.

— Господин председатель, господа. Я не знаю, какое дело вам предстоит рассмотреть, но я знаю, что займу ваше внимание более важным делом. За дверью этой хижины лежит человек, который, по-видимому, умирает с голоду. Мы привезли его с того берега реки. Мы не стали бы вас беспокоить, но нам не удалось вернуться на наш остров. Человеку, о котором я говорю, нужна немедленная помощь.

— Двое из тех, что поближе к дверям, выйдут и займутся им, — сказал председатель. — Вы, док Холидэй, тоже пойдете с ними и сделаете все, что возможно!

— Попросите сделать перерыв, — прошептал Сент-Винсент. Фрона кивнула головой.

— Господин председатель, я прошу объявить перерыв, пока не устроят этого человека.

Крики: «Не надо перерыва!», «Продолжайте разбор дела!» — встретили ее слова. Предложение Фроны было отклонено.

— Ну, Грегори, — сказала она с улыбкой, садясь рядом с ним. — В чем дело? Он крепко сжал ее руку. — Не верьте им, Фрона... Они хотят, — у него что-то застряло в горле, — убить меня. — Почему? Успокойтесь и расскажите мне все. — Прошлой ночью... — поспешно начал он, но умолк, чтобы выслушать скандинава, который только что кончил присягать и теперь давал показания, обдумывая каждое слово.

— Я быстро проснулся, — говорил он, — подошел к двери и услышал еще выстрел.

Его прервал румяный человек в старом клетчатом пальто.

— Что вы подумали? — спросил он. — А? — переспросил свидетель, и лицо его побагровело от смущения.

— Когда вы подошли к дверям, какая мысль пришла вам прежде всего в голову?

— А-а! — Человек облегченно вздохнул, и лицо его просветлело. — У меня нет мокасин, и я подумал, что чертовски холодно. — Довольное выражение его лица сменилось наивным удивлением, когда последовал взрыв смеха. Но с тем же тупым видом он продолжал: — Я услышал еще выстрел и побежал по дороге.

В эту минуту Корлисс протиснулся к Фроне через толпу, и она уже не слушала дальше.

— Что случилось? — спросил инженер. — Что-нибудь серьезное? Не могу ли я вам помочь?

— Да, да! — Фрона благодарно пожала ему руку. — Постарайтесь как-нибудь перебраться через пролив и попросите моего отца приехать сюда. Скажите ему, что с Грегори Сент-Винсентом случилась беда, что его обвиняют... В чем вас обвиняют, Грегори? — В убийстве.

— В убийстве? — удивился Корлисс. — Да, да! Скажите, что его обвиняют в убийстве, что я здесь, что он мне нужен. И пусть он привезет мне во что одеться. И, Вэнс, — она пожала ему руку, быстро подняв на него глаза, — не слишком рискуйте, только постарайтесь это устроить.

— Я все сделаю. — Он уверенно тряхнул головой и начал проталкиваться к дверям.

— Кто защищает вас? — спросила Фрона Сент-Винсента.

Он покачал головой.

— Никто. Они хотели назначить какого-то Билла Брауна, лишённого прав адвоката из Штатов, но я отказался. Он теперь среди тех, кто меня обвиняет. Это самосуд. Они заранее сговорились погубить меня. — Я хотела бы все узнать от вас. — Но, Фрона, я невиновен... Я...

— Тише! — Она положила руку ему на плечо, чтобы заставить его замолчать, и сосредоточила свое внимание на свидетеле.

— Так вот, журналист отбивался как мог, но мы с Пьером заперли его в хижине. Он плакал и не двигался с места...

— Кто плакал? — прервал его прокурор. — Он. Вот этот парень. — Скандинав указал на Сент-Винсента. — Я зажег свет. Коптилка была опрокинута, но у меня в кармане была свеча. Очень хорошая привычка носить

свечу в кармане, — серьезно прибавил он. — А Борг, он лежал на полу

мертвый. А женщина сказала, что он это сделал, и тут же умерла. — Кто же именно?

Он снова ткнул пальцем в сторону Сент-Винсента. — Вот этот парень.

— Она это сказала? — шепотом спросила Фрона. — Да, — также шепотом ответил Сент-Винсент, — она это сказала. Но я не могу себе представить, что заставило ее так поступить. Она, по всей вероятности, была не в своем уме.

Румяный человек в поношенном клетчатом пальто подробно допросил свидетеля. Фрона внимательно следила за допросом. Однако ничего нового выяснить не удалось.

— Вы имеете право подвергнуть свидетеля перекрестному допросу, — заявил председатель Сент-Винсенту. — Вы хотите что-нибудь спросить? Журналист покачал головой. — Попробуйте, — настаивала Фрона. — Какой смысл? — сказал он безнадежно. — Я обречен заранее. Приговор был известен до начала суда.

— Одну минуту, пожалуйста. — Резкий голос Фроны остановил уходившего свидетеля. — Вы лично не знаете, кто совершил убийство? Скандинав тупо уставился на нее, словно выжидая, пока ее вопрос проникнет в его сознание.

— Вы не видели, кто совершил убийство? — еще раз спросила она.

— О, да. Этот парень. — Он снова указал пальцем в том же направлении. — Женщина сказала, что он убийца. Все кругом улыбнулись. — Но вы этого не видели? — Я слышал выстрелы. — Но вы не видели, кто стрелял?

— А! Нет, но она сказала...

— Довольно, благодарю вас, — любезно сказала Фрона, и свидетель удалился. Обвинитель посмотрел свои заметки. — Пьер Ла-Флитч! — провозгласил он. Стройный смуглый человек с тонкой, гибкой фигурой вышел на свободное место перед столом. Это был красивый брюнет с быстрыми, выразительными глазами, которые на минуту остановились на Фроне, полные открытого и неподдельного восхищения. Она улыбнулась и слегка кивнула головой, потому что он ей понравился с первого взгляда и показался давно знакомым. Он тоже улыбнулся ей, и его гладкая верхняя губа приподнялась, обнажив ряд великолепных зубов безупречной белизны.

В ответ на стереотипные вопросы он сообщил, что носит имя отца, потомка канадских французов-охотников. Его мать — он пожал плечами и сверкнул зубами — была метиской. Он родился где-то в Баррен-Граундзе, во время охоты; он не знает точно где. Его считают старожилом. Он прибыл в страну во времена Джека Макквестчена, через Скалистые горы с

Большого Невольничьего озера.

Когда ему предложили изложить все, что он знал о данном деле, он на минуту замолчал, как бы обдумывая, с чего начать.

— Весной принято спать с открытой дверью, — произнес он мелодичным голосом, звучащим, как флейта, в кем чувствовался заметный акцент, напоминавший о его происхождении. — Так и я спал прошлой ночью. Но я сплю, как кошка. Лист ли упадет, ветерок ли подует, я всю ночь слышу какой-то шепот. При первом выстреле — он щелкнул пальцами — я проснулся и кинулся к дверям.

Сент-Винсент нагнулся к Фроне: — Это был не первый выстрел.

Она кивнула головой, не спуская глаз с Ла-Флитча, который галантно прервал свой рассказ.

— Раздалось еще два выстрела, — продолжал он, — один за другим — бум-бум, вот так. Это в хижине Борга, — сказал я себе и побежал туда. Я решил, что это Борг убивает Бэлла, что было нехорошо. Ведь Бэлла — красивая женщина, — пояснил он с неотразимой улыбкой. — Мне нравилась Бэлла. Я побежал туда. А Джон выбежал из своей хижины со страшным шумом, точно неповоротливая корова. «Что случилось?» — спрашивает он, а я говорю: «Не знаю». Тут кто-то выскочил из темноты — вот так — и сбил Джона с ног и сбил меня с ног. Мы вцепились в него. Это был мужчина. Раздетый. Борется. Кричит: «О! О! О!» — вот так. Мы крепко держим его, и он понемногу перестает кричать. Тогда мы встаем и говорим ему: «Пошли назад». — Кто был этот человек?

Ла-Флитч, чуть повернувшись, посмотрел на Сент-Винсента. — Продолжайте.

— Так? Человек, он не хотел возвращаться, но мы с Джоном настояли, и ему пришлось идти. — Он что-нибудь говорил?

— Я спросил его, что случилось, но он только плакал... он... он... всхлипывал вот так. — Вы не заметили в нем ничего особенного? Ла-Флитч вопросительно поднял брови. — Ничего необычного, ничего из ряда вон выходящего?

— Ах, да, у него были руки в крови. Не обращая внимания на глухой ропот в толпе, он продолжал говорить, и его выразительная мимика придавала драматизм всему рассказу.

— Джон зажег свет, Бэлла стонала, как тюлень, когда пуля попадет ему под ласт. А Борг лежал в углу. Я посмотрел на него. Он больше не дышал. Тут Бэлла открыла глаза, и я взглянул ей в глаза и понял, что она узнала меня, Ла-Флитча. «Кто сделал это, Бэлла? — спросил я. А она билась головой об пол, а потом тихо шепнула: „Он умер?“ Я понял, что она

спрашивает про Борга, и сказал: „Да“. Тогда она приподнялась на локте, быстро оглянулась кругом, страшно торопясь, и когда увидела Винсента, то так и уставилась на него и больше не сводила с него глаз. Затем она указала на него, вот так. — Ла-Флитч обернулся и ткнул дрожащим пальцем а сторону подсудимого. — И она сказала: „Он, он, он!“ А я спросил: „Бэлла, кто это сделал?“ И она сказала: „Он, он, он! Сент-Винча, он это сделал“. И потом, — голова Ла-Флитча бессильно свесилась на грудь, но вновь откинулась назад, когда он, сверкнув зубами, закончил свою повесть, — умерла.

Румяный человек, Билл Браун, подверг метиса обычному допросу, который только подтвердил его показания и выяснил, что во время убийства Борга происходила, должно быть, ужасная борьба. Тяжелый стол был сломан, стул и койка превратились в щепки, а печка опрокинута.

— Я никогда не видел ничего подобного, — закончил Ла-Флитч. — Нет, никогда.

Браун с поклоном передал его в распоряжение Фроны, за что был вознагражден улыбкой. Она считала благоразумным выказывать любезность обвинителю. Ей нужно было выиграть время до приезда отца и получить возможность поговорить наедине с Сент-Винсентом, чтобы выяснить подробности происшествия. Поэтому она задавала Ла-Флитчу бесконечный ряд вопросов. Но только два раза ей удалось узнать кое-что, заслуживающее внимания.

— Вы говорите о первом выстреле, мистер Ла-Флитч. Но стены деревянной хижины обычно довольно толстые. Если дверь была закрыта, могли ли вы услышать первый выстрел?

Он покачал головой, и его черные глаза сказали ей, что он понимает, какой факт она старается установить. — Если бы дверь хижины Борга была закрыта, вы бы слышали выстрел?

Он снова покачал головой. — Значит, мистер Ла-Флитч, когда вы говорите о первом выстреле, вы подразумеваете первый выстрел, услышанный вами?

Он кивнул головой, но, выиграв очко, она все-таки не могла извлечь из этого никакой практической пользы.

Она снова стала доискиваться более веских доказательств, хотя все время чувствовала, что Ла-Флитч угадывает ее тактику.

— Вы говорите, что было очень темно, мистер Ла-Флитч? — Да, очень темно.

— Каким же образом вы узнали Джона? — Джон страшно топчет, когда бежит. Я узнаю его топот.

— Могли ли вы видеть его достаточно ясно, чтобы узнать? — Нет.

— Тогда, мистер Ла-Флитч, — сказала она с торжеством, — объясните, пожалуйста, как вы узнали, что у мистера Сент-Винсента руки в крови?

Губы его раскрылись в ослепительной улыбке, и он на минуту замолчал.

— Как? Я почувствовал теплую кровь на его руках. А мое обоняние. О! Дым охотничьего костра вдали, яма, в которой прячутся кролики, след пробежавшего лося, разве мое обоняние не указывает мне на все это? — Он откинул голову. На его напряженном лице с закрытыми глазами и дрожащими расширенными ноздрями не осталось никаких чувств, кроме одного, на котором как бы сосредоточилось все его существо. Затем глаза его приоткрылись, и он точно во сне посмотрел на Фрону.

— Я почувствовал запах крови на его руках — запах теплой, горячей крови на его руках.

— Ей-богу, он способен на это! — крикнул кто-то в толпе.

И это так убедило Фрону, что она невольно посмотрела на руки Сент-Винсента и увидела ржавые пятна на манжетах его фланелевой рубашки.

Когда Ла-Флитч покинул свидетельское место, Билл Браун подошел к ней пожать руку.

— Мне необходимо познакомиться с защитником, — добродушно сказал он, просматривая свои заметки перед допросом следующего свидетеля. — Вы не находите, что это несправедливо по отношению ко мне? — быстро спросила она. — У меня не было времени подготовиться к защите. Я ничего не знаю о деле, кроме того, что слышала от ваших свидетелей. Не думаете ли вы, мистер Браун, — и в голосе ее зазвучали убедительные нотки, — не думаете ли вы, что дело следовало бы отложить до завтра?

— Хм, — задумчиво сказал он, глядя на часы. — Это неплохая мысль. Теперь как-никак пять часов, и всем пора готовить ужин.

Она поблагодарила его без слов, как это умеют делать некоторые женщины. Увидев ее лицо и глаза, он почувствовал гораздо большее удовлетворение, чем если бы она заговорила.

Он вернулся на свое место и обратился к присутствующим:

— В результате совещания обвинения и защиты, принимая во внимание поздний час и невозможность разобрать дело в спешном порядке, я— хм! — предлагаю объявить перерыв до восьми часов утра завтрашнего дня.

— Большинство за, — объявил председатель и, покинув свое место, начал разводить огонь, так как был совладельцем этой хижины и стряпал

для всей компании.

ГЛАВА XXVII

Едва последний старатель покинул хижину, Фрона обернулась к Сент-Винсенту. Точно утопающий, он судорожно сжал ее руки. — Верьте мне, Фрона! Обещайте мне это! Она вспыхнула.

— Вы возбуждены, — сказала она, — иначе вы бы так не говорили. Но я не виню вас, — прибавила она мягко. — Я понимаю, что подобная история может взволновать человека.

— Да, чего уж хуже, — ответил он горько. — Я веду себя, как дурак, но иначе не могу. Потрясение было слишком велико. Как будто мне мало было того ужаса, который я испытал при виде смерти Борга, но быть еще вдобавок обвиненным в убийстве и отданным на суд толпы!.. Простите меня, Фрона. Но я сам не свой. Конечно, я знаю, что вы мне поверите. — Расскажите мне все, Грегори.

— Во-первых, эта женщина, Бэлла, лгала. Она, должно быть, лишилась рассудка, если могла сказать такое перед смертью, после того, как я с опасностью для жизни защищал ее и Борга. Это — единственное объяснение...

— Начните с начала, — перебила его Фрона. — Помните, что я ничего не знаю.

Он уселся поудобнее на табурете и, скручивая папиросу, стал передавать события минувшей ночи.

— Было, должно быть, около часа ночи, когда меня кто-то разбудил тем, что зажег коптилку. Я подумал, что это Борг. удивился, зачем он здесь бродит, и готов был снова заснуть, когда какое-то чувство, сам не знаю, какое, побудило меня открыть глаза. Двое чужих людей были в хижине. На них были маски и меховые шапки с опущенными наушниками, так что я не мог разглядеть их лица и видел только сверкающие глаза сквозь прорезы в масках.

Я сразу понял, что нам грозит опасность. Секунду я лежал спокойно и размышлял. Борг одолжил у меня револьвер, так что я был безоружен. Моя винтовка висела у двери. Я решил броситься к ней. Но едва я успел коснуться пола, как один из незнакомцев повернулся ко мне и выстрелил из револьвера. Это был первый выстрел, которого Ла-Флитч не слышал. Лишь позже, во время борьбы, дверь распахнулась, и поэтому он услышал следующие три выстрела.

Я находился так близко к злоумышленнику и так неожиданно соскочил

с койки, что он промахнулся. Через минуту мы схватились, покотившись по полу. Конечно, Борг проснулся, и второй злоумышленник занялся им и Бэллой. Этот второй и совершил убийство, так как мой противник был занят борьбой со мной. Вы слышали показание. По тому, какой беспорядок был в хижине, вы можете представить себе картину борьбы. Мы катались по полу, метались и дрались, пока стулья, стол, полки — все кругом не было изломано.

О Фрона, это было ужасно! Борг боролся за свою жизнь, Бэлла, раненная и стонущая, помогала ему, а я не мог оказать им поддержки. Но в конце концов я сравнительно быстро начал одолевать своего противника. Я уложил его на обе лопатки, придавил его руки коленями и медленно сжимал ему горло. Но за это время второй злоумышленник окончил свое дело и направился ко мне. Что я мог сделать? Двое на одного! К тому же я едва переводил дух! Они оттеснили меня в угол и скрылись.. Сознаюсь, я был уже настолько вне себя, что едва мне удалось перевести дух, я кинулся за ними в погоню без оружия. Тут я и столкнулся с Ла-Флитчем и Джоном... остальное вам уже известно. Только... — Он в недоумении нахмурил брови. — -Только я не могу понять, что побудило Бэллу обвинить меня.

Он умоляюще посмотрел на Фрону, но она, хоть и сжала сочувственно его руку, хранила молчание, мысленно взвешивая все «за» и «против». Она медленно покачала головой.

— Тяжелый случай. Все дело в том, чтобы убедить их...

— Но, клянусь богом, Фрона, я не виноват. Я не святой, возможно. Но мои руки не запятнаны кровью.

— Не забывайте, Грегори, — мягко сказала она, — что не я буду судить вас. К сожалению, этим займется собрание старателей, и весь вопрос в том, как убедить их в вашей невиновности. Главные пункты обвинения против вас — это предсмертные слова Бэллы и кровь на вашем рукаве.

— Вся хижина была залита кровью! — горячо воскликнул Сент-Винсент, вскочив на ноги. — Уверяю вас, она вся была залита кровью! Как я мог не запачкаться ею, когда боролся не на живот, а на смерть. Неужели вы не верите моему слову?..

— Успокойтесь, Грегори. Сядьте, вы действительно сам не свой. Если бы приговор зависел от меня, то, можете быть уверены, вы были бы оправданы. Но эти люди, — вы знаете, что такое власть толпы. Как нам убедить их, чтоб они вас отпустили? Разве вы не понимаете? Ведь у вас нет свидетелей. Слова умирающей женщины более святы, чем клятва живого

мужчины. Можете ли вы сказать, что заставило эту женщину умереть с ложью на устах? Имела ли она основание ненавидеть вас? Причинили ли вы зло ей или ее мужу?

Он покачал головой.

— Безусловно, многое для нас необъясним?, старателям это и не нужно. Для них все очевидно само собой. Наша задача опровергнуть очевидность. Можем ли мы это сделать?

Журналист бессильно опустил на стул и поник головой. — Значит, я погиб.

— Нет, положение не так уж безнадежно. Вас не по» весят. Положитесь на меня.

— Но как вы поможете? — спросил он с отчаянием. — Они захватили власть, они сами себе закон.

— Во-первых, река вскрылась. Это важнее всего. Губернатор и территориальный суд ожидают с минуты на минуту в сопровождении отряда полиции. И они, безусловно, остановятся здесь. И, кроме того, мы сами можем кое-что предпринять. Река почти очистилась ото льда, и на худой конец нам можно бежать. Им в голову не придет, что мы решимся на это.

— Нет, нет! Невозможно! Что значим мы с вами против такого большинства?

— Но с нами будет мой отец и барон Курбертен. Четверо решительных людей, действующих сообща, могут совершить чудеса, Грегори, дорогой. Верьте мне, все будет хорошо.

Поцеловав его, она провела рукой по его волосам. Но беспокойное выражение не сходило с лица Сент-Винсента.

Джекоб Уэлз засветло переехал пролив, и с ним вместе прибыли Дэл, барон и Корлисс. Пока Фрона переодевалась в одной из маленьких хижин, охотно предоставленной владельцами, ее отец пошел справиться о здоровье почтальона. Известия были крайне важными, настолько важными, что лицо Джекоба Уэлза оставалось озабоченным и мрачным еще долго после того, как он их перечитал по несколько раз. Но его беспокойство как рукой смахнуло, когда он вернулся к Фроне. Сент-Винсенту, заключенному в соседней хижине, разрешили свидание с ними.

— Дело обстоит неважно, — сказал Джекоб Уэлз, прощаясь с ним. — Но не волнуйтесь, Сент-Винсент. Как бы то ни было, вас не вздернут, покуда я тут кое-что еще значу. Я уверен, что не вы убили Борга. Положитесь на меня.

— Сегодня был длинный день, — заметил Корлисс, провожая Фрону к

ее хижине.

— А завтрашний день покажется еще длиннее, — сказала она устало. — Мне так хочется спать.

— Вы храбрая маленькая женщина, и я горжусь вами. — Было десять часов. В неясных сумерках он увидел похожие на привидения льдины, непрерывно проплывавшие мимо. — В этом деле вы можете полностью рассчитывать на меня, — продолжал он.

— Полностью? — переспросила она дрогнувшим голосом.

— Если бы я был героем мелодрамы, то сказал бы «по гроб жизни»! Но, как простой смертный, я только повторяю — полностью.

— Вы очень добры ко мне, Вэнс. Я никогда не смогу вам отплатить...

— Ну, ну! Я не торгуюсь. Любовь — служение, так мне кажется.

Она долго смотрела на него. И в то время как на лице ее отражалось удивление, она почувствовала в глубине души какое-то неясное смущение. Она сама не понимала, чем это было вызвано. События сегодняшнего дня и всех дней с тех пор, как она познакомилась с ним, промелькнули перед ней.

— Вы верите в чистую дружбу? — спросила она наконец. — Я надеюсь, что такие узы будут всегда связывать нас. Светлая, чистая дружба добрых товарищей? — И, говоря так, она сознавала, что эта фраза не совсем точно передает ее чувства и желания. И когда он покачал головой, она почувствовала какой-то легкий, радостный и необъяснимый трепет.

— Добрый товарищ? — спросил он. — Вы ведь знаете, что я вас люблю. — Да, — тихо сказала она.

— Боюсь, что вы недостаточно хорошо знаете мужчин. Поверьте мне, мы сделаны из другого теста. Добрые товарищи? Приходить с холода к вам на огонек? Отлично. Но приходить, когда у этого очага будет сидеть другой мужчина? Нет. Дружба требует, чтобы я радовался вашей радости, а можете ли вы представить на минуту, что я был бы в силах видеть вас с ребенком другого человека на руках, с ребенком, который мог бы быть моим, а теперь смотрит на меня глазами того, другого, и улыбается мне его улыбкой? Как вы думаете, мог бы я радоваться вашей радости? Нет, нет! Любовь не уживается с чистой дружбой. Фрона положила ему руку на плечо. — Вы считаете, что я не прав? — спросил он, пораженный странным выражением ее лица. Она тихо плакала.

— Вы измучены и переутомлены. Спокойной ночи. Ложитесь спать.

— Нет, не уходите еще, — остановила она его. — Нет, нет, я говорю глупости. Ведь вы же знаете, что я устала. Но послушайте, Вэнс! Впереди много дел. Мы должны составить план на завтра. Зайдите к нам. Папа и барон Курбертен сейчас вместе, и, если случится самое худшее, мы должны

вчетвером совершить великое дело.

— Захватываяюще, — заметил Джекоб Уэлз, когда Фрона коротко набросала план действий и распределила между ними роли. — Но во внезапности — залог успеха!

— Государственный переворот! — провозгласил барон. — Великолепно! О! Меня в жар бросает при этой мысли! Руки вверх! — ору я диким голосом.

— А что, если они не поднимут рук? — спросил он вдруг Джекоба Уэлза.

— Тогда стреляйте. Никогда не давайте себя запугивать, если у вас в руках ружье, Курбертен. Авторитетные люди утверждают, что это не ведет к добру.

— А вы должны сторожить «Бижу», Вэнс, — сказала Фрона. — Папа думает, что завтра на реке будет мало льда, если ночью не случится затор. Ваша обязанность ждать с лодкой у берега, как раз перед дверью. Вы, конечно, не будете знать, что происходит, пока не увидите бегущего Сент-Винсента. Тогда скорей с ним в лодку и прямо в Доусон! Поэтому я попрощаюсь с вами теперь, ведь завтра утром у нас, вероятно, не будет времени.

— Держитесь левого пролива, пока не минуете поворот, — посоветовал Джекоб Уэлз, — а потом сверните направо и плывите по течению. Так, а теперь уходите и живо в постель. До Доусона семьдесят миль, а вы должны туда слетать одним махом.

ГЛАВА XXVIII

Собрание старателей внимательно выслушало Джекоба Уэлза. Это заседание незаконно, заявил он, оно не облечено судебной властью. Те времена, когда в стране не существовало закона и подобные собрания считались в порядке вещей, давно миновали. Теперь установлены законы, и притом справедливые. Правительство королевы доказало, что оно на высоте положения, и узурпирование его власти является шагом назад, во тьму прошлого. Такой образ действий следует признать ни больше, ни меньше, как «преступным». В случае же серьезных последствий он твердо и решительно пообещал, что примет активное участие в привлечении каждого из них к ответственности. Закончил он свою речь тем, что предложил отложить дело и передать арестованного территориальному суду. Все это было единогласно отклонено.

— Разве вы не видите? — сказал Сент-Винсент Фроне. — Надежды нет.

— Есть. Послушайте! — И она в общих чертах посвятила его в план, разработанный прошлой ночью.

Он слушал ее неохотно, слишком подавленный, чтобы разделять ее энтузиазм.

— Это безумная попытка, — возразил он, когда она кончила.

— Отказаться от нее — значит предпочесть виселицу, — ответила она с легким раздражением. — Вы, я думаю, хотите бороться до конца? — Конечно, — ответил он глухим голосом. Первыми свидетелями были два шведа, которые припомнили случай с корытом, когда Борг разразился страшным гневом. Несмотря на свою ничтожность, случай этот в свете последующих событий сразу же приобрел серьезное значение. Он давал простор воображению. Главную роль играло, конечно, не то, что было сказано, а то, что осталось недосказанным. Люди, рожденные женщиной, самые грубые из них, достаточно хорошо знали жизнь, чтобы разобраться в этом обыденном, пошлом происшествии, для которого существовало только одно объяснение. Во время показаний зрители понимающе качали головами, и по рядам шепотом передавались различные комментарии.

Человек шесть свидетелей быстро сменили друг друга. Все они тщательно обследовали место происшествия и внимательно осмотрели остров; все они подтвердили, что нигде не нашли ни малейших следов тех двух людей, о которых упоминал подсудимый в своем предварительном

показании.

К удивлению Фроны, Дэл Бишоп занял свидетельское место. Она знала, что он не любит Сент-Винсента, но не могла себе представить, что он знает об этом деле.

Когда он присягнул и был установлен его возраст и национальность, Билл Браун спросил, какова его профессия.

— Старатель-одиночка, — вызывающе ответил он, бросив мрачный взгляд на собрание.

Дело в том, что среди золотоискателей очень мало одиночек, и большинство их совершенно не признает этого способа добывания золота.

— Одиночка! — хихикнул какой-то человек почтенного вида, одетый в красную рубашку. Свой первый лоток с песком он промыл в Калифорнии еще в начале пятидесятых годов. — Вот именно, — подтвердил Дэл. — Скажите, молодой человек, — продолжал собеседник, — вы хотите нас уверить, что вы всегда были одиночкой? — Вот именно.

— Не верю. — Старик презрительно пожал плечами. Дэл поперхнулся и порывисто вскинул голову. — Господин председатель, я хочу сделать заявление. Я не сомневаюсь в законности суда, я только заявляю коротко и ясно, что после конца, заседания набью морду всякому, кто позволит себе смеяться надо мной. Поняли?

— Вы нарушаете порядок, — ответил председатель, постучав по столу своим молотком. — И вам тоже! — вдруг закричал ему Дэл. — Хороший порядок вы поддерживаете! Одиночка я или нет, это не имеет никакого отношения к делу. Почему вы разрешаете задавать дурацкие вопросы? Уж я с вами разделаюсь, дубина вы эдакая!

— Это мы увидим! — Председатель покраснел, ударил молотком по столу и вскочил с места.

Дэл сделал шаг ему навстречу, но Билл Браун кинулся разнимать их.

— К порядку, джентльмены, к порядку! — взмолился он. — Теперь не время для таких недостойных выходок. Вспомните, что здесь присутствуют дамы.

Оба противника, ворча, повиновались, и Билл Браун приступил к допросу.

— Мистер Бишоп, нам известно, что вы хорошо знакомы с подсудимым. Мы просим вас сообщить суду, что вы знаете о его характере. Лицо Дэла расплылось в широкую улыбку. — Во-первых, он очень вздорный человек... — Пойдите! Я не могу этого допустить! — Подсудимый вскочил, дрожа от гнева. — Вы не должны подобным образом ставить на карту мою жизнь! Позволять какому-то сумасшедшему, которого

я видел всего раз в жизни, свидетельствовать о моем характере... Старатель повернулся к нему.

— Значит, вы не знаете меня, Грегори Сент-Винсент?

— Нет, — холодно ответил Сент-Винсент. — Я не знаю вас, любезный.

— Не смейте называть меня любезным! — яростно крикнул Дэл.

Но Сент-Винсент, игнорируя его, обратился к толпе: — Я видел этого человека всего раз в жизни и затем случайно встретился с ним в Доусоне.

— Вы вспомните меня раньше, чем я кончу говорить, — насмешливо сказал Дэл. — Придержите язык и дайте мне высказаться. Я приехал сюда с ним вместе в восемьдесят четвертом году.

Сент-Винсент стал всматриваться в него с пробудившимся интересом.

— Да, мистер Грегори Сент-Винсент. Вы как будто начинаете вспоминать. Я в те дни носил усы, и звали меня Браун. Джо Браун.

Он злорадно усмехнулся, но журналист, по-видимому, потерял всякий интерес к его словам. — Это правда, Грегори? — воскликнула Фрона. — Вспоминаю, — медленно пробормотал он. — Не знаю... Нет. Что за чепуха! Тот человек умер.

— Вы сказали, в восемьдесят четвертом году, мистер Бишоп? — напомнил ему Билл Браун.

— Да, в восемьдесят четвертом году. Он был газетным писакой, командированным в кругосветное путешествие через Аляску и Сибирь. А я в Ситхе сбежал с китобойного судна, вот отчего и назывался Брауном, и нанялся к нему за сорок монет в месяц. Плюс стол и квартира. А он поссорился со мной...

Неизвестно откуда начавшееся и постепенно разраставшееся хихиканье встретило его заявление. Даже Фрона и сам Дэл Бишоп невольно улыбнулись. И только один подсудимый сохранял серьезный вид.

— Кроме меня, он поссорился со стариком Энди на реке Дайе, и с Джорджем, вождем чилкетов, и с торговым агентом на реке Пелли, и со многими другими. Он втягивал нас в бесконечные истории, в особенности из-за баб. Он постоянно перемигивался с ними...

— Господин председатель, я протестую, — сказала Фрона, поднимаясь. Лицо ее было спокойно. Она, по-видимому, вполне владела собой. — Совершенно излишне касаться любовных походов мистера Сент-Винсента. Они нам не помогут. И, кроме того, в этом собрании вряд ли найдется человек настолько честный, чтобы руководствоваться правильными побуждениями в подобном вопросе. Поэтому я требую показаний, относящихся к делу.

Билл Браун, самодовольно улыбаясь, встал с места. — Господин

председатель, мы охотно выслушали заявление защиты. Все, что мы здесь рассматривали, было очень существенно и имело отношение к делу. Все, что мы будем рассматривать, будет удовлетворять этому требованию. Мистер Бишоп — наш главный свидетель, и его показания имеют прямое отношение у делу. Следует принять во внимание, что у нас нет прямых улик против обвиняемого. Мы не можем представить суду очевидца убийства Джона Борга. В нашем распоряжении лишь косвенные улики. И наш долг — выяснить побудительные мотивы, для чего необходимо хорошо знать характер обвиняемого. Это и входит в нашу задачу. Мы намерены показать его натуру прелюбодея и сладострастника, которая довела его до столь низкого преступления и заставила рисковать головой. Мы намерены доказать, что он далек от правды, что он первостатейный лгун; что суд равных ему не должен верить ни единому слову, сказанному им на скамье подсудимых. Мы намерены все это выяснить, нить за нитью, пока мы не сошьем достаточно толстой веревки, чтобы повесить его до окончания сегодняшнего дня. Поэтому я настоятельнейше прошу, господин председатель, чтобы свидетелю была дана возможность продолжать.

Председатель решил вопрос не в пользу Фроны. Апелляция ее к собранию была отклонена большинством голосов, и Билл Браун кивнул Дэлу, чтобы он продолжал.

— Как я уже говорил, он доставлял нам много неприятностей. Например, всю свою жизнь я имел дело с водой. По-видимому, мне от этого никогда не уйти, и чем дальше, тем меньше я в ней смыслю. Это было известно Сент-Винсенту. Он хорошо владел веслом и все же заставил меня одного переплыть Бокс-Кэньон, а сам пошел в обход. Результат: лодку перевернуло, я потерял половину снаряжения и весь табак, и в довершение всего он взвалил всю вину на меня. Вскоре после этого он впутался в историю со стиксами с озера Ла-Барт, и мы оба чуть не отдали концы.

— Как это произошло? — перебил его Билл Браун. — Все из-за хорошенькой индианки, которая слишком ласково на него посмотрела. После того, как все кончилось, я прочел ему лекцию о женщинах вообще и индианках в частности, и он обещал мне остепениться. Затем он попал в переделку с племенем Молодого Лосося. На этот раз он был хитрее, и я ничего не знал, но я догадался. Он сказал, что поссорился со знахарем. Надо вам сказать, никто так быстро не выводит знахарей из равновесия, как бабы. И это подтвердилось. Когда я с ним заговорил об этом по-отечески, он пришел в ярость, и мне пришлось пригласить его на берег и задать ему трепку. Затем он впал в уныние и повеселел только тогда, когда мы приплыли к устью Оленьей Реки, где сиваши ловили лососей. Он все время

злил на меня, хоть я не знал этого, и каждую минуту готов был надуть меня.

Нельзя отрицать, он умеет обращаться с женщинами. Стоит только ему свистнуть, и они бегут за ним, как собаки. У него на этот счет удивительный дар. Там была одна очень подлая и красивая индианка. Я в жизни не встречал красивей, разве только Бэллу. Так вот, я думаю, он свистнул ей, так как он замешкался в лагере дольше, чем было нужно. Питая пристрастие к бабам...

— Довольно, мистер Бишоп, — прервал его председатель. Он отказался от безрезультатного наблюдения за каменным лицом Фроны и перевел взгляд на ее руку, которая, нервно подергиваясь, выдавала то, что скрывало лицо. — Довольно, мистер Бишоп. С нас хватит индианок.

— Подождите, дайте ему кончить показание, — мягко сказала Фрона. — Оно, по-видимому, очень существенно.

— А вы знаете, что я собираюсь сказать? — запальчиво спросил Дэл председателя. — Не знаете? Ну так заткнитесь! Я хочу сообщить дополнительные сведения.

Билл Браун вскочил с места, чтобы предотвратить стычку, но председатель сдержался, и Бишоп продолжал:

— Я давно бы покончил с ухаживаниями за индианками и тому подобным, если бы вы не прерывали меня. Как я уже говорил, он имел против меня зуб, и не успел я опомниться, как он треснул меня прикладом по голове, усадил индианку в лодку и был таков. Вы все знаете, что представляли собой берега Юкона в восемьдесят четвертом году. И вот я остался один-одинешенек, без снаряжения, за тысячи миль от человеческого жилья. Я благополучно выбрался оттуда, не стоит рассказывать, как именно, и он также. Вы все слышали о его приключениях в Сибири. Так вот. — Дэл сделал многозначительную паузу. — Я случайно кое-что знаю об этом.

Он сунул руку в обширный карман своей клетчатой куртки и извлек оттуда грязную книжку в кожаном переплете, очень старую на вид.

— Я получил это от старухи Пита Уипла, Уипла из Эльдорадо. Это имеет отношение к ее двоюродному деду или прадеду, уж я не знаю, к которому из них. И если здесь кто-нибудь умеет читать по-русски, то мы узнаем подробности этого путешествия по Сибири. Но так как здесь никто не может...

— Курбертен! Он может ее прочесть! — крикнул кто-то в толпе.

Все расступились, давая дорогу упиравшемуся французу, которого, несмотря на протесты, насильно подтолкнули вперед.

— Знаете русский язык? — спросил его Дэл. — Да, но из рук вон плохо, — смущенно ответил Курбертен. — Я его знал очень давно, а теперь забыл. — Валяйте! Мы критиковать не станем. — Нет, но...

— Читайте! — скомандовал председатель. Дэл сунул ему в руки книгу, открытую на пожелтевшем заглавном листе.

— Я черт знает как давно хотел поймать парня вроде вас! — восторженно заявил он барону. — Так что теперь, когда вы мне попались, вам от меня не отделаться. Жарьте! Курбертен начал, запинаясь:

— Дневник отца Яконского, заключающий в себе краткое описание его жизни в монастыре бенедиктинцев в Обдорске и подобное изложение его чудесных приключений в Восточной Сибири среди Людей Оленя.

Барон поднял глаза, ожидая дальнейших инструкций.

— Скажите, когда это было напечатано? — спросил его Дэл.

— В Варшаве, в тысяча восемьсот седьмом году. Рудокон с торжеством оглядел собрание. — Вы слышали? Не упускайте этого из виду! Тысяча восемьсот седьмой год. Запомните! Барон открыл первую страницу:

— Это следует приписать Тамерлану, — начал он, бессознательно придавая переводу знакомый оборот речи.

При первых его словах Фрона побледнела и уже больше не могла оправиться за все время чтения. Один раз она украдкой взглянула на отца и обрадовалась. увидев, что он смотрит прямо перед собой: она чувствовала, что не в силах сейчас встретиться с ним глазами. На Сент-Винсента она не обращала никакого внимания, хотя знала, что он внимательно наблюдает за ней. Он видел только ее бледное лицо, совершенно лишенное выражения.

— Когда Тамерлан прошел с огнем и мечом по Вое точной Азии, — медленно читал Курбертен, — государства рушились, города сметались с лица земли, и племена рассеивались, как... как... звездная пыль. Спасаясь от победителей... нет... нет, от разнузданности победителей, эти беглецы забрались в самую глубь Сибири, распространяясь к северу и востоку и оседая на берегах полярного бассейна цепью монгольских племен.

— Переверните несколько страниц, — посоветовал Билл Браун, — и читайте отдельные отрывки. Мы не можем просидеть над этим до утра. Курбертен так и сделал.

— Прибрежные жители из племени эскимосов по природе своей безбидны и жизнерадостны. Они называют себя укилионами, или Людьми Моря. Я купил у них собак и провизию. Они подвластны чоу-чуэнам, живущим внутри страны, которые известны под именем Людей Оленя. Чоу-чуэны — злобное и дикое племя. Когда я отделился от берега, они напали на меня, ото брали все мое имущество и обратили меня в

рабство. — Он перелистал несколько страниц. — Я добился того, что мне разрешили участвовать в собрании вождей, но это не приблизило меня к свободе. Они так ценили мою мудрость, что ни за что не хотели расстаться со мной... Старый Пи-Юн был великим вождем. Было решено, что я женюсь на его дочери Ильсвунге. Эта Ильсвунга была грязным существом. Она никогда не мылась и отличалась дурным нравом... Я женился на Ильсвунге, но она лишь называлась моей женой. Она пожаловалась на это своему отцу, старому Пи-Юну, и он страшно разгневался. Между племенами начался раздор. Но в конце концов я стал еще могущественнее, чем был прежде, благодаря моей изворотливости и находчивости. И Ильсвунга больше не жаловалась, потому что я научил ее раскладывать пасьянс и еще многим другим вещам.

— Довольно? — спросил Курбертен. — Да, достаточно, — ответил Билл Браун. — Но подождите минуту. Будьте любезны, назовите еще раз год издания книги.

— Тысяча восемьсот седьмой, Варшава. — Пойдите, барон, — сказал Дэл Бишоп. — Теперь, когда вы стоите перед судом в качестве свидетеля, мне нужно вам задать еще вопрос. — Он обернулся к собранию: — Джентльмены, вы все кое-что слышали о приключениях подсудимого в Сибири. Вы, наверное, заметили их поразительное сходство с тем, что описал отец Яконский около ста лет тому назад. И вы решили, что тут имеет место полное заимствование. Но я докажу вам, что здесь не только заимствование. Подсудимый бросил меня на Оленьей Реке в восемьдесят восьмом году. Осенью этого же года он был в Сент-Майкле на пути в Сибирь. В восемьдесят девятом и девяностом годах он, по его словам, переживал разные чудеса в Сибири. В девяносто первом году он вернулся и строил из себя героя-победителя во Фриско . Теперь посмотрим, не поможет ли нам француз.

— Вы были в Японии? — спросил Дэл. Курбертен, следивший за датами, сделав быстрый подсчет в уме, не сумел скрыть своего удивления. Он умоляюще посмотрел на Фрону, но она ничем не помогла ему.

— Да, — сказал он наконец. — Вы там встречали подсудимого?

— Да. — В каком году это было?

Все подались вперед, чтобы услышать ответ. — В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году, — неохотно сказал барон.

— Но как же это может быть, барон? — спросил Дэл, прикидываясь простачком. — Ведь подсудимый был в это время в Сибири.

Курбертен пожал плечами, как бы говоря, что это его не касается, и сошел со свидетельского места.

Неожиданно был объявлен перерыв на несколько минут, во время которого старатели перешептывались и покачивали головами.

— Все это ложь. — Сент-Винсент наклонился к самому уху Фроны, но она не слушала его.

— Обстоятельства против меня, но я могу все это объяснить.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Председатель предложил Сент-Винсенту занять его место. Фрона обернулась к отцу, и глаза ее наполнились слезами, когда он коснулся ее руки.

— Может быть, ты хочешь бросить все это дело? — спросил он после минутного колебания.

Она покачала головой. Сент-Винсент начал говорить. Это была та же история, которую он рассказывал ей, но несколько дополненная; и она нисколько не противоречила показаниям Ла-Флитча и Джона. Он признал случай с чаном, вызванный, по его словам, простым актом вежливости с его стороны и бессмысленным гневом Джона Борга. Он признал, что Бэлла была убита из его револьвера, но заявил, что этот револьвер был взят у него Боргом несколько дней тому назад и не возвращен. Что касается обвинения Бэллы, то тут он ничего не может сказать. Он не в силах понять, почему она решилась умереть с ложью на устах. Он никогда ничем не вызывал ее неудовольствия, даже в мелочах, и не может объяснить ее ложь мстью. Что же касается показаний Бишопы, то он не желает их обсуждать. Это сплошная клевета, ловко разбавленная правдой. Этот человек действительно поехал с ним на Аляску в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, но его версия относительно происшествий, имевших там место, является беспардонным вымыслом. Что касается барона, то здесь произошла маленькая ошибка в числах, только и всего.

Допрашивая его, Билл Браун обнаружил неожиданный факт. По словам подсудимого, он отчаянно боролся с таинственными незнакомцами. «Если это действительно так, — спросил Браун, — то чем вы объясняете тот факт, что вы вышли из драки совершенно невредимым? При осмотре тела Борга было обнаружено множество ушибов и ссадин. Как же вы во время такой потасовки остались целы?» Сент-Винсент не мог этого объяснить, но сознался, что чувствует ломоту и боль во всем теле. Кроме того, не в этом вовсе дело. Факт тот, что он не убивал ни Борга, ни его жены, он это твердо знает.

Фрона обратилась к собранию с прочувствованной речью, где прежде всего напомнила о неприкосновенности человеческой жизни и связанной с риском опасности косвенных улик, а также о правах обвиняемого в тех случаях, когда возникает сомнение. Затем она рассмотрела показания,

отбрасывая все лишнее и стараясь придерживаться голых фактов. Она решительно отрицала, что причина убийства обнаружена. А если это так, то использование связанных с ним улик является оскорбительным для умственных способностей присутствующих. Но она достаточно верит в их человечность и проницательность, чтобы знать, что такие мелочи не повлияют на их решение.

С другой стороны, разбираясь в отдельных пунктах обвинения, она отрицает, что близость между Сент-Винсентом и Бэллой является доказанной; точно так же не доказано, что Сент-Винсент делал попытки к какому-либо сближению. Если судить беспристрастно, то инцидент с чаном — единственная улика, на которую ссылались свидетели обвинения, — был только смешным эпизодом, доказывающим, как простая любезность джентльмена может быть ложно истолкована бешеным дикарем мужем. Она полагается на здравый смысл присутствующих. Дураков тут нет.

Здесь пытались утверждать, что у подсудимого дурной нрав. Ей не приходится доказывать это в отношении Борга. Всем известны его страшные припадки гнева. Его вспыльчивость вошла в поговорку в округе; она оттолкнула от него друзей и создала много врагов. Поэтому весьма вероятно, что незнакомцы в масках и были из числа их. Не так ли? Какими мотивами руководствовались эти люди, она не может сказать; она предоставляет судьям решать, могут ли найтись во всей Аляске двое людей, которым Джон Борг насолил так, что у них могла возникнуть мысль об убийстве.

Свидетели заявили, что следов этих двух людей они не нашли нигде. Но они не упомянули о том, что следов Сент-Винсента, Пьера Ла-Флитча и Джона Шведа тоже не оказалось. Да это и было бы излишне. Все и так знают, что нигде не сохранилось следов Сент-Винсента, когда он выбежал из хижины на дорогу и вернулся с Ла-Флитчем и другим человеком, потому что на утрамбованной тропинке мягкие мокасины не делают отпечатка. Если бы лед не спустился вниз по течению, то убийцы точно так же не оставили бы на нем своих следов.

При этих словах Ла-Флитч одобрительно кивнул головой, и она продолжала:

— Обвинение построено на том, что у Сент-Винсента были руки в крови. Если бы в ту минуту осмотрели мокасины на ногах мистера Ла-Флитча, то на них также оказалась бы кровь. Это, однако, не говорит о том, что он замешан в пролитии крови.

Мистер Браун обратил внимание на то, что подсудимый в жестокой схватке не получил ни одной ссадины или царапины. Она благодарит его за

это. Осмотр тела Джона Борга доказал, что ему были нанесены тяжелые повреждения. Он был крупнее, сильнее, тяжелее Сент-Винсента. Если Сент-Винсент действительно совершил убийство и вследствие этого, естественно, принимал участие в тяжелой борьбе, изувечившей Джона Борга, то как же он вышел из нее невредимым? Этот факт заслуживает серьезного внимания.

Возникает второй вопрос: зачем он побежал вниз по дороге? Совершенно невероятно, чтобы он, совершив убийство, побежал бы, не одеваясь и не подготовившись к бегству, по направлению к другим хижинам. С другой стороны, легко предположить, что он стал преследовать настоящих убийц, и, измученный, запыхавшийся и, разумеется, возбужденный, помчался в темноте прямо вниз по дороге.

Все ее выводы были строго последовательны; когда она кончила, ее проводили дружными аплодисментами. Тем не менее она была недовольна и даже оскорблена, так как понимала, что это относится скорее к ней лично, чем к ее делу и к потраченному ею труду.

Билл Браун, как стряпчий по темным делам, всегда прислушивался к разговорам в толпе, извлекая даже пользу для себя, в противном же случае он искусно прибегал к собственному авторитету. В этом ему сильно помогал прирожденный юмор. Он быстро покончил с таинственными незнакомцами в масках, назвав их мифическими фигурами.

Они не могли покинуть остров. Состояние льда за три или четыре часа до вскрытия не разрешило бы этого. Подсудимый не обвиняет никого из жителей острова, потому что они все, кроме него самого, могут доказать свое алиби. Возможно, что подсудимый был сильно возбужден, когда бежал по дороге, где столкнулся с Ла-Флитчем и Джоном Шведом. Хотя, казалось бы, можно предположить, что он привык к подобным передрягам за время своего путешествия по Сибири. Но это несущественно; факты говорят, что он, несомненно, был в состоянии ненормального, даже истерического возбуждения. А убийца в таких случаях не думает о том, куда бежит. Подобное происходило не раз. Преступники часто сами спешат навстречу возмездии.

Коснувшись вопроса об отношениях между Боргом, Бэллой и Сент-Винсентом, он ловко сыграл на инстинктивном предубеждении своих слушателей и на время перешел от прозаических рассуждений к всемогущим сентиментальным общим местам. Он признал, что косвенные улики никогда не дают неопровержимых доказательств. Но этого от них не требуется. Они только не должны оставлять места сомнениям. Вот все, что от них требуется. Он докажет, что эта цель достигнута, еще раз

пересмотрев показания.

— И наконец, — сказал он, — вы не можете не учитывать последних слов Бэллы. Мы ничего не знали непосредственно. Мы нащупывали путь в темноте, цеплялись за мелочи, стараясь представить себе всю картину. Но, джентльмены, — он сделал паузу, посмотрев на лица слушателей, — Бэлла знала правду. И это не косвенная улика. Тяжело и прерывисто дыша, обливаясь кровью и глядя перед собой остекленелым взором, она сказала правду. На пороге вечной ночи, издавая предсмертные хрипы, она чуть приподнялась и, указав дрожащим пальцем на подсудимого, произнесла: «Он, он, он! Сент-Винча, он это сделал».

Палец Билла Брауна все еще был нацелен на Сент-Винсента, когда последний, пошатываясь, встал. Его лицо казалось серым и постаревшим. Он оглядывался кругом, не в силах заговорить. «Трус! Трус!» — шептали кругом достаточно громко, чтобы он мог расслышать. Он несколько раз провел языком по сухим губам, пытаясь вымолвить хоть слово.

— Как я уже сказал, — удалось ему наконец прохрипеть, — я не виновен. Клянусь богом, я не виновен! — С трудом соображая, он уставился на Джона Шведа. — Я не виновен. Я... я не виновен... не виновен...

Казалось, он был погружен в какое-то глубокое раздумье, в котором Джон Швед играл немаловажную роль. И когда Фрона схватила его за руку и мягко заставила сесть, в толпе кто-то закричал: — Тайное голосование!

Но Билл Браун моментально вскочил на ноги. — Нет! Я говорю, нет!.. Открытое голосование! Мы мужчины и не должны бояться своего мнения.

Его заявление было встречено хором сочувственных голосов, и открытое голосование началось. Друг за другом вызванные по имени люди говорили всего одно слово: «Виновен».

Барон Курбертен протиснулся вперед и пошептался с Фроной. Она кивнула головой и улыбнулась, и он, вернувшись назад, занял место у дверей. Когда пришла его очередь, он сказал: «Нет, не виновен», — так же, как Фрона и Джекоб Уэлз. Пьер Ла-Флитч поколебался с минуту, пристально посмотрел на Фрону и Сент-Винсента, затем сказал своим мелодичным, словно флейта, голосом: «Виновен».

Когда председатель встал, Джекоб Уэлз точно случайно подошел к противоположному концу стола и прислонился к печке. Курбертен, внимательно следивший за всем, откатил от стены бочонок из-под солонины и встал на него.

Председатель откашлялся и ударил молотком по столу, призывая к порядку.

— Джентльмены! — объявил он. — Подсудимый... — Руки вверх! — властно скомандовал Джекоб Уэлз, и за ним моментально последовал пронзительный крик Курбертена: — Руки вверх, джентльмены!..

Они держали толпу под прицелом своих револьверов. Все подняли руки. Председатель последовал общему примеру, все еще крепко держа молоток. Не было никакой паники. Каждый остался стоять или сидеть в том положении, в каком его застигло приказание. Взгляды присутствовавших, перебегая с одной фигуры на другую, неизменно возвращались к Джекобу Уэлзу.

Сент-Винсент сидел как оглушенный. Фрона сунула ему в руку револьвер, но его ослабевшие пальцы отказывались повиноваться.

— Идем, Грегори! — молила она. — Скорее! Корлисс ждет с лодкой. Идем!

Фрона расшевелила его, и он с усилием взял оружие. Тогда она стала толкать и трясти его, точно человека, охваченного тяжелым сном, пока ей не удалось поставить его на ноги. Его лицо было мертвенно бледно, а взгляд как у лунатика, и весь он, казалось, находился в состоянии полной беспомощности. Все еще поддерживая его, она отступила на шаг, чтобы дать ему возможность пройти вперед. Он попытался это сделать; колени его дрожали. Кругом не было слышно ни звука, кроме тяжелого дыхания толпы людей. Кто-то откашлялся. Этот звук нарушил тишину, и глаза всех укоризненно обратились на виновника шума. Последний смутился и стал неловко переминаться с ноги на ногу. Затем снова воцарилось молчание, прерываемое тяжелым дыханием.

Сент-Винсент сделал еще шаг вперед, но его пальцы разжались, и револьвер с грохотом упал на пол. Он даже не пытался поднять его. Фрона быстро нагнулась, но Пьер Ла-Флитч наступил на револьвер ногой. Она взглянула на Пьера и увидела, что он стоит с поднятыми руками, рассеянно уставившись на Джекоба Уэлза. Она толкнула ногу, но мускулы оказались напряженными и твердыми, что никак не вязалось с безучастным выражением его лица. Сент-Винсент, ничего не соображая, беспомощно смотрел вниз.

Заминка привлекла внимание Джекоба Уэлза, и, пока он пытался выяснить ее причину, председатель воспользовался случаем. Его правая рука, не сгибаясь, метнулась вперед, и тяжелый молоток вылетел из его пальцев. Пролетев короткое расстояние, он ударил Джекоба Уэлза ниже уха. Револьвер выпал из руки Уэлза, выстрелив при падении, и Джон Швед с рычанием схватился за бедро.

Одновременно был побежден и барон. Дэл Бишоп, все еще с

поднятыми руками и невинным выражением лица, просто-напросто пинком выбил из-под француза бочонок, заставив того упасть. Пуля Курбертена пробила крышу, никого не задев. Ла-Флитч схватил Фрону за руку. Сент-Винсент, внезапно пробудившись, кинулся к дверям, но метис быстро подставил ему ногу.

Председатель ударил кулаком по столу и закончил прерванную фразу: — Джентльмены, подсудимый признан виновным!

ГЛАВА XXIX

Фрона тотчас же бросилась к отцу, но он уже приходил в себя. Курбертена вывели вперед. Лицо его было исцарапано, запястье на одной руке растянуто, но язык отличался все той же непокорностью. Чтобы предотвратить споры и сберечь время, Билл Браун попросил слова.

— Господин председатель, осуждая попытку Джекоба Уэлза, Фроны Уэлз и барона Курбертена спасти подсудимого и помешать исполнению правосудия, мы при данных обстоятельствах не можем отказать им в сочувствии. Излишне углубляться в этот вопрос. Вы все, конечно, понимаете, что на их месте поступили бы точно так же. Поэтому, чтобы покончить быстро с этим делом, я вношу предложения обезоружить трех задержанных и отпустить их на свободу.

Предложение было принято, и обоих мужчин обыскали, чтобы отнять у них оружие. Фрона под честное слово была избавлена от этого. Затем собрание избрало комитет повешения, и толпа начала расходиться.

— Мне очень жаль, но я не мог поступить иначе, — сказал председатель полуизвиняющимся, полувывызывающим тоном. Джекоб Уэлз улыбнулся.

— Вам помог случай, — ответил он, — и я не виню вас. Я только жалею, что не попал в вас. Возбужденные голоса раздались в хижине: — Эй ты, длинноногий!

— Наступи ему на пальцы, Тим! Разожми руку! Ишь как вцепился! Ай! Ой!

— Открой ему глотку!

Фрона увидела группу людей, боровшихся с Сент-Винсентом, и поспешила к нему. Он бросился на пол, пустив в ход зубы и ногти, отбивался как сумасшедший. Тим Дуган, дюжий кельт, вступил с ним врукопашную, и зубы Сент-Винсента вцепились ему в плечо. — Ударь его, Тим! Ударь его!

— Как же я могу, болваны? Разожмите ему рот! Слышите? — Подождите-ка минутку!

Мужчины посторонились, чтобы дать возможность Фроне подойти, освободив место вокруг Сент-Винсента и Тима.

Фрона опустила перед ним на колени. — Оставьте его, Грегори! Оставьте! Он взглянул на нее. В глазах его не было ничего человеческого. Он прерывисто дышал, в горле его слышались странные, сдавленные звуки.

— Это я, Грегори. — Она успокоительно провела рукой по его лбу. — Вы не узнаете? Это я, Фрона. Отпустите его.

Тело Сент-Винсента медленно ослабло, лицо стало более спокойным. Наконец его челюсти разжались, и Тим отдернул руку.

— Послушайте, Грегори! Хоть вам и придется умереть...

— Но я не могу! Не могу! — застонал он. — Вы говорили, что я могу на вас положиться, что все сойдет благополучно!

Она подумала о возможности, которую предоставила ему, но промолчала.

— О Фрона! Фрона! — рыдал он, пряча голову в ее коленях.

— Будьте по крайней мере мужчиной! Это все, что вам остается.

— Идем! — приказал Тим Дуган. — Мне очень жаль, что приходится потревожить вас, мисс, но мы должны отвести его. Тащите его, ребята! Хватай его за ноги. Блэк, и ты, Джонсон. При этих словах тело Сент-Винсента напряглось, разум во взгляде угас, а пальцы судорожно сжали руку Фроны. Она умоляюще посмотрела на старателей, и они остановились в нерешительности.

— Оставьте меня с ним на минуту, — попросила она, — только на минуту.

— Он не стоит этого, — усмехнулся Дуган, когда они отошли. — Посмотрите только на него!

— Черт знает что такое! — согласился Блэк, искоса поглядывая на Фрону, которая что-то шептала Сент-Винсенту на ухо, нежно гладя его по волосам.

Они не слышали слов Фроны, но увидели, что она заставила Сент-Винсента встать на ноги и повела за собой. Он шел точно мертвец и, выйдя из помещения, с удивлением уставился на мутный поток Юкона. Вокруг сосны на берегу собралась толпа. Мальчик, которому поручено было перекинуть веревку через одну из ветвей, выполнив задачу, соскользнул на землю. Он посмотрел на свои ладони и подул на них. Это вызвало смех окружающих. На опушке леса два ошестинившихся волкодава скалили клыки. Люди натравливали их друг на друга. Сцепившись, собаки покатались по земле, но их пинками оттолкнули в сторону, чтобы очистить место для Сент-Винсента. Корлисс подошел к Фроне.

— Что случилось? — спросил он. — Сорвалось? Она попыталась что-то сказать, но судорога сжала ей горло, и она только кивнула головой.

— Сюда, Грегори. — Она дотронулась до его плеча и подвела к ящику, стоявшему под веревкой.

Идя с ними рядом, Корлисс задумчиво оглядел толпу и нащупал

карман своей куртки.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он, нетерпеливо кусая нижнюю губу. — Все, что вы прикажете, будет исполнено, Фрона. Я могу отстоять его.

Она посмотрела на него, и то, что она прочла в его глазах, доставило ей радость. Она знала, что он решится на все, но находила это несправедливым. Сент-Винсенту была предоставлена возможность спастись; было бы нечестно приносить дальнейшие жертвы.

— Нет, Вэнс. Теперь уже поздно. Ничего нельзя сделать. — По Крайней мере позвольте мне попытаться, — настаивал он.

— Нет. Наш план расстроился не по нашей вине, и... и... — Ее глаза наполнились слезами. — Пожалуйста, не просите меня об этом.

— Тогда разрешите увести вас. Вам нельзя здесь оставаться.

— Я должна, — просто ответила она и повернулась к Сент-Винсенту, который был словно во сне.

Блэк прилаживал петлю на конце веревки, готовясь накинуть ее на шею Сент-Винсента.

— Поцелуйте меня, Грегори, — сказала Фрона, положив руку ему на плечо.

Он вздрогнул при этом прикосновении, увидел сотню жадных глаз, устремленных на него, и только что свитую желтую петлю в руках палача. Он протянул руки, словно отстраняя ее, и громко закричал:

— Нет! Нет! Позвольте мне признаться во всем! Тогда вы мне поверите!

Билл Браун и председатель отпихнули Блэка, и толпа сдвинулась теснее. Раздались крики и протесты.

— Не смейте! — визгливо закричал мальчик. — Я не уйду. Я влез на дерево и привязал веревку. Я имею право присутствовать.

— Ты еще ребенок, — возразил какой-то мужчина. — Это зрелище не для тебя.

— Подумаешь, я вовсе не ребенок! Я... я привык к таким вещам. Как-никак я лазил на дерево. Посмотрите на мои руки.

— Конечно, он может остаться, — поддержали его другие.

— Не трогай его, Кэрли! Не тебя ведь вешают! Последнее замечание было встречено смехом, после чего все успокоились.

— Тише! — крикнул председатель и затем обратился к Сент-Винсенту: — Ну, вы! Начинайте, только не тратьте лишних слов.

— Дайте нам послушать! — снова вмешалась толпа. — Поставьте его на ящик.

Сент-Винсенту помогли влезть на ящик, и он начал говорить с лихорадочным жаром:

— Я не совершил убийства, но я был свидетелем преступления. Их было не двое, а один человек. Он убил Борга, и Бэлла помогла ему. Взрыв смеха заглушил его слова.

— Не торопитесь, — предостерег его Билл Браун. — Будьте добры объяснить, как Бэлла помогла этому человеку убить ее. Начните сначала.

— В ту ночь Борг перед тем, как лечь спать, установил свой обычный сигнал против воров... — Сигнал против воров?

— Я так называл его. Это была оловянная кастрюля, прикрепленная к задвижке так, что дверь, открываясь, опрокидывала ее на пол. Он устанавливал свой сигнал каждую ночь, точно опасался того, что действительно случилось. В ночь убийства я проснулся с таким чувством, словно кто-то бродит по хижине. Коптилка была прикручена. Бэлла стояла у дверей. Борг храпел; я это ясно слышал. Бэлла осторожно убрала кастрюлю. Затем она открыла дверь, и в комнату тихо вошел какой-то индеец. На нем не было маски, и я узнал бы его, если бы встретился с ним. На лице его был шрам, который шел по лбу и пересекал глаз.

— Вы, конечно, вскочили и подняли тревогу? — Нет, — ответил Сент-Винсент, вызывающе тряхнул головой, словно сразу хотел отделаться от самого худшего. — Я лежал и выжидал. — Что вы подумали?

— Что Бэлла в сговоре с индейцем и что они собираются убить Борга. Мне это сразу пришло в голову. — И вы ничего не сделали?

— Ничего. — Он понизил голос, и взгляд его упал на Фрону. Она прислонилась к ящику, на котором стоял он, поддерживая его. Казалось, она совсем не была взволнована. — Бэлла подошла ко мне, но я закрыл глаза и начал ровно дышать. Она поднесла к моему лицу коптилку, но я так хорошо притворился спящим, что обманул ее. Затем я услышал пыхтение внезапно проснувшегося и встревоженного человека и крик. Я выглянул из-под одеяла. Индеец бросился на Борга с ножом, а Борг оборонялся руками, пытаясь схватить его. Когда они сцепились, Бэлла подкралась сзади и стала душить мужа руками. Она уперлась коленями ему в поясницу, наклонила его назад и с помощью индейца повалила на пол. — А что делали вы? — Я наблюдал. — У вас был при себе револьвер? — Да.

— Тот самый, который вы будто бы одолжили Боргу? — Да. Но я наблюдал.

— Джон Борг звал на помощь?

— Да. — Что же он говорил?

— Он кричал: «Сент-Винсент! Сент-Винсент! О боже, Сент-Винсент!

Помогите мне!» — Сент-Винсент вздрогнул при этом воспоминании и добавил: — Это было ужасно.

— Я тоже так думаю! — проворчал Браун. — А вы? — Я наблюдал, — последовал упрямый ответ. Ропот пробежал по толпе.

— Борг все же отбился от них и вскочил на ноги. Взмахом руки он отшвырнул Бэллу в противоположный конец хижины и обернулся к индейцу. Они начали бороться. Индеец выронил нож. От ударов Борга меня мутило. Я думал, что он избьет индейца насмерть. Тогда-то и была сломана мебель. Они катались по полу, рычали и дрались, как дикие звери. Я удивился, как Борг не проломил индейцу грудь. Бэлла подняла нож и несколько раз предательски ударила им мужа. Индеец сцепился с ним так, что руки Борга оказались заняты и он мог только лягнуть ее. Он, вероятно, сломал ей ноги, потому что она, громко вскрикнув, упала и больше уже не могла подняться, как ни старалась. После этого Борг повалился прямо на плиту, подмяв под себя индейца. — Он еще звал на помощь? — Он умолял меня подойти к нему. — И?..

— Я наблюдал. Ему удалось оттолкнуть от себя индейца, и он, шатаясь, подошел ко мне. Я видел, что он обливался кровью и совсем ослабел. «Дайте мне ваше ружье, — сказал он, — скорее!» И ощупью поискал его. Затем, немного придя в себя, он через мою голову протянул руку к кобуре, висевшей на стене, и вынул револьвер. Индеец снова подскочил к нему с ножом, но Борг уже не защищался. Он направился к Бэлле, а индеец все висел на нем и рубил его ножом. По-видимому, он мешал Боргу, и Борг отшвырнул его. Потом Борг опустился на колени и повернул лицо Бэллы к свету. Но лицо его самого было залито кровью, и он ничего не видел. Тогда он долго вытирал кровь, застилавшую ему глаза. Казалось, он смотрит на Бэллу, чтобы удостовериться, она ли это. Затем он приложил револьвер к ее груди и выстрелил.

При виде этого индеец обезумел и кинулся на Борга с ножом, выбив у него из рук револьвер. Тогда была опрокинута полка с коптилкой. Они продолжали бороться в темноте. Раздались еще выстрелы, но я не знаю, кто стрелял. Я сполз с койки. В пылу борьбы кто-то ударил меня, и я упал на Бэллу. Вот тогда-то мои руки были выпачканы кровью. Когда я выбежал из хижины, раздалось еще несколько выстрелов. Тут я встретил Ла-Флит-ча и Джона... И остальное вам известно. Клянусь, я сказал вам всю правду.

Сент-Винсент посмотрел на Фрону. Она поддерживала ящик, лицо ее было спокойно. Он бросил взгляд на толпу и прочитал на лицах недоверие. Многие смеялись.

— Почему вы сразу не рассказали это? — спросил Билл Браун. —

Потому что... потому что... — Ну? — Потому что я мог помочь.

Смех усилился, и Билл Браун отвернулся от него. — Джентльмены, вы слышали его бред. Это еще более фантастическая сказка, чем первая. В начале процесса мы обещали доказать, что подсудимый далек от правды. Ваш приговор исчерпывающе подтвердил, что мы этого достигли. Но мы не ожидали, что он так блестяще оправдывает наши предположения. Надеюсь, в этом не приходится сомневаться. Что вы думаете о нем? Он громоздит одну ложь на другую. Доказано, что он бессовестный лжец. Неужели вы поверите этому последнему чудовищному вымыслу? Джентльмены, я прошу вас только об одном — подтвердите ваш приговор. А те, которые усомнятся в его обмане, наверное, будут в меньшинстве. Я позволю себе заметить следующее. Если допустить, что его история правдива и он, пользовавшийся гостеприимством Джона Борга, лежал под одеялом, когда совершалось убийство, и равнодушно слушал, как несчастный взывает к нему о помощи, и если, глядя на эту кровавую баню, в нем не проснулось достоинство мужчины, тогда позвольте вам сказать, он все равно достоин виселицы. Ошибки не будет. Как вы решаете?

— Смерть! Вздернуть его! Повесить! — раздались крики.

Внезапно взоры всех присутствующих обратились к реке; даже Блэк на мгновение отвлекся от исполнения своих официальных обязанностей. Широкий плот с длинными веслами на концах скользил мимо косы Острова Распутья, держась у самого берега. Подойдя совсем близко, он зарылся носом в песок, и в тот же миг веревка, брошенная с него, обвилась вокруг дерева, под которым стоял Сент-Винсент. Разрубленные лосиные туши выглядывали из-под еловых веток. Два человек», стоявшие на плоту, гордо посмотрели на толпу, усеявшую берег. Причиной их гордости был, по-видимому, этот груз.

— Хотим добраться с ним до Доусона, — объяснил один из них, — только вот солнце чертовски печет.

— Нет, — сказал его товарищ, отвечая на вопрос, — здесь не стоит останавливаться и торговать. Там, внизу, фунт стоит полтора доллара, и мы спешим туда. Но с нами человек, которого мы охотно вам оставим. — Он обернулся и указал на груды одеял, под которыми смутно угадывались очертания человеческого тела.

— Мы выбрали его сегодня утром милях в тридцати вверх по реке Стюарт.

— Его нужно лечить, — сказал второй, — а у нас мясо портится, и мы не можем терять время. — Нищим сказать нечего, кроме того, что они вялые животные.

— Этот парень как будто боролся с медведем, он весь избит и изранен. По-видимому, у него внутренние повреждения. Куда его положить?

Стоя рядом с Сент-Винсентом, Фрона видела, как раненого понесли по холмистому берегу мимо толпы. Из-под одеяла свесилась бронзовая рука и выглянуло бронзовое лицо. Носильщики остановились, ожидая, пока решится вопрос, куда им направиться. Внезапно Фрона почувствовала, что Сент-Винсент яростно вцепился в ее руку.

— Смотрите! Смотрите! — Сент-Винсент нагнулся вперед и нетерпеливо указывал на раненого. — Смотрите! Этот шрам!

Индеец открыл глаза и, узнав Сент-Винсента, злобно усмехнулся.

— Это он! Это он! — Дрожа от возбуждения, Сент-Винсент повернулся к толпе. — Я призываю всех вас в свидетели! Это человек, убивший Джона Борга!

Его заявление не было встречено смехом, так как во всех жестах Сент-Винсента сквозила жуткая искренность. Билл Браун и председатель пытались вызвать индейца на разговор, но это им не удалось. Старатель из Британской Колумбии был привлечен к делу, но его чинукский язык не произвел никакого впечатления на индейца. Тогда вызвали Ла-Флитча. Красавец метис склонился к индейцу и заговорил с ним на каком-то гортанном языке, которому он, по-видимому, научился у своей матери. Одинаково безуспешно он попробовал еще несколько наречий. Не добившись ответа, он замолчал, обескураженный. Вдруг, словно что-то вспомнив, он сделал еще одну попытку. В глазах индейца сразу промелькнула искра сознания, и из его горла вырвались такие же звуки.

— Это наречие стиков с верховья реки Белой, — пояснил Ла-Флитч.

Затем, наморщив лоб, временами запинаясь и подыскивая полузабытые слова, он засыпал индейца вопросами. Остальным их разговор казался пантомимой — бессмысленное мычание, жестикуляция и выражение недоумения, удивления и непонимания на лицах обоих. Моментами индейцем овладевало сильное душевное волнение, и тогда Ла-Флитч сочувственно кивал головой. Их взгляды и жесты вновь обратили внимание толпы на Сент-Винсента, а один раз уста обоих даже искривил злобный, невеселый смех.

— Так? Ладно, — сказал Ла-Флитч, когда голова индейца откинулась назад. — Этот человек говорит правду. Он прибыл с реки Белой. Он вас не понимает. Он очень удивлен, что здесь так много белых людей. Он не подозревал, что на свете так много белых людей. Он скоро умрет. Его зовут Гоу.

— Давно, три года тому назад, тот человек, Джон Борг, явился в страну

этого Гоу. Он охотился, приносил в лагерь много мяса, и его любили на реке Белой. У Гоу была жена Писк-Ку. Джон Борг готовился к отъезду. Он пошел к Гоу и сказал ему: «Отдай мне твою жену. Мы сторгуемся. Я дам тебе за нее много вещей». Но Гоу сказал «нет». Писк-Ку хорошая жена. Ни одна женщина так хорошо не шьет мокасины. Она лучше всех выделяет лосиную шкуру, превращая ее в мягкую кожу. Он любит Писк-Ку. Тогда Джон Борг сказал, что ему до этого нет дела, что ему нужна Писк-Ку. Тут у них была страшная драка, и Писк-Ку ушла с Джоном Боргом. Она не хотела уходить, но все же ушла. Борг называл ее Бэллой и дарил ей много хороших вещей, но она все время любила Гоу. — Ла-Флитч указал на шрам, перерезавший лоб и глаз индейца. — Это сделал Джон Борг.

Гоу долго болел, он чуть не умер. Потом поправился, но с головой у него было плохо. Он никого не узнавал, даже отца и мать, точно новорожденный младенец. Потом как-то раз что-то щелк, щелк! И в голове его сразу прояснилось. Он узнал отца и мать, вспомнил Писк-Ку, вспомнил все. Его отец сказал, что Джон Борг спустился вниз по реке. Гоу тоже поплыл вниз. Весной очень трудно: идет лед. Ему было страшно, и столько белых людей, и когда он прибыл сюда, то передвигался ночью. Его никто не видел, а он видел всех. Он видит в темноте, как кошка. Каким-то образом он пришел прямо к хижине Джона Борга. Он не знал, как это случилось, знал только, что ему предстоит великое дело.

Сент-Винсент стиснул руку Фроны, но она отдернула ее и отступила на шаг.

— Гоу видел, как Писк-Ку кормила собак, и они поговорили. Ночью он пришел, и она открыла ему дверь. Что было дальше, вы знаете. Сент-Винсент не помог ничем. Борг убил Бэлла. Гоу убил Борга. Борг убил Гоу, потому Гоу скоро умрет. У Борга тяжелая рука. У Гоу болит внутри. Все перебито. Теперь Гоу все равно: Писк-Ку умерла.

После этого он перешел по льду на берег. Я ему сказал, что все наши говорят, будто это невозможно. Никто в это время не может перейти по льду. Он смеется и говорит, что он перешел, а что сделано, то возможно. Ему было очень трудно, но он все-таки перешел. У него все болит внутри. Он уже не может ходить, а только ползает. Он долго добирался до реки Стюарт. Он больше не мог идти и лег, чтобы умереть. Двое белых людей нашли его и принесли сюда. Ему все равно. Он умрет.

Ла-Флитч внезапно замолчал, но никто не сказал ни слова. Потом он добавил:

— Мне кажется, что Гоу — чертовски хороший парень.

Фрона подошла к Джекобу Узлзу. — Уведи меня отсюда, папа, —

сказала она. — Я очень устала.

ГЛАВА XXX

На следующее утро Джекоб Уэлз, обладатель многих миллионов, самолично наколот дневную порцию дров и, закулив сигару, отправился в глубь острова искать барона Курбертена. Фрона после завтрака развесила проветриваться одежду и накормила собак. Затем, достав из чемодана растрепанный томик Уордсворта, она устроилась поближе к берегу на двух вырванных с корнем соснах. Но она только открыла книгу, а не читала ее. Глаза Фроны вновь и вновь обращались к Юкону, задерживаясь при виде водоворота под утесами, пристально вглядываясь в излучину реки и песчаную отмель на ее середине. Дикая гонка на лодке и чудесное спасение все еще были свежи в ее памяти. Но не все оставило столь яркий след. Борьба у расщелины казалась ей бесконечной, она не могла бы определить, как долго все это продолжалось, а гонка от Острова Распутья до Острова Рубо окончательно стерлась из ее памяти, хотя разум не переставал твердить о ней.

Фроне пришла фантазия вспомнить все, что делал Корлисс в эти три знаменательных дня. Образ же другого человека, которого ей даже не хотелось называть по имени, она умышленно отстранила от себя. С ним было связано нечто страшное, что ей рано или поздно предстояло пережить. Она всячески отдаляла эту минуту. Она была надломлена духовно, все тело ее ныло, и любое напряжение воли казалось ей сейчас чем-то ужасным. Приятнее было думать даже о Томми, о Томми с языком змеи и сердцем зайца. И она дала себе слово, что вдова и дети в Торонто не останутся забытыми, когда Север будет выплачивать дивиденды Уэлзам.

Сухая ветка ивы треснула под чьей-то ногой. Глаза Фроны встретились с глазами Сент-Винсента.

— Вы не поздравили меня с чудесным спасением, — начал он весело. — Но вчера вечером вы, вероятно, чувствовали себя смертельно усталой. Я знаю это по себе. А вы еще, кроме того, перенесли это ужасное путешествие в лодке.

Он украдкой наблюдал за ней, стараясь угадать ее настроение и отношение к нему.

— Вы героиня, Фрона! — пылко сказал он. — Вы спасли не только почтальона, но и меня, добившись перерыва в заседании суда. Если бы в первый день был допрошен еще один свидетель, я был бы повешен задолго до появления Гоу. Славный малый, этот Гоу! Жаль, что он умрет.

— Я очень рада, что могла вам помочь, — ответила она, раздумывая над тем, что бы еще сказать. — И меня, конечно, следует поздравить... — С этой историей вас вряд ли стоит поздравлять, — быстро сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Я рада, что это так кончилось. Но неужели же вы ждете от меня поздравлений?

— А-а! — протяжно сказал он. — Я вижу, куда вы клоните. — Он добродушно улыбнулся и приготовился сесть рядом с ней, но она не подвинулась, чтобы уступить ему место, и он остался стоять. — Я все могу объяснить. Если вы насчет женщин...

Фрона, нервно сжимавшая свои руки, при этих словах расхохоталась.

— Женщин? — спросила она. — Женщин? Не будьте смешным, Грегори!

— По тому, как вы защищали меня на суде, — начал он с упреком, — я думал...

— Ах, вы ничего не понимаете! — сказала она безнадежным тоном. — Вы ничего не понимаете. Посмотрите на меня, Грегори. Может быть, вы поймете. Ваше присутствие тяготит меня. Ваши поцелуи меня оскорбляют. Память о них заставляет меня краснеть, и мои губы кажутся мне нечистыми. Почему? Вы думаете, из-за женщин, о которых говорилось на суде? Как вы меня плохо знаете! Сказать вам, почему?

С берега донеслись мужские голоса и плеск воды. Она быстро взглянула туда и увидела, что Дэл Бишоп ведет плот против течения, а Корлисс на берегу трудится над буксирным канатом.

— Сказать вам, почему, Грегори Сент-Винсент? — повторила она. — Сказать вам, почему ваши поцелуи унизили меня? Потому что вы нарушили веру в пищу и кров. Потому что вы пользовались гостеприимством человека, а потом смотрели, как он погибает в неравной борьбе, и не шевельнули пальцем. Я предпочла бы, чтобы вы умерли, защищая его; тогда о вас осталась бы добрая память. Я даже предпочла бы, чтобы вы сами убили его. Это было бы доказательством того, что в ваших жилах течет кровь.

— И это вы называете любовью? — воскликнул он насмешливо; в нем начал пробуждаться его бес. — Хороша любовь! Нечего сказать! Боже, чему только нам, мужчинам, не приходится учиться!

— А я думала, что вы уже научились всему, — ответила она, — что вас научили другие женщины.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он, не обращая внимания на ее слова. — Вам придется считаться со мной. Я не позволю вам безнаказанно бросить меня. Я этого не допущу, предупреждаю вас. Вы

совершили несколько очень смелых поступков, которые погубят вашу репутацию, если они станут известны. У меня есть уши. Я не спал. Вам нелегко будет объяснить факты, которые вы считаете невинными.

Она посмотрела на него с холодной улыбкой, в которой были жалость и насмешка. Это окончательно взбесило его.

— Я лежу на обеих лопатках, надо мной можно глумиться, меня можно жалеть! Но я обещаю вам, что потяну вас за собой. Мои поцелуи вас унизили, да? А что же вы тогда испытали в Счастливом Лагере, по дороге от реки Дайи?

Как бы в ответ на его слова к ним подошел Корлисс, размахивая буксирным канатом. Фрона приветственно протянула ему руку. — Вэнс, — сказала она, — почтальон доставил отцу важные известия, настолько важные, что он должен уехать обратно. Он отплывает после обеда с бароном Курбертенем на «Бижу». Не отвезете ли вы и меня в Доусон? Я хочу уехать туда немедленно, сегодня же.

— Он... он... навел меня на мысль о вас... — робко добавила она, указывая на Сент-Винсента.